

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

34

50 ЛЕТ СССР

Д. М. КУКИН

Советский Союз — содружество социалистических наций

А. Ф. ГАЛКИН

Якутия — процветающий край

К. М. ПРОДАЙВОДА

Новая жизнь на бурятской земле

А. Т. ЯКИМОВ

Великий подвиг советского народа на Дальнем Востоке

4
1972

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

4 1972

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

К пятидесятилетию образования СССР

- 3 Советский Союз — содружество социалистических наций
Д. М. Кукин
- 17 Якутия — процветающий край
А. Ф. Галкин
- 23 Новая жизнь на бурятской земле
К. М. Продайвода

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 31 Советско-корейское экономическое сотрудничество
М. В. Мецгеряков
- 39 Политические махинации Пекина на Индостанском полуострове
Г. В. Матвеев
- 46 Маоистский миф о «сверхдержавках»
Б. А. Соборов
- 55 Экспансия японских монополий в Индонезии
Л. Ф. Пахомова

ИДЕОЛОГИЯ

- 65 Японский национализм. Его истоки и идейно-философское содержание
Б. В. Поспелов

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

- 77 Кризис школьного образования в КНР
Н. Е. Сретенская
- 88 Китайское кино сегодня
С. А. Торонцев

ИСТОРИЯ

- 97 Выдающиеся произведения творческого марксизма-ленинизма. К 60-летию статей В. И. Ленина о Китае
Е. Ю. Богуш

34

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАНИИ АН СССР

1471-м

- 104 Великий подвиг советского народа на Дальнем Востоке
А. Т. Якимов
- 113 «Историография» против истории
Современные американские историки о колониальной
политике США в XIX веке
А. А. Мурадян

ПУБЛИЦИСТИКА

- 124 «Подземное небо. Вьетнамский дневник, 72»
Блага Димитрова

ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ

- 130 К сорок пятой годовщине Кантонской коммуны

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 134 Из истории китайской общественно-политической мысли
нового времени
В. А. Неделин
- 137 Два экономических этапа — две политики
В. В. Дашков
- 140 Новые книги по Востоку в 1973 году
В. Я. Вениаминов

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ, СООБЩЕНИЯ

- 142 Памяти товарища Дэн Чжун-ся
Т. Н. Акатова
- 145 Библиотека советских китаеведов
Д. Н. Зильберг
- 148 XXIV Международный конгресс китаеведов в
Амстердаме
В. А. Кривцов
- 149 Встречи на Филиппинах
А. П. Марков

151 СОБЫТИЯ, ЦИФРЫ, ФАКТЫ

155 КНИЖНАЯ ПОЛКА

157 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1972 ГОД

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2.
Тел. 127-08-49

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ,
(И. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА)
В. А. АРХИПОВ (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ)
Г. В. АСТАФЬЕВ, О. К. ГЛАДИЛИН, Г. В. ЕФИМОВ,
М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, И. А. ЛАТЫШЕВ,
О. Б. РАХМАНИН, В. М. СОЛНЦЕВ, С. Л. ТИХ-
ВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДО-
РЕНКО.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Советский Союз — содружество социалистических наций

*Д. М. Кукин,
член-корреспондент АН СССР*

Советский народ 30 декабря 1972 г. отмечает знаменательную дату — 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Это великий праздник нашего многонационального народа. Трудящиеся страны встречают эту знаменательную дату с огромным политическим и трудовым подъемом. С новой силой они демонстрируют морально-политическое единство, монолитную сплоченность вокруг Коммунистической партии, нерушимую дружбу, братское сотрудничество всех народов нашей страны. Подготовка к юбилею проходит под знаком претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС. Решения, материалы съезда способствуют дальнейшему сплочению мирового социалистического содружества, коммунистического и рабочего движения, оказывают благотворное влияние на всю международную обстановку.

Ленинский курс в национальной политике

Огромная заслуга в создании многонационального социалистического государства принадлежит В. И. Ленину. Он творчески развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, создал стройное учение по национальному вопросу, с научных позиций разработал и обосновал принципы национальной политики нашей партии.

Как отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», народы нашей страны веками совместно боролись против царизма, социального и национального угнетения. Старому миру классового и национального гнета, национальной розни и обособления Коммунистическая партия, рабочий класс противопоставили новый, свободный мир — мир единства трудящихся.

«Ленинская партия, рабочий класс решительно отстаивали равноправие всех наций и народностей, право наций на самоопределение, вплоть до образования самостоятельных государств во имя утверждения тесного добровольного союза равноправных народов. «Мы требуем свободы самоопределения, т. е. независимости, т. е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств,— писал Ленин незадолго до Октябрьской революции,— а, наоборот, потому, что мы хотим

крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, *немыслимой* без свободы отделения»¹.

Ярким символом тесного добровольного союза равноправных народов и стала Советская страна.

Советский Союз представляет собою невиданный ранее в истории пример единства и дружбы народов, являющихся одним из величайших завоеваний социализма, могучей движущей силой Советского общества.

С образованием многонационального советского государства была доказана на практике жизненная сила, научность марксизма-ленинизма, показавшего необходимость сплочения пролетариев всех национальностей в борьбе против царизма и капитализма, за осуществление демократической и социалистической революции.

Главным политическим условием осуществления коренных социально-экономических преобразований, претворения в жизнь ленинской программы по национальному вопросу является победа Великой Октябрьской социалистической революции.

Сразу после победы Октября В. И. Ленин, Коммунистическая партия определили конкретные пути строительства нового общества, претворения в жизнь национальной политики, соответствующей коренным интересам трудящихся. Великий опыт осуществления национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства, образования многонационального государства нового типа свидетельствует о том, что только социалистическая революция создает все необходимые условия для тесного сплочения всех трудящихся во главе с рабочим классом, под руководством его авангарда — Коммунистической партии, для ликвидации капиталистической системы, всей системы национального и социального гнета.

Исторической заслугой В. И. Ленина является открытие советской федерации как формы строительства многонационального социалистического государства.

Опыт СССР свидетельствует о том, что для сплочения народов в многонациональное социалистическое государство необходимо создание наиболее демократической формы власти трудящихся. Такой формой в нашей стране являются Советы. Они близки всем слоям трудового народа и потому позволили объединить вокруг рабочего класса многомиллионные массы крестьянства, трудящихся всех национальностей. Богатейший опыт деятельности Советов свидетельствует, что рабочие и крестьяне могут успешно управлять социалистическим государством на основе широкого и последовательного демократизма.

Национальный вопрос в нашей стране, включающей около 100 национальностей, являлся одним из коренных вопросов строительства нового общества. От правильного решения этого вопроса во многом зависела судьба советского строя. Коммунистическая партия сплотила все нации и народности в единое интернациональное и нерушимое братство, объединенными усилиями строящее социализм и коммунизм.

Уже в первом документе — Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятом после победы Октября, а также в Конституциях РСФСР и других советских республик были провозглашены важнейшие принципы политического, экономического и культурного строительства нового общества. На протяжении первых пяти лет после

¹ О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г., Политиздат, М., 1972, стр. 6.

установления диктатуры пролетариата происходило закономерное и последовательное формирование социалистического многонационального государства, завершившееся в 1922 г. историческим событием — образованием Союза Советских Социалистических Республик. На том этапе в СССР вошли четыре республики: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (в составе Азербайджана, Армении и Грузии). Дальневосточные районы нашей страны также вошли в этот Союз в качестве составной части РСФСР. Ленинские принципы государственного союза равноправных народов были положены в основу Конституции СССР, окончательно утвержденной II Всесоюзным съездом Советов 31 января 1924 года.

В последующие годы в процессе строительства социализма постепенно складывались условия для продолжения и совершенствования национально-государственного строительства Советского Союза. Со временем образовались другие советские социалистические республики: Туркменская и Узбекская (1924 г.), Таджикская (1929 г.); Казахская и Киргизская автономные республики были преобразованы в союзные в 1936 г., в этом же году непосредственно вошли в состав СССР Азербайджанская, Армянская и Грузинская республики, создавшие ранее Закавказскую СФСР. 5 декабря 1936 г. была принята Конституция СССР, законодательно закрепившая победу социализма в нашей стране, основы социальной и государственной организации социалистического общества.

В последующие годы в жизни нашего многонационального государства знаменательными событиями явились воссоединение украинского народа в 1939—1945 гг., воссоединение белорусского народа в 1939 году. Трудящиеся Латвии, Литвы, Эстонии в ходе революционной борьбы в 1940 г. восстановили советскую государственность и вошли в Союз ССР на основе свободного волеизъявления народов. Затем после воссоединения молдавского народа была преобразована в Союзную Республику Молдавская АССР.

В процессе осуществления национальной ленинской политики нашей партии учитывались конкретные особенности развития всех национальностей страны. Большой интерес в этом отношении представляет развитие наших дальневосточных районов, особенно в первые годы Советской власти. Именно в то время, когда происходил процесс все большего сближения трудящихся различных национальностей страны, на Дальнем Востоке была создана Дальневосточная Республика, существовавшая в 1920—1922 годах. В этом нашла выражение мудрая и гибкая тактика нашей партии. Создание временного государственного образования — так называемой буферной республики, было вызвано исключительно сложной международной и внутренней военно-политической обстановкой. После освобождения Приморья от интервентов Народное собрание Дальневосточной Республики провозгласило на всем русском Дальнем Востоке Советскую власть и обратилось во ВЦИК с просьбой о присоединении ДВР к РСФСР. Просьба была удовлетворена.

В. И. Ленин, Коммунистическая партия, правительство молодой Советской республики с самого начала строительства нового государства с особым вниманием, чуткостью и огромным доверием отнеслись к народам Востока, ранее поработанным царским правительством.

Уже через месяц после Великой Октябрьской революции публикуется Обращение Совета народных комиссаров РСФСР ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. Подчеркивая в этом документе

всемирно-историческую роль победы революции, Советское правительство обращалось к мусульманам Востока со следующим призывом:

«Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраняйте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»².

В начале января 1918 г. В. И. Ленин предложил текст «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была утверждена III Всероссийским съездом Советов и впоследствии легла в основу Советской Конституции. В Декларации торжественно провозглашалось, что новая власть «настаивает на полном разрыве с варварской политической буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»³.

Эту линию В. И. Ленин неуклонно продолжал и далее в практической деятельности. Когда в октябре 1919 г. в результате победы войск Красной Армии, поддержанных трудящимися Средней Азии, была установлена непосредственная связь освобожденного Туркестана с остальной Советской Россией, ВЦИК и Совнарком вынесли специальное постановление о создании правительственной Комиссии по делам Туркестана. Комиссия уполномочивалась представлять ВЦИК и СНК и действовать от их имени «в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств», имея в виду следующее принципиальное положение:

«Самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и ...только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России».

Подписывая вместе с М. И. Калининым этот документ, В. И. Ленин в ноябре 1919 г. обращается к коммунистам Туркестана с личным письмом («позвольте мне обратиться к вам не в качестве председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии»). В нем он напоминает, что установление правильных отношений РСФСР с народами Туркестана имеет значение, «без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое». Ленин писал далее:

«Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание,— приложить все усилия к тому, чтобы на примере делом установить товарищеские отношения к народам Туркестана,— доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его,— с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии⁴...»

² Советское содружество народов. (Объединительное движение и образование СССР.) Сборник документов 1917—1922 гг., Политиздат, М., 1972, стр. 16.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 97—98.

Следует отметить, что уже тогда, в первые годы существования Советской власти, В. И. Ленин, Коммунистическая партия при всем уважении к суверенным правам, к национальной культуре и обычаям народов Востока вели неослабную борьбу против местных буржуазных националистов и сепаратистских тенденций, мешавших укреплению единого многонационального Советского государства. Так, например, в Письме ЦК РКП (б) всем партийным комитетам и политотделам «К работе среди народов Востока», датированном 21 февраля 1920 г., обращалось внимание на необходимость бдительного отношения к поползновениям националистов и в связи с этим указывалось:

«Будучи проникнута сочувственным отношением к развитию национальной культуры и к принципу самоопределения, партийная работа должна носить отчетливо интернационалистический характер, должна поддерживать необходимость тесного союза мусульманских трудящихся с Советской Россией не как с великим государством, которое силой забрало эти массы под свою власть, а как с единственной их опорой еще на долгое время в борьбе за их освобождение»⁵.

Решение национального вопроса в СССР — классический пример глубокого и всестороннего учета коренных классовых и национальных задач трудящихся, спланивающих свои силы в борьбе за построение социализма и коммунизма.

Многолетний опыт развития Советской страны под руководством Коммунистической партии показывает, какие неисчерпаемые возможности скрываются в недрах народа и используются на благо строительства социализма и коммунизма. Под руководством КПСС трудящиеся Советской страны осуществили индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства, культурную революцию. К 1937 г. в СССР было построено социалистическое общество, впервые в истории сложилось его тесное морально-политическое единство, в нерушимую силу вылилась братская дружба народов всех национальностей.

Братское сотрудничество и взаимопомощь

Характерной чертой дружбы народов нашей страны является их взаимопомощь, взаимопроникновение экономики и культур различных национальностей. Советская Россия, возглавляемая Коммунистической партией, с первых дней Октября стала оказывать безвозмездную экономическую, культурную и вооруженную помощь отсталым окраинам страны, объединяла их для защиты завоеваний Октября, а затем для восстановления и развития Советского государства.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что успешное решение задач взаимопомощи трудящихся различных национальностей нашей страны способствовало их развитию и всестороннему укреплению. При братской помощи РСФСР в трудных условиях гражданской войны и восстановления народного хозяйства Советская Грузия, Советская Армения получали большое количество хлеба, денежные ассигнования, а также комплекты оборудования для промышленных предприятий и сельскохозяйственной техники. Большую помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства получали от русского народа трудящиеся Украины, Белоруссии. Существенная помощь оказывалась Сибири, Дальнему Востоку в борьбе с белогвардейцами и интервентами, а после

⁵ Там же, стр. 121—122.

их изгнания — для осуществления промышленного роста, развития сельского хозяйства, подъема культуры.

Вдохновителем и организатором братского сотрудничества республик был В. И. Ленин, который всесторонне разработал вопрос о национально-государственных отношениях народов в условиях диктатуры пролетариата, Советской власти. В. И. Ленин указывал на необходимость стремиться ко все более тесному союзу народов нашей страны, «...имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного, экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства...»⁶.

Указанные Лениным обстоятельства и учитывала партия в первую очередь, осуществляя политику объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить внешнюю безопасность и внутреннее хозяйственное развитие, сплочение всех национальностей страны.

Создание СССР заняло выдающееся место в истории по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям. Советский Союз явился ярким воплощением принципов пролетарского интернационализма.

Нерушимая прочность СССР была подвергнута суровой проверке в годы Великой Отечественной войны. Трудящиеся нашей страны в схватке с опаснейшим врагом человечества — гитлеровским фашизмом убедительно показали, что только в нерушимом союзе, общими силами можно отстоять свободу и независимость, революционные завоевания. В результате победы советского народа были разрушены надежды мирового империализма на возрождение эксплуататорского строя, на развал многонационального социалистического отечества трудящихся. Советский народ показал всему миру величайшие чудеса стойкости и мужества. Победа советского народа в Великой Отечественной войне продемонстрировала великие преимущества советского государственного строя, могучую жизненную силу Союза Советских Социалистических Республик.

Нерушимая дружба народов СССР, руководимых Коммунистической партией, явилась важнейшим условием восстановления народного хозяйства в кратчайший срок и дальнейшего успешного развития страны. «Готовясь к 50-летию образования СССР, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», — Коммунистическая партия, советский народ с законной гордостью оглядывают пройденный путь героических побед и свершений. К знаменательному юбилею Советский Союз приходит с великими достижениями во всех областях жизни»⁷.

Наша страна выросла в могучую, высокоразвитую державу, осуществила полную, окончательную победу социализма. Советский народ под руководством партии успешно строит коммунистическое общество. За 50 лет — с 1922 г., года образования СССР — национальный доход

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 164.

⁷ О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, стр. 13.

страны увеличился более чем в 100 раз. Там, где были отсталые феодальные и полуфеодальные окраины царской России, неустанным творческим трудом советских людей созданы многочисленные промышленные предприятия, колхозы и совхозы, благоустроенные города и села.

Принципиально важные, качественные изменения произошли в социально-политической жизни советских людей. В нашей стране ликвидированы эксплуататорские классы, нет безработицы, покончено с неграмотностью, укрепился союз рабочих и крестьян, вылившийся в непоколебимую дружбу между ними. В Советской стране сложились новые, социалистические нации, утвердилось социальное и идейно-политическое единство советских людей. В результате осуществления культурной революции огромного размаха достигло народное образование. В настоящее время три четверти работающего населения городов и половина сельского населения имеют высшее и среднее образование, тогда как еще в начале 20-х годов три четверти населения страны было неграмотно.

За годы Советской власти партия последовательно проводила ленинскую политику использования старых кадров, перешедших на сторону Советской власти, и подготовки новых кадров. В настоящее время создана огромная армия высокоподготовленных специалистов — представителей всех национальностей СССР — в области промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры в соответствии с потребностями экономического и культурного развития страны. В процессе строительства социализма и коммунизма достигла расцвета социалистическая по содержанию, национальная по форме культура народов нашей страны. На языках народов СССР в невиданных ранее масштабах создаются и публикуются научные труды, произведения литературы и искусства, выпускаются многомиллионными тиражами газеты и журналы. Во всех республиках созданы театры, на киностудиях создаются художественные и документальные фильмы, раскрывающие образы советских людей, показывающие прогрессивные преобразования, достигнутые их трудом. Исключительного размаха достигло самодеятельное искусство. Во всех его видах участвуют десятки миллионов людей.

Одним из важных результатов успешного решения национального вопроса в СССР является всестороннее развитие языков всех наций и народностей нашей страны. В советское время более 40 народов, не имевших в прошлом своей письменности, обрели научно разработанную письменность и в настоящее время имеют развитые литературные языки. В качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык. В этом ярко проявились принципиальные особенности ленинской национальной политики в отличие от политики царизма, который в течение многих десятилетий пытался насильно насадить русский язык как государственный язык, вызывая этим решительный протест трудящихся всех национальностей страны. Ныне русский язык является могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, важнейшим средством их приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой науки, техники, литературы и искусства.

Важным фактором быстрого и всестороннего прогресса всех республик нашей страны является выравнивание и подъем уровней экономического, социально-политического и культурного развития. Все более полно и ярко раскрываются творческие способности, созидательная энергия трудящихся всех наций и народностей нашей страны.

Развитие национальных отношений в условиях коммунистического строительства приводит к дальнейшему совершенствованию доброволь-

ного союза народов всех национальностей страны. «В истекшие годы под руководством партии,— отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду,— были сделаны новые шаги по пути всестороннего развития каждой из братских советских республик, по пути дальнейшего, постепенного сближения наций и народностей нашей страны. Это сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей, развития социалистических национальных культур. Постоянный учет как общих интересов всего нашего Союза, так и интересов каждой из образующих его республик — такова суть политики партии в этом вопросе»⁸.

В ходе строительства социализма и коммунизма полностью оправдала себя государственная форма совместной борьбы трудящихся всех национальностей нашей страны за программные цели нашей партии, за осуществление коммунистических идеалов. Для решения задач, поставленных партией, целеустремленно направлялись и использовались взаимные усилия трудящихся всех республик, экономических районов, всех многонациональных трудовых коллективов.

В процессе социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорится: «В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества. Эту монолитную сплоченность многонациональный советский народ демонстрирует своим трудом, своим единодушным одобрением политики Коммунистической партии»⁹.

В настоящее время происходит дальнейшее укрепление единства и сплоченности советского народа. Главной социальной силой интернационализации жизни в нашей стране выступает рабочий класс. Его социалистические интересы и коммунистические идеалы выражает марксистско-ленинская идеология. Она является духовной основой сближения всех классов и социальных групп, наций и народностей нашей страны. Интернационализм, как характерная особенность духовного облика рабочего класса, в процессе строительства социализма и коммунизма становится важнейшей, неотъемлемой чертой сознания всех советских людей.

Во всех союзных и автономных республиках растут ряды рабочего класса, он в значительной мере пополняется за счет коренного населения. Во все сферы промышленности и сельского хозяйства все больше проникает индустриальный труд. Растет квалификация работников всех областей производства, увеличивается численность интеллигенции. Осуществляется закономерный процесс сближения условий труда и быта города и деревни, рабочих и специалистов, представителей всех наций и народностей Советского Союза. Это имеет огромное значение в усилении социальной однородности трудящихся всех национальностей нашей страны.

Характерная особенность монолитного единства граждан всех национальностей нашей страны заключается в том, что у нас отсутствует разграничение трудящихся по национальностям в государственной, хозяйственной, культурной, общественной деятельности.

⁸ Материалы XXIV съезда КПСС. Политиздат, М., стр. 76.

⁹ Там же.

Во всех случаях учитываются деловые качества, способности, опыт, знания каждого человека. Многонациональным является состав партийных и советских органов. Вот один из характерных примеров. В числе 339 депутатов, избранных в июне 1971 г. в Верховный Совет Киргизской ССР, киргизов насчитывается 197 человек, а остальные депутаты — русские, украинцы, узбеки и представители других национальностей. В составе депутатов местных советов Казахстана — представители 69 национальностей и народностей: казахи, русские, украинцы, белорусы, уйгуры, корейцы, немцы, дунгане и другие.

В советской стране во всех сферах общественной жизни утвердились нормы коллективизма, интернационализма. Интернациональной общности народов нашей страны не противоречит расцвет социалистических наций, а наоборот, предполагается их всестороннее развитие. Вместе с тем ведущим является интернациональная общность, объединение усилий всех трудящихся в борьбе за осуществление общих задач строительства коммунизма. Тем самым в процессе создания нового общества решается и задача развития каждой национальности. В этом коренное различие решения национального вопроса в социалистических и буржуазных странах.

Как известно, буржуазные социологи рассматривают интернациональное как нечто чуждое и враждебное национальному. Поэтому при решении национального вопроса они исходят из позиции отказа от национального или абсолютизируют национальное. Господствующие классы капиталистического общества всегда использовали и используют национализм в своих классовых интересах. Марксизм-ленинизм рассматривает национальное и интернациональное в тесном единстве, подходит к решению этого вопроса с позиций рабочего класса, в интересах всех трудящихся.

Последовательное осуществление марксистско-ленинской национальной политики привело к достижению замечательных успехов в развитии экономики, культуры, в повышении жизненного уровня трудящихся всех национальностей нашей страны. Достигнуты огромные успехи в развитии прежде отсталых в экономическом и культурном отношении наций. С закономерной последовательностью осуществляется процесс экономического и культурного сближения наций, выравнивания уровней их развития. Осуществляется процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур всех национальностей.

В настоящее время национальные отношения в нашей стране достигли высокой степени развития, приобретают качественно новый характер. Ушли в прошлое времена, когда основное внимание уделялось ликвидации отсталости национальных окраин. Ликвидировано существовавшее в дореволюционные годы политическое, социальное, культурное неравенство народов. Повсюду в стране высокими темпами развивается промышленность, механизированное сельское хозяйство на основе новейших достижений науки и техники в соответствии с требованиями научно-технического прогресса.

В условиях развитого социализма ведущее значение приобретает сближение наций. Создаются все более благоприятные условия для всестороннего сотрудничества и взаимопомощи трудящихся всех национальностей нашей страны. Одной из важнейших особенностей развития экономики СССР является общесоюзное разделение труда на основе комплексного развития союзных республик. Все более совершенствуются специализация и кооперирование важнейших отраслей производства.

В настоящее время экономика нашей страны — единый народнохозяйственный комплекс, развивающийся по единому плану в соответствии

с закономерностями развития советского общества. Усилия трудящихся всех национальностей все более целеустремленно направляются к единой цели с учетом природных, экономических, трудовых ресурсов каждой республики и автономной области. Общее стремление трудящихся всех национальностей направлено на укрепление политического, экономического и оборонного могущества нашей страны.

Разительные перемены

Трудящиеся всех национальностей СССР в процессе строительства социализма и коммунизма добились замечательных успехов. Огромные перемены произошли в Средней Азии и на Севере страны, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, как и во всей стране.

В частности, в республиках Средней Азии — ранее отсталых национальных окраинах — уже в 1940 г. валовая продукция промышленности неизмеримо возросла в сравнении с 1913 годом. Так, например, в Казахстане она увеличилась в 7,8 раза, в Таджикистане — в 8,8 раза, в Киргизии — в 9,9 раза. Быстрыми темпами росла экономика также в Узбекистане, Туркмении.

О том, как много сделано за годы Советской власти в азиатских республиках СССР свидетельствуют хотя бы такие факты. До революции в этом крае не было вовсе высших учебных заведений. Сейчас только в одной Казахской ССР действуют 45 вузов и 198 средних специальных учебных заведений, имеется республиканская Академия наук, более 200 научных учреждений, где успешно трудятся 28 тысяч научных работников.

Весьма показательна также численность студентов в вузах наших азиатских республик по сравнению с развитыми капиталистическими странами Западной Европы. В 1971/72 учебном году в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении суммарно насчитывалось свыше 558 тысяч студентов, то есть больше, чем в ФРГ, где в последнее время училось 333 тыс. учащихся вузов, Италии (414 тыс.), Англии (483 тыс.).

На всей территории Казахстана до Октябрьской революции имелось всего 244 врача, а сейчас здесь работает около 30 тысяч врачей и более 100 тысяч фельдшеров и медицинских сестер. В республике функционирует обширная сеть поликлиник, больниц, амбулаторий, санаториев и т. п.

Едва ли не самым бедствующим народом в царской России были буряты. Октябрьская революция, Советская власть преобразили этот красивейший край, который по своей площади (351 тыс. кв. км) не уступает многим европейским странам, а население составляет около миллиона человек. Если раньше богатейшие естественные ресурсы Бурятии оставались втуне, то за годы советских пятилеток наряду с сельским хозяйством бурное развитие получили разработка цветных и редких металлов, угольная, лесная и деревообрабатывающая промышленность, добыча золота. Продукция крупной промышленности за годы Советской власти увеличилась более чем в сто раз.

В Бурятской автономной области была создана своя национальная письменность; имеется широкая сеть общеобразовательных школ и несколько вузов, в том числе технологический, сельскохозяйственный, педагогический. В столице области Улан-Удэ работают театр оперы и балета, а также два драматических театра, телецентр и т. п. Здесь изда-

ются тридцать изданий газет, причем половина из них на бурятском языке.

Особый интерес, несомненно, представляет также небывалый прогресс советского Севера, где были творчески применены общие положения марксистско-ленинской теории. В мировой истории до Октябрьской революции не было примера перехода каких-либо народов к социализму, минуя капиталистическую стадию. Преобладание в районах Севера страны доклассовых отношений обусловили здесь выбор специфических путей приобщения населения этих районов к социализму. В качестве органов самоуправления создавались «родовые» советы. В практике колхозного строительства использовались сохранившиеся общинные отношения. Учитывая специфические условия Севера, замедленными темпами осуществлялось кооперирование населения. Создавались вначале простейшие производственные объединения, рассчитанные на длительный период.

Прямой реализацией ленинского принципа автономии и самоопределения национальных меньшинств явилось образование на Севере национальных округов. В. И. Ленин подчеркивал, что «...для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом, причем к этим округам могли бы «тяготеть» и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара»¹⁰.

Коммунистическая партия и Советское правительство в своих решениях всегда учитывали специфику Крайнего Севера, особые условия развития здесь хозяйства и культуры. В районах советского Севера свободное развитие всех национальных языков способствовало вместе с тем глубокому овладению большинством населения наряду с родным языком также и русским.

За последнее время в районах Севера особенно интенсивно развивается экономическое строительство. Оно характеризуется ускоренной индустриализацией, реконструкцией промышленности и сельского хозяйства, переустройством культуры и быта. Примером такого интенсивного развития может служить, в частности, Якутская АССР. В настоящее время в этом, ранее экономически очень отсталом районе страны достигнут высокий уровень прогресса. Здесь только в 1970 г. произведено более миллиарда киловатт часов электроэнергии, свыше 50 тысяч кубометров сборных железобетонных изделий и деталей, более 7 тысяч тонн сварных металлоконструкций. Произведено большое количество строительных материалов, товаров массового потребления, пищевых продуктов. С 1957 г. в Якутии бурно развивается алмазодобывающая промышленность. Начато освоение в огромных масштабах природного газа. Большое развитие получают электроэнергетика, авиационный, речной и автомобильный транспорт, лесная промышленность и т. д. Одновременно растет уровень культуры: если до Октябрьской революции численность грамотного населения здесь составляла всего 0,7 процента, то сейчас две трети трудящихся республики имеют высшее и среднее образование.

Таковы разительные перемены. Они достигнуты трудом объединенных усилий многих народов СССР. «Жители Якутии, — пишет первый секретарь Якутского обкома КПСС Г. И. Чиряев, — с большим удовлетворением отмечают: в развитии производительных сил их республики участвует по существу вся Советская страна. Со всех концов Родины идут к нам машины, оборудование, стройматериалы, товары широкого потреб-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 148—149.

ления. Благодаря помощи русского и других народов в Якутской Автономной Советской Социалистической Республике сформированы национальные кадры рабочего класса, инженерно-технической и творческой интеллигенции»¹¹.

Это характерно и для всех других республик Советского Союза.

Новые, волнующие перспективы дальнейшего развития нашей страны определил XXIV съезд партии. Новая пятилетка будет ознаменована дальнейшим мощным подъемом промышленности, сельского хозяйства, народного образования, социалистической культуры всей страны. Важные успехи будут достигнуты в повышении жизненного уровня трудящихся.

В настоящее время, когда в основном уже решена проблема подтягивания отсталых окраинных районов страны до уровня высокоразвитых экономических районов, все большее значение приобретает использование средств для решения общегосударственных задач, — именно эта проблема выдвигается на первый план. В развитии экономики и культуры страны осуществляется все более и разносторонне централизованное планирование, все более рационально используется общесоюзный бюджет в интересах развития страны в целом и каждой республики в отдельности.

Такой подход определяет все положения девятого пятилетнего плана. Главное внимание в нем уделяется наиболее целесообразному, научному использованию ресурсов и возможностей нашей страны в осуществлении дальнейшего быстрого развития всех областей экономики и культуры. Этот научный подход с большой полнотой и убедительностью проявляется, например, и применительно к районам Восточной Сибири, Дальнего Востока. В настоящее время все более широко и последовательно претворяются в жизнь ленинские положения о необходимости электрификации всей страны как важнейшего условия строительства коммунистического общества. В огромных масштабах разворачивается строительство новых энергетических объектов и в указанных районах. В Восточной Сибири за годы девятой пятилетки будет завершено строительство Усть-Хантайской ГЭС, будет введена в действие Усть-Илимская ГЭС мощностью 1920 тыс. квт и продолжено строительство Саянской ГЭС. На Дальнем Востоке будет введена в действие Зейская ГЭС мощностью 645 тыс. квт.

В девятой пятилетке перед Восточно-Сибирским экономическим районом поставлены следующие основные задачи: ускоренное развитие цветной металлургии, химической и целлюлозно-бумажной промышленности. Будет осуществлено дальнейшее наращивание мощностей в электроэнергетике, топливной и лесной промышленности. Дальнейшее развитие получит машиностроение за счет наиболее металлоемких производств при ограничении трудоемких отраслей. Будет достигнут новый подъем обслуживающих отраслей промышленности, строительной индустрии, транспорта и сельского хозяйства. Этот район по общим темпам промышленного производства (69%) займет первое место в Российской Федерации. В Восточной Сибири получают развитие территориально-производственные комплексы. Быстрыми темпами будет развиваться хозяйство Красноярского края, в частности Красноярско-Ачинский территориально-производственный комплекс. Будет завершено в этом районе строительство Красноярского алюминиевого завода, освоены производственные мощности Ачинского глиноземного завода и т. д.

¹¹ «Правда», 27.VI.1972.

На юге Красноярского края предусмотрено формирование нового Саянского территориально-производственного комплекса в составе Саянской ГЭС на Енисее, алюминиевого завода, предприятий по переработке цветных металлов и т. д. В Иркутской области будет продолжено развитие Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса (будет завершено строительство в Братске алюминиевого завода, лесопромышленного предприятия и т. д.). В Иркутско-Черемховском территориально-производственном комплексе расширяются мощности на нефтеперерабатывающем заводе, нефтехимическом комбинате и т. д.

Большое промышленное строительство будет осуществлено в Забайкалье. Нарращивание хозяйственного потенциала будет продолжаться в Дальневосточном экономическом районе. Предусматриваются меры для увеличения притока населения на Дальний Восток и закрепление кадров путем значительного улучшения условий жизни населения. С этой целью опережающими темпами осуществляется жилищно-бытовое и социально-культурное строительство.

Забота о повышении жизненного уровня, культуры трудящихся — главное в деятельности партии, этой важнейшей задаче в первую очередь подчинена вся политика КПСС.

Советский опыт создания многонационального социалистического государства, построения объединенными усилиями трудящихся всех национальностей нашей страны развитого социалистического общества, решения национального вопроса имеют огромное международное значение, оказывают большую помощь всем трудящимся мира в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Образование и успешное развитие Советского Союза — это действительно величайшее историческое завоевание не только советского народа, но и мирового социализма. СССР обладает огромной притягательной силой, в частности, потому, что конкретный опыт советского многонационального социалистического государства полностью опровергает фальсификации буржуазных идеологов, их несостоятельные, антинаучные «теории» о нациях «творческих» и нациях «неспособных» к творчеству, якобы обреченных в силу биологической «неполноценности» на духовное прозябание.

«Разрешение национального вопроса в СССР неопровержимо доказало, что активное историческое творчество доступно всем нациям и народностям, малым и большим народам, показало всю вздорность деления мира на «избранные» и «неполноценные» нации и народы»¹².

Опыт строительства социализма и коммунизма в нашей стране является великим, вдохновляющим примером для трудящихся капиталистических, а также развивающихся стран мира. Коммунистическая партия последовательно проводит линию на все более тесное сплочение и укрепление дружбы советского народа с трудящимися других стран. «СССР выступает на мировой арене, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», — как сила, твердо и последовательно проводящая политику мира и дружбы, отстаивающая ленинские принципы равноправия народов, решительно выступающая против колониализма, неоколониализма и расизма, против всех форм национального угнетения»¹³.

¹² Д. Кунаев. Укрепление советского государства — дело всех народов СССР, «Правда», 30.VI.1972.

¹³ О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, стр. 21.

Эта ленинская политика Коммунистической партии и Советского государства была и остается важнейшим фактором, направленным против агрессивной политики империализма и реакции, могучим орудием борьбы за безопасность народов, за социальный прогресс.

Буржуазии всегда было выгодно разжигание национальной, расовой, а также религиозной вражды, так как она отвлекала массы от борьбы за решение социально-классовых задач. Однако все большее углубление кризиса империализма ведет к дальнейшему обострению классовой борьбы, все более организованному и сплоченному выступлению рабочего класса, трудящихся всех наций за коренные социальные преобразования. И поскольку в решении важнейших революционных задач великий пример показывают народы Советского Союза, буржуазные фальсификаторы всячески стремятся принизить значение образования СССР, великого опыта КПСС в укреплении дружбы народов нашей многонациональной Родины.

В. И. Ленин, Коммунистическая партия, рабочий класс нашей страны всегда высоко держали знамя интернационального единства трудящихся. «Сознательные пролетарии постоянно добивались теснейшего сплочения рабочих, беднейшего крестьянства в борьбе с реакцией, отменяя прочь любые формы буржуазно-националистической идеологии, будь то великодержавный шовинизм или местный национализм, национальное чванство или национальный нигилизм, антисемитизм или сионизм»¹⁴.

Этим благородным принципам наша партия, все народы Советского Союза непоколебимо верны и теперь.

Подготовка к 50-летию Советского Союза проходит в обстановке огромного политического и трудового подъема, партия использует ее для дальнейшего разъяснения принципов марксистско-ленинской теории и программных положений КПСС по национальному вопросу, подчеркивая огромное значение образования СССР для построения социализма и коммунизма в нашей стране.

«Наш Союз, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — идет к этой годовщине с огромными достижениями во всех областях общественной жизни, полный энергии, уверенности в своих силах, в торжестве великого дела коммунизма, ради которого он создан и ради которого борются и трудятся образовавшие его народы».

Ленинский курс XXIV съезда партии определил перспективы экономического и социально-политического развития страны, повышения благосостояния советского народа, расцвета и дальнейшего постепенного сближения наций и народностей СССР, развития и укрепления общенародной социалистической государственности и демократии. Советский народ горячо и единодушно поддерживает политику своей родной партии, борется за претворение в жизнь ее решений. Под руководством Коммунистической партии народы нашей страны, сплоченные в могучую и нерушимую братскую семью, добиваются новых и новых успехов в строительстве коммунистического общества.

¹⁴ О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, стр. 6.

Якутия — процветающий край

А. Ф. Галкин,
секретарь Якутского обкома КПСС

Полувековой юбилей Союза Советских Социалистических республик — великий праздник дружбы народов нашей страны, торжества ленинской национальной политики КПСС.

Исторический путь СССР на протяжении пяти десятилетий демонстрирует небывалые в прошлом между народами отношения, в основе которых лежат тесное единство, братство, сплоченность. Вместе с тем этот путь подтверждает научное предвидение классиков марксизма-ленинизма о том, что подлинное единство общества может быть достигнуто только на базе социализма, что в результате уничтожения эксплуатации человека человеком исчезает и эксплуатация одной нации другой, и, следовательно, исчезают и враждебные отношения между ними.

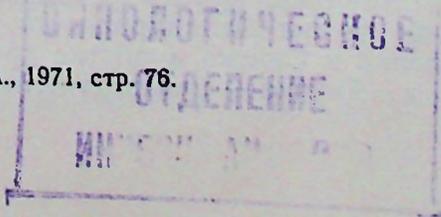
«За годы социалистического строительства, — отметил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев, — в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества»¹.

Государственное единство советских республик дало возможность использовать все преимущества социалистического общественного строя для всестороннего прогресса СССР в целом и каждой из советских республик в отдельности. Это обеспечило, в частности, быстрое экономическое и культурное развитие бывших окраин, представлявших собой при царизме колониальные районы. Одним из таких районов была и Якутия.

Свыше трехсот лет назад Якутия стала неразрывной частью России. Вхождение Якутии в состав Российской империи, общение якутов с русским народом, их совместная борьба против общего врага — царского самодержавия — имели глубокое прогрессивное значение. Это было событие большой исторической важности, поворотным моментом в истории народа Якутии.

К моменту прихода русских в районы обитания якутов последние заселяли в основном бассейн средней Лены, часть ее верхнего течения и нижнего течения реки Вилюя. Уровень экономического развития местного населения был крайне низок: скотоводческое хозяйство велось примитивным способом; якуты не знали земледелия, сколько-нибудь развитого ремесла. Письменная культура отсутствовала. Часть племен

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 76.

(эвенки, юкагиры) вплоть до XVII столетия переживала еще каменный век.

Уже в XII веке россияне, писал Маркс, сквозь дремучие леса положили себе путь в Сибирь.

Русские землепроходцы Мартын Васильев, Петр Бекетов, Елисей Буза, Иван Ребров и другие не только принесли России подлинные сведения об этом крае, но и заложили основу первых сношений русских с их северными соседями.

Якуты с самого начала вступили в мирную экономическую связь с русскими, стали приобщаться к материальной и духовной культуре России. Против вхождения в состав Российской империи выступила кучка тойонов, которая преследовала свои узкокорыстные классовые интересы, отстаивала свое «право» «самостоятельно» эксплуатировать сородичей. Впрочем, эксплуататоры быстро нашли общий язык, и тойоны стали союзниками царизма.

Вхождение Ленского края в Российское государство ускорило разложение первобытно-общинного строя и возникновение классовых отношений в Якутии. Под благотворным влиянием русских еще в дореволюционную эпоху произошли прогрессивные сдвиги в образе жизни якутов, возникли зачатки письменности и школьного образования, началось изучение русского языка.

Великая Октябрьская революция открыла новую, замечательную страницу в истории народов Якутии.

В июне 1972 г. трудящиеся Якутской АССР отпраздновали пятидесятилетие образования своей республики.

Как изменили облик Якутского края прошедшие полвека?

Якутия занимает огромную территорию на северо-востоке нашей страны. Ее площадь — 3083,5 тыс. кв. км, то есть седьмая часть всей территории Советского Союза. До революции это был малонаселенный суровый край, место ссылки политических противников царизма. Царизм рассматривал Якутию как своеобразную «тюрьму без решеток». В этой тюрьме в разное время томились в неволе представители трех поколений русских революционеров — начиная от декабристов, кончая большевиками-ленинцами.

Переживший ссылку в Якутском крае великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский с болью в сердце писал о крайней нищете якутских трудящихся. Однако он верил в светлое будущее нашего народа и предвидел, что «через несколько времени будут жить и якуты по-человечески».

Накануне Октябрьской революции соратники В. И. Ленина Серго Орджоникидзе, Емельян Ярославский и Г. И. Петровский, будучи в якутской ссылке, в нелегальных условиях создали якутскую организацию партии большевиков. Как раз в то время из среды якутской молодежи выдвинулись будущие руководители Якутской областной партийной организации и организаторы Советской власти в Якутии Максим Кирович Аммосов, Платон Алексеевич Слепцов-Ойунский, Исидор Никифорович Барахов, Степан Максимович Аржаков и другие.

За установление Советской власти в Якутии вместе с трудящимися-якутами на фронтах гражданской войны сражались сыны русского и других народов, направленные на помощь якутским революционерам по указанию коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина: отважные командиры красных отрядов — русские Курашов и Широких-Полянский, грузин Каландрашвили, латыши Байкалов и Строд, украинцы Котенко и Снитко и многие другие. В списке погибших за власть Советов в Якутии — представители 26 национальностей. Поистине

кровью лучших сынов и дочерей разных национальностей была скреплена революционная и боевая дружба народов Якутии с братскими народами нашей страны.

Приветствуя делегатов первой конференции бедноты Якутии, вождь народов В. И. Ленин в апреле 1921 г. писал: «...раскрепощенные от царистского угнетения... освобождающиеся от кабалы тойонов... якутские трудящиеся массы... пробудятся и с помощью русских рабочих и крестьян выйдут на путь полного укрепления власти самих трудящихся»².

Эти пророческие слова В. И. Ленина сбылись. Именно при помощи русских рабочих и крестьян, при помощи и прямом участии всех народов СССР советская Якутия стала цветущим краем, а ее народ от вековой отсталости и нищеты поднялся до высот социализма и живет полнокровной жизнью в семье равноправных социалистических наций.

О коренных преобразованиях Якутии в годы Советской власти свидетельствует множество фактов. До революции в этом суровом северном крае фактически не было промышленности. В 1917 г. в области насчитывалось не более двух десятков кустарных кирпичных заводов, были четыре карликовые паровые мельницы и единственная электростанция в городе Якутске мощностью 160 квт, 95 процентов населения края занималось сельским хозяйством, где основными орудиями труда являлись мотыга, лопата, деревянная соха и ручная коса.

Ныне Якутия — индустриально-аграрная республика. Мощное развитие получила здесь горнодобывающая промышленность. В 1923 г. Якутия впервые дала стране промышленное золото. А ныне предприятия золотодобычи работают на огромной территории — от реки Алдан до берегов Ледовитого океана. Крупным событием явилось открытие в 1955 г. алмазных месторождений в Западной Якутии. Теперь наша республика стала центром отечественной алмазодобывающей промышленности. Якутская земля дает стране олово и слюду. С 1970 г. началось освоение Вилюйского месторождения природного газа. Успешно развивается наша легкая, пищевая, местная и лесная промышленность.

Валовая продукция всей промышленности республики в годы Советской власти увеличилась в 293 раза.

В последние годы быстрыми темпами развивается энергетическая промышленность. Гордостью трудящихся Якутии является Вилюйская гидроэлектростанция — уникальное гидросооружение, воздвигнутое на вечной мерзлоте. Только за 1965—1970 гг. производство электроэнергии увеличилось с 627 млн. квт часов до 1 млрд. 400 млн. квт. часов.

За годы восьмой пятилетки средние темпы роста промышленности составили 12,5 процентов. В течение пятилетки увеличилась производительность труда на 63 процента, за счет чего получено 84 процента прироста продукции.

В прошлом край бездорожья, Якутия ныне покрыта густой сетью автомобильных дорог и авиалиний, расширяется речное и морское судоходство.

Широким фронтом идет строительство. За восьмую пятилетку на нужды развития всех отраслей народного хозяйства вложено более 2 млрд. рублей. Это почти столько же, сколько было вложено в течение первых двадцати послевоенных лет. На эти средства, кроме объектов производственного назначения, построено 1216 тыс. кв. м жилой площади, а также помещения для школ на 26,4 тыс. мест, больниц — на 1,5 тыс. коек, детских садов и яслей — на 7,6 тыс. мест.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 138—139.

В Якутии появились новые промышленные города — Алдан, Мирный, Ленск, десятки рабочих поселков. Многие из них возникли там, куда нога человека ступала редко, — в глухих дебрях тайги, в горах и на необозримых просторах тундры. В каждом таком новом населенном пункте одной братской семьей живут представители различных национальностей, являя собой образец подлинного братства и дружбы на якутской земле.

За годы Советской власти преобразился и облик села. В нашей республике ныне имеются 56 крупных совхозов, 15 колхозов, 10 опытных и подсобных хозяйств. Не вол и не лошадь составляют здесь основу хозяйства, а тракторы и комбайны, автомобили и другие сельскохозяйственные машины. Теперь не найдешь тех подслеповатых юрт, где якут-бедняк некогда жил вместе со скотом. Колхозные и совхозные деревни с добротными производственными зданиями и жилыми домами, широкими улицами, домами культуры, детскими учреждениями, предприятиями торговли — таков облик якутского села сегодня. В быт колхозника и рабочего совхоза прочно вошли электричество, радио, печать, кино, клуб, телефон; почти половина сельского населения имеет телевизоры.

Поистине разителен взлет якутского народа от безграмотности до высот науки, культуры, литературы и искусства. Во времена царизма грамотность среди взрослого коренного населения не превышала двух процентов. А ныне Якутия — республика сплошной грамотности. Если до Октября люди с высшим образованием в Якутии насчитывались единицами (об ученых и речи быть не могло), то теперь во всех отраслях народного хозяйства и культуры трудится 60 тысяч специалистов. В Якутском государственном университете, филиале Сибирского отделения Академии наук СССР и в различных научно-исследовательских институтах работают более 1200 научных работников, среди них 450 докторов и кандидатов наук.

Творческая интеллигенция Якутии с чувством огромной благодарности отмечает тот факт, что зарождение и развитие якутской литературы прошло под воздействием великой русской классики — Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова, Горького и Маяковского.

В русской литературе Якутия была впервые открыта М. В. Ломоносовым, затем писателями-декабристами, а позднее Н. Г. Чернышевским, Лесей Украинкой и особенно известными рассказами замечательного писателя-гуманиста В. Г. Короленко.

В формировании и развитии якутской советской литературы непосредственную помощь оказывал А. М. Горький. Неоднократно Горький лично встречался и беседовал с якутскими писателями, причем его советы главным образом сводились к тому, чтобы писатели Якутии активнее вторгались в жизнь народа, глубже и ярче показывали социалистический быт и труд их обновленного края.

Якутская художественная литература — детище советской эпохи. Ныне в составе писательской организации Якутии — более пятидесяти профессиональных писателей. Наряду с литературой развивается театральное, музыкальное и изобразительное искусство. В дни юбилея республики писатели, артисты, музыканты и художники Якутии выступали в Москве и Ленинграде, а также в братской Башкирской АССР с творческими отчетами о своих достижениях.

О том, как изменилась жизнь на якутской земле, хорошо сказал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев на юбилейном заседании Якутского обкома КПСС и Верховного Совета ЯАССР: «От карликовых кустарных предприятий до гигантов современной промышленности, от деревянной

сохи до трактора и автомобиля, от гужевых упряжек до самолетов, от безграмотности, шаманства и знахарства до высот науки, культуры и искусства — таков путь развития социалистической Якутии».

Самым замечательным итогом развития Якутии в годы Советской власти является рождение нового человека, новой личности, нового гражданина советской эпохи. Многих сынов и дочерей трудящихся якутов, эвенков, эвенов, юкагиров мы называем знатными людьми. Их именами гордятся все якуты. Это — Герои Советского Союза Федор Попов и Николай Чусовской, Герой Социалистического Труда экскаваторщик Семен Васильев, охотник Иван Волков, доярка Елизавета Бурцева. Среди заслуженных деятелей науки РСФСР и ЯАССР — профессор филологии А. Е. Мординов, доктор исторических наук Г. П. Башарин, народные писатели Якутии Николай Мординов, Дмитрий Сивцев, Владимир Новиков, Серафим Кулачиков, молодой юкагирский писатель Семен Курилов, лауреат Государственной премии им. М. Горького поэт Семен Данилов, народный артист СССР Дмитрий Ходулов, народный художник ЯАССР депутат Верховного Совета СССР Афанасий Мунхалов, лауреат Ленинской премии геолог Кулунтарий Ноговицын и многие другие. Жизненный путь каждого из них — это путь преданного делу партии и народа бойца-труженика.

В 1972 г., знаменательном для нас двумя полувековыми юбилеями — образованием Советского Союза и нашей республики, — трудящимися Якутии было развернуто широкое социалистическое соревнование.

В связи с 50-летием Якутская АССР награждена вторым орденом. Ныне на знамени республики сияют ордена Ленина и Октябрьской Революции, как символы полувековой революционной, боевой и трудовой славы всех поколений, борцов и строителей социализма на якутской земле. Высокие награды еще больше воодушевляют наш народ, укрепляют его сплоченность вокруг партии и правительства, способствуют новым трудовым подвигам.

План производства валовой продукции промышленности в целом за 8 месяцев текущего года по республике выполнен на 102 процента, что против уровня соответствующего периода прошлого года составляет 109 процентов. Крепко держат свое слово передовые коллективы ордена Ленина объединения «Якуталмаз», фабрики «Лебединый», карьера «Ленинский», ордена Октябрьской революции комбинат «Алданзолото» и другие.

Несмотря на неблагоприятные погодно-климатические условия, добились хороших результатов животноводы республики. По сравнению с итогами восьми месяцев прошлого года валовое производство мяса увеличилось на 9 процентов, а государственные закупки мяса — на 19. Производство молока увеличилось на 12 процентов. К 1 сентября 1972 г. план увеличения поголовья крупного рогатого скота выполнен на 102 процента, лошадей — на 111, оленей — на 102,7 и птиц — на 103 процента. Труженики сельского хозяйства, преодолевая трудности, успешно проводили заготовку кормов и уборку хлеба и картофеля. Перевыполнен план заготовки пушнины.

Огромную помощь совхозам и колхозам в этом деле оказывают промышленные предприятия, строительные, транспортные организации, государственные учреждения и учебные заведения городов и рабочих поселков. Шефство коллективов рабочих и служащих из городов и рабочих поселков над совхозами и колхозами стало уже традицией. В этом находит отражение дальнейшее укрепление и развитие связи не только города с деревней, но и наиболее эффективная форма сотрудничества и

дружбы представителей различных национальностей. Шефство носит постоянный характер и охватывает, помимо оказания помощи в производстве, также широкий круг обмена культурными и спортивными достижениями. Ежегодно организуемые праздники Серпа и Молота стали самыми популярными. Во время этих праздников, как правило, село и город обмениваются делегациями трудящихся, перенимают друг у друга передовой опыт.

Дружба и братство для якутян — это не красивая фраза, а сама жизнь. Без поддержки друга нельзя преодолеть суровые условия Севера. Это признают и зарубежные гости. Посетивший в 1968 г. Якутию американский писатель Джордж Сент-Джордж писал: «Даже за очень короткое время я воочию убедился, что ваш край — край колоссального будущего. Особенно большое впечатление на меня произвела атмосфера той неподдельной, сердечной дружбы, в которой живут в вашей республике люди различных национальностей».

Американский писатель прав, говоря о большом будущем Якутии. Перспективы у нас действительно колоссальны. Якутия по своим природным богатствам — настоящая кладовая, в которой хранятся богатейшие залежи каменного угля, железных руд, поваренной соли, ртути, сурьмы, золота, алмазов, олова, многих цветных и редких металлов. Прогнозные запасы природного газа составляют более десяти триллионов кубических метров. То, что теперь освоено, — это лишь малая частица несметных богатств Якутии. Но не за горами то время, когда республика, уже ныне завоевавшая почетное звание «валютного цеха страны», станет одним из крупных центров черной металлургии и газо-нефтехимии. На это направлен широкий фронт геологоразведочных работ.

План девятой пятилетки предусматривает дальнейшее развитие добычи цветных металлов. Объем промышленного производства в целом увеличится на 60 процентов.

Сейчас ЯАССР стоит на пороге решения крупнейших народнохозяйственных проблем.

Во-первых, это освоение месторождений природного газа. В недалеком будущем добыча природного газа в Якутии достигнет 32—35 миллиардов кубических метров в год. Подготовительные работы для решения этой проблемы уже начаты. Освоение природного газа в столь широких масштабах окажет определяющее влияние на развитие экономики не только самой республики, но и всего советского Дальнего Востока.

Второй проблемой является освоение месторождений коксующихся углей и прилегающих к ним месторождений железных руд в южной Якутии. В связи с этим в текущей пятилетке планируется начать и в будущей пятилетке закончить строительство железной дороги от станции Большой Невер-Бам до поселка Чульман с последующим продолжением до реки Алдан. Все дальше на север расширяется промышленная зона Якутии. Здесь приходится осваивать необжитые пространства.

Трудящиеся Якутии полны решимости отдать все свои силы, чтобы достойно встретить полувековой юбилей СССР, досрочно завершить план второго года девятой пятилетки.

Новая жизнь на бурятской земле

*К. М. Продайвода,
секретарь Бурятского обкома КПСС,
кандидат экономических наук*

Бурятия. Далекый Забайкальский край, древняя страна скотоводов. Кто побывал здесь когда-то, восторгается ее богатой природой — раздольем степей, бескрайними лесами, красотой «славного моря» — Байкала.

Щедро одарила природа бурятскую землю. Но до Великого Октября эта земля была мачехой для тех, кто трудился на ней. Залпы «Авторы» пробудили степняков к новой свободной и деятельной жизни. Великий русский народ, ведомый ленинской партией, пришел на помощь многострадальному бурятскому народу и вывел его на светлый путь строительства социализма, коммунизма. Только после Октября в братской семье советских народов буряты обрели свою государственность, свою автономию. В будущем году со дня образования Бурятской АССР исполнится пятьдесят лет.

История человечества знает немало многонациональных государств, но среди них не было ни одного, где бы все народы (большие и малые) были бы равноправными. Впервые государство подлинного равноправия народов и наций возникло в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Вдохновителями и организаторами такого государства — СССР — явились Коммунистическая партия Советского Союза и ее вождь — Владимир Ильич Ленин.

Пятьдесят лет назад X съезд РКП(б) провозгласил ленинский курс ускоренного подъема экономики и культуры отсталых национальностей России. Съезд указал, что общая задача партии по отношению к ранее угнетенным невеликорусским народам состоит в том, чтобы помочь им догнать ушедшую вперед Центральную Россию. «Помощь эта, — говорилось в резолюции XII съезда партии, — должна в первую очередь выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения».

Экономически развитые районы Советской России оказывали всемерную помощь в создании промышленности и современного сельского хозяйства менее развитым, отсталым национальным районам.

Яркий пример тому — становление и развитие Бурятской АССР — одной из двадцати, равной среди равных автономных республик нашей страны.

За годы Советской власти в развитии производительных сил, экономики, культуры Бурятией пройден большой путь. С братской помощью всех народов СССР, при постоянной заботе и внимании Централь-

ного Комитета КПСС и Советского правительства Бурятия превратилась в передовую социалистическую республику.

Для решения задач индустриализации республики государство выделяло крупные финансовые, материальные ресурсы, технику. В строительстве и освоении мощностей новых промышленных предприятий Бурятии неоценимую помощь оказал рабочий класс всей страны. Из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Ростова, Украины, Казахстана и других промышленных центров, союзных республик сюда были направлены отряды квалифицированных рабочих и инженеров, большинство из которых полюбили Забайкалье и остались здесь на постоянное жительство. Сотни и тысячи коммунистов и комсомольцев пришли на стройки из сел и улусов Бурятии. Преодолевая трудности, рабочие показывали чудеса героизма. Бывшие скотоводы приобщались к индустриальному труду, становились кадровыми рабочими. Из местного коренного населения в республике формировался рабочий класс, трудовая интеллигенция.

В годы первых пятилеток были построены десятки промышленных предприятий, в том числе такие крупнейшие, известные всей стране, как ордена Ленина локомотивовогоноремонтный завод и мясоконсервный комбинат, ордена Трудового Красного знамени авиационный завод, механизированный стекольный завод, Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат и многие другие.

Высокими темпами развивалась промышленность в послевоенные годы, особенно в последнее десятилетие.

В этом находят свое конкретное воплощение решения XXIII и XXIV съездов КПСС об ускоренном развитии производительных сил Сибири и Дальнего Востока.

В годы восьмой пятилетки развитие народного хозяйства Бурятии обеспечивалось более высокими темпами, чем по РСФСР в целом (см. таблицу).

Т а б л и ц а

Развитие народного хозяйства Бурятской АССР
в 1966—1970 гг.
(в % к 1961—1965 гг.)

Основные показатели народного хозяйства	РСФСР	Бурятская АССР
Рост объема производства промышленной продукции	49	62
Повышение производительности труда в промышленности	34	46
Рост объема капитальных вложений в народное хозяйство	45	92

Среднегодовые темпы роста выпуска промышленной продукции составили 10,5 процента, при этом 82 процента прироста продукции получено за счет повышения производительности труда.

В последнем году восьмой пятилетки объем реализованной продукции промышленности превысил миллиард рублей. Объем капитальных вложений почти вдвое превысил вложения, освоенные в седьмой пятилетке. Широко внедряются в производство новая техника, комплексная механизация. За годы восьмой пятилетки количество установленных на предприятиях механизированных, поточных и автоматических линий возросло более чем вдвое, а число автоматов, не встроенных в линии,—

почти в семь раз. Комплексно-механизированными стали не только отдельные участки, цеха, но и в целом предприятия. В числе их Гусино-озерское шахтоуправление, где обеспечена комплексная механизация не только на вскрышных работах и добыче угля на разрезе открытым способом, но и решена эта задача на подземной добыче угля. Успешно проводится работа по превращению в комплексно-механизированные всех предприятий комбината «Забайкаллес».

Во всех отраслях народного хозяйства из года в год растет квалификация кадров рабочих, инженерно-технических работников, увеличивается общая численность специалистов. Только за последние десять лет число специалистов с высшим и средним образованием, работающих в народном хозяйстве республики, возросло с 26,2 до 52,1 тысячи человек.

В общесоюзном территориальном разделении труда Бурятская АССР участвует как район, производящий важные виды промышленной продукции как первого, так и второго подразделений.

Уже сегодня в Восточно-Сибирском экономическом районе продукция отраслей народного хозяйства Бурятии составляет весьма значительную долю в общем объеме производства. Занимая 8,5 процента территории Восточной Сибири с населением около 11 процентов от общей численности этого обширного района, Бурятия обеспечивает весь выпуск электрических двигателей мощностью свыше 100 киловатт, мытой шерсти и пальтовых тканей, почти три четверти производимых в Восточной Сибири подъемных кранов на автомобильном ходу, приборов и средств автоматизации, около двух третей стиральных машин, более трети всей вылавливаемой рыбы и выпуска консервов и т. д.

Пятьдесят лет назад удельный вес промышленного производства в народном хозяйстве достигал едва лишь 12 процентов. В текущем году на долю промышленного производства приходится $\frac{4}{5}$ общественного совокупного продукта, производимого народным хозяйством республики.

Развиваясь на основе специализации и кооперирования, как составная часть советского промышленного производства, промышленность республики поставляет свою продукцию почти во все края и области нашей страны. Производимую на предприятиях Бурятии продукцию Советский Союз экспортирует в 43 страны мира. На мировой рынок поставляются многие виды конкурентоспособной продукции, в том числе высококвалифицированного машиностроения, приборостроения. Производимые в Бурятии синхронные короткозамкнутые двигатели мощностью свыше ста киловатт экспортируются со знаком качества СССР. Это тем более примечательно, что в прошлом в республике машины не только не производились, но почти и не применялись.

Полные оптимизма, уверенности в будущем передали трудящиеся республики эстафету созидательных работ восьмой пятилетки — девятой. Решения XXIV съезда КПСС, открывшие новые ясные горизонты в коммунистическом строительстве, в дальнейшем развитии производительных сил Сибири и Дальнего Востока, вызвали у каждого труженика небывалый прилив сил, трудового энтузиазма, инициативы и энергии.

В Директивах XXIV съезда партии по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. сказано: «...считать важнейшей задачей в области размещения производительных сил и улучшения территориальных пропорций в народном хозяйстве, дальнейшее ускоренное освоение природных ресурсов и наращивание экономического потенциала восточных районов страны... Создать условия для дальнейшего притока населения в районы Дальнего Востока и Восточной Сибири и закрепления кадров в этих районах; опережающими темпами развивать жилищно-бытовое и социально-культурное строительство».

Практическим претворением в жизнь решений съезда партии является Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое в мае месяце текущего года, «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов». В этом документе определены конкретные меры по освоению природных ресурсов, по наращиванию экономического потенциала огромного и богатейшего региона нашей страны, в том числе и Бурятской АССР.

Развитие народного хозяйства Бурятии связано с вовлечением в эксплуатацию богатейших минерально-сырьевых ресурсов.

Только за годы восьмой пятилетки бурятскими геологами разведаны более двадцати месторождений полезных ископаемых, в том числе такие крупнейшие в стране, как Молодежное — хризотиласбеста, Озерное — колчеданно-полиметаллическое, Инкурское — вольфрамное, Ошурковское — апатитовое, Кижингинское — редкометальное.

За высокие показатели работы по выявлению и детальной разведке месторождений полезных ископаемых в восьмой пятилетке коллектив Бурятского геологического управления награжден орденом Трудового Красного Знамени, а большой отряд разведчиков недр награжден орденами и медалями СССР.

Большое значение для народного хозяйства Восточной Сибири и Дальнего Востока имеет освоение расположенных в Бурятии месторождений нерудного сырья: апатитов, кварцевых песчаников, хризотиласбеста, доломита, химически чистых известняков, отличающихся высокими технико-экономическими показателями.

В текущей пятилетке начинается сооружение крупнейшего в Сибири Забайкальского апатитового комбината, который будет поставлять миллионы тонн фосфорных удобрений, так необходимых полям Сибири и Дальнего Востока.

В числе новостроек пятилетки — горнообогатительный комбинат на Черемшанском месторождении кварцитов — уникальном по качеству комплексного сырья. С вводом его в эксплуатацию отпадет нужда в завозе формовочных песков в Восточную Сибирь и Дальний Восток с Урала и Казахстана, а стекольных — в Бурятию из Иркутской области. Это сэкономит народному хозяйству страны не только миллионы рублей, затрачиваемых на сверхдальнюю перевозку песка, но и высвободит тысячи железнодорожных вагонов, создаст условия для значительного повышения качества стекла, отливок за счет высокого качества сырья.

Выполнение намеченных в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР мер по развитию производительных сил Бурятии позволит значительно улучшить структуру и пропорции народного хозяйства, что явится важным фактором повышения эффективности производства.

Создание предусмотренных постановлением новых крупных производств обрабатывающей промышленности становится одним из главных направлений развития промышленного производства республики.

Это в первую очередь развитие неметаллоемкого высококвалифицированного машиностроения с профилем предприятий, определенным главным образом потребностями развивающихся отраслей народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока; развитие сельскохозяйственного машиностроения как составной части агропромышленного комплекса; глубокой переработки древесины с производством картона, древесностружечных, древесноволокнистых плит, обеспечивающей превращение лесной промышленности из поставщика сырья в производителя квалифицированной продукции; легкой промышленности.

В структуре промышленного производства создается новая прогрессивная отрасль — глубокая переработка древесины.

Пятилетним планом развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. предусмотрено увеличить в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока выпуск целлюлозы в 2,1 раза, а выпуск бумаги и картона — в 2,5 раза. Здесь в конце пятилетки будет вырабатываться около 29 процентов целлюлозы и 14 процентов общесоюзного производства бумаги и картона.

Крупнейшим специализированным предприятием по выработке тарного картона на Востоке страны является Селенгинский целлюлозно-бумажный комбинат годовой мощностью 280 тысяч тонн тарного картона, первая очередь которого будет введена в эксплуатацию в текущем году. Изготовление ящичной тары из полученного на комбинате картона позволяет народному хозяйству страны ежегодно высвободить около 4 млн. кубометров деловой древесины, расходуемой в настоящее время на изготовление этой тары.

Уже в текущем году выйдет на проектную мощность по выпуску древесно-стружечных плит Онохойский лесокombинат.

Большое развитие получит на базе местного сырья легкая промышленность.

В годы девятой пятилетки будут построены крупные, межрайонного значения, обувная фабрика и фабрика верхнего трикотажа. Должна быть обеспечена реконструкция тонкосуконной фабрики.

Освоение проектных мощностей на Улан-Удэнской кондитерской фабрике, Кудара-Сомонском, Баянгольском сыродельных заводах, строительство и ввод в эксплуатацию до конца пятилетки молочного комбината и колбасного завода в Улан-Удэ позволит полнее и эффективнее использовать высококачественное местное сырье — продукцию животноводства: молоко, мясо, тонкорунную шерсть.

В развитии производительных сил республики особое место занимает Байкал. Значительная часть водосборной площади его бассейна находится в границах Бурятской АССР. Байкал — величайшее, самое глубоководное озеро в мире. Запасы абсолютно чистой пресной воды в нем превышают десятую долю мировых запасов пресной воды. По качеству и объему водной массы, по составу населяющих его животных и растительных организмов Байкал признан уникальным водоемом земного шара. Озеро может служить источником снабжения питьевой и промышленной водой не только Восточной Сибири, но и более отдаленных районов страны.

Ценность Байкала не исчерпывается водными ресурсами. Его бассейн — это район, располагающий поистине огромными природными богатствами. Десятки месторождений полезных ископаемых, находящихся в бассейне Байкала, имеют большое значение для формирования на перспективу союзного баланса по ряду важнейших видов сырья и материалов; Забайкалье — бескрайний океан лесов. Почти две трети территории Бурятии покрыто лесами с общим запасом древесины два миллиарда кубометров. Богаты и разнообразны рыбные ресурсы бассейна Байкала.

Следует особо подчеркнуть, что вовлечение в народнохозяйственный оборот природных богатств бассейна Байкала должно быть обеспечено при сохранении его уникальных природных особенностей — чистой воды, сложившегося водного баланса, весьма ценной и своеобразной фауны и флоры.

Трудящиеся республики проводят большую работу по охране и использованию природных ресурсов бассейна Байкала. Эта работа полу-

чила особо направленный характер после выхода в свет в прошлом году постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению природных богатств бассейна озера Байкал».

В границах водосборной площади бассейна Байкала определена водоохранная зона, установлен особый режим пользования природными ресурсами.

Намечены и строго выполняются крупные мероприятия по предупреждению загрязнения Байкала неочищенными сточными водами. Из года в год растут капиталовложения на строительство новых и реконструкцию действующих очистных сооружений. Если в 1970 г. на эти цели было направлено 4 млн. рублей, то в текущем году объем капитальных вложений составляет почти 17 млн. рублей. Уже в будущем году будут в основном завершены работы по строительству очистных сооружений на всех действующих предприятиях, обеспечивающих качественную очистку промышленных стоков.

Проводится планомерная работа по воспроизводству рыбных запасов. Построен и введен в эксплуатацию Чивыркуйский рыбопроизводный завод. Начато строительство Верхне-Ангарского омулевого и Селенгинского омулево-осетрового рыбопроизводных заводов, в будущем году будет начато строительство такого же завода на реке Баргузин. Ввод в эксплуатацию этих заводов обеспечит промысловый возврат рыбы более 50 тысяч центнеров в год. До конца пятилетки будут созданы Гусиноозерское и Еравнинское озерно-промысловые хозяйства общей производительностью 24 тысячи центнеров рыбы в год.

На повышение эффективности воспроизводства рыбных запасов, и особенно ценнейших сиговых пород, знаменитого омуля, окажет благотворное влияние прекращение в текущем году молевого сплава леса по всем рекам бассейна Байкала. О масштабах проведенной работы можно судить хотя бы по тому, что перевод транспортировки леса со сплава на автомобильный и железнодорожный транспорт потребовал построить параллельно рекам почти 1100 км. автомобильных и узкоколейных железных дорог, мосты через реки для пропуска тяжелых лесовозных автомашин протяженностью более 1500 метров. В долине реки Баргузин завершается строительство самой крупной в стране магистральной лесовозной автодороги протяженностью 220 километров.

Лесозаготовители решают не только проблему ликвидации сплава леса, но и проводят большую работу по повышению эффективности использования лесных богатств.

Все леспромхозы переведены на новую технологию разработки лесосек методом узких лент, обеспечивающих сохранение на лесосеке до семидесяти процентов подроста.

Озеро Байкал, прилегающие к нему районы — прекрасное место для отдыха и туризма. Уже сейчас, особенно в летнее время, сюда приезжают тысячи трудящихся со всех концов страны. Поток отдыхающих и туристов с каждым годом растет, и это выдвигает задачу ускоренного развития и расширения курортного строительства, создание зон отдыха. Завершение строительства в текущей пятилетке современного курортного комплекса «Аршан», дома отдыха на озере Котокель будет весомым вкладом в решение этой задачи.

Рациональное использование водных, лесных, минеральных, рыбных природных ресурсов бассейна Байкала — важнейшая народнохозяйственная задача, решение которой должно быть обеспечено усилиями забайкальцев, и прежде всего трудящихся Бурятии.

Поистине разительные преобразования произошли за годы Советской власти в сельском хозяйстве. В настоящее время сельское хозяйство республики не только удовлетворяет потребности населения в продовольственном зерне, картофеле, мясе и других продуктах питания, но и поставляет продукты в союзно-республиканские фонды.

Бурятия располагает огромными площадями плодородных земель. Природные условия благоприятствуют развитию животноводства и его ведущей отрасли — овцеводства.

Самоотверженный труд овцеводов обеспечивает ежегодный рост поголовья овец, которое превышает два миллиона голов. За 50 лет достигнут не только рост поголовья почти в пять раз, но и обеспечены коренные качественные изменения — ныне вместо грубошерстных овец все поголовье составляют овцы с высококачественной тонкой и полутонкой шерстью.

В республике около полумиллиона голов крупного рогатого скота, более двухсот тысяч свиней. Быстрое развитие получает сравнительно молодая отрасль сельского хозяйства — птицеводство, особенно производство утиного мяса и гусятины в специализированных хозяйствах.

Осуществление мер по увеличению пашни в обороте, повышению культуры земледелия уже дают положительные результаты. Если десять лет назад валовой сбор зерновых культур в колхозах и совхозах республики составлял 289 тыс. тонн в год, то в прошлом году, несмотря на неблагоприятные погодные условия, валовой сбор зерна составил более 540 тысяч тонн.

Быстрое развитие, повышение эффективности сельскохозяйственного производства обеспечивается за счет оснащения хозяйств новой техникой. Тысячи тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин пришли на поля и луга хозяйств. Но не только техника изменила производство. Коренные изменения произошли в главной составляющей производства — кадрах. Выросли замечательные механизаторы, полеводы, животноводы. Обеспечена подготовка высококвалифицированных специалистов. В связи с этим интересен такой факт: пятьдесят лет назад, к моменту образования республики, в Бурятии был всего лишь один агроном с высшим образованием; сегодня в каждом колхозе, совхозе — до 20 специалистов.

Для того чтобы выполнить задачи по увеличению производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах и совхозах республики, проводится многогранная работа по всестороннему повышению интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, комплексной механизации всех процессов сельскохозяйственного труда, особенно в животноводстве, осуществлении мелнорации, резкого улучшения использования кормовых угодий.

Особое значение придается проведению мелноративных работ. Осуществляется разработанная на десять лет программа водохозяйственного строительства. Предусмотрены крупные работы по реконструкции действующих и строительству новых оросительных систем, обводнение пастбищ, коренное улучшение лугов.

Быстрое развитие в Бурятской АССР промышленности, сельского хозяйства выдвигает особые требования к ускоренному наращиванию мощности энергетической базы. Освоение крупных капитальных вложений, выделяемых государством на развитие электроэнергетики Бурятии, позволило создать разветвленную сеть линий электропередач протяженностью более 17 тысяч километров и стать составной частью крупнейшей в стране Сибирской энергосистемы.

Бурятская АССР стала республикой высокой социалистической культуры.

Советская власть создала все условия для духовного развития бурятского народа, который накануне Октябрьской революции еще находился на стадии феодально-патриархальных и родовых отношений. В условиях советской Бурятии в короткий срок была осуществлена культурная революция и достигнуты огромные успехи в развитии просвещения и образования, культуры и науки. В 1926 г., по данным Всесоюзной переписи, 62 процента населения Бурятии было неграмотным, а в текущей пятилетке обеспечивается, как и по всей стране, переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. Из 840 тысяч человек населения Бурятской АССР почти 200 тысяч человек учатся в общеобразовательных школах. За годы Советской власти численность учителей в школах возросла в 25 раз. 23 средних специальных учебных заведения готовят специалистов для многих отраслей народного хозяйства.

Созданы и плодотворно работают филиал Сибирского отделения Академии наук СССР и четыре высших учебных заведения, в которых заняты научной деятельностью более 450 докторов и кандидатов наук. В вузах республики обучается 22 тысячи студентов.

За годы Советской власти расцвели искусство и литература. Плодотворно работают творческие союзы писателей, композиторов, художников. В республике около 650 клубов и домов культуры, 4 театра, в том числе театр оперы и балета, республиканская филармония, Государственный ансамбль песни и танца.

Талантливые творческие коллективы театров Бурятии успешно гастролируют на Сахалине, в Приморье, Хабаровском крае, Амурской области. Народным артистам СССР балерине Ларисе Сахьяновой, певцу Лхасарану Линховоину, народному артисту РСФСР Петру Абашееву рукоплескали зрители театров Берлина, Бухареста, Софии, Токно, Монреала, многих стран Африки.

В республике издаются три республиканские, 19 районных и 6 многотиражных газет, общественно-политический и литературно-художественный журнал «Байкал». Ежегодно выходит около 150 названий книг и брошюр тиражом почти 900 тысяч экземпляров. Создана широкая сеть учреждений здравоохранения. Пятьдесят лет назад на территории Бурятии было всего лишь 6 больниц на 210 коек. Сегодня в республике — 147 больниц, более чем на 10 тысяч коек. В краю, где до Октября медицинское обслуживание представляли лишь 41 врач, ныне — 1738 врачей и 6500 человек среднего медицинского персонала.

Все успехи Бурятии в коммунистическом строительстве — свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС. Наша республика — яркий пример, подтверждающий слова постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» о том, что «выравнивание и подъем уровней экономического, социально-политического и культурного развития явились важным фактором быстрого и всестороннего прогресса всех республик СССР. В братском единении с необычайной полнотой раскрылись созидательная энергия, творческие способности, таланты всех наций и народностей Советского государства».

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Советско-корейское экономическое сотрудничество

М. В. Мещеряков,
кандидат экономических наук

Прошло немногим более четверти века с тех пор, как над землей Кореи взошло солнце свободы. За этот исторически короткий срок корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи добился больших успехов и побед во всех областях политической, экономической и культурной жизни. Корейская Народно-Демократическая Республика из экономически отсталой страны с тяжелым наследием колониального прошлого превратилась в социалистическое государство — одно из наиболее развитых в промышленном отношении государств Азии.

Усилиями трудящихся КНДР в стране создана крупная промышленность, имеющая в своем составе электроэнергетику, металлургию, химию, машиностроение, приборостроение и другие отрасли. Построены предприятия по выпуску станков, сельскохозяйственных машин, судов, приборов, электротехнических и других изделий. В результате принятых мер объем валовой промышленности в 1970 г. по сравнению с 1960 г. увеличился в 3,3 раза, производство проката и станков за этот же период — в 2,2 раза, химических волокон — в 2,4 раза, а синтетической смолы — в 40 раз. Выработка электроэнергии возросла в 1,8 раза. Производство электроэнергии составило 16,5 млрд. квт·ч, угля — 27,5 млн. т, стали — 2,2 млн. т, химических удобрений — 1,5 млн. т, цемента — 4 млн. т.

В настоящее время промышленное производство в КНДР во много раз превосходит уровень, который имел место в прошлом. Достаточно напомнить, что теперь промышленность КНДР за 12 дней выпускает столько же продукции, сколько было произведено за весь 1944 год. Промышленность КНДР развивалась высокими темпами, среднегодовой прирост выпуска ее продукции за последние 15 лет составил 19,1 процента¹.

Большие успехи достигнуты в развитии сельского хозяйства КНДР. В результате его перестройки на социалистический лад коренным образом изменилась его материально-техническая база. Осуществлена ирригация и электрификация, энергично проводится механизация и химизация сельского хозяйства. За время с 1961 по 1969 г. количество тракторов, занятых в сельском хозяйстве, увеличилось в 3,3 раза, грузовых автомашин — в 6,4 раза. Все это способствовало значительному подъему продуктивности сельскохозяйственного производства, повышению материального и культурного уровня жизни народа.

¹ Ким Ир Сен. Пхеньян, Издательство литературы на иностранных языках. 1970, стр. 7 (на русск. яз.).

Бурное развитие переживают система образования, наука и культура. В последние годы в КНДР общее число учащихся достигало 3200 тыс. человек, что составляет около четвертой части всего населения республики. В то время как до освобождения в стране не было ни одного высшего учебного заведения, сейчас в КНДР функционируют 129 вузов, в которых готовятся квалифицированные национальные кадры для народного хозяйства.

Выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися КНДР под руководством Трудовой партии в строительстве социализма, являются вдохновляющим примером для трудового народа Южной Кореи, где американские империалисты создали позорный режим нищеты и бесправия.

В настоящее время корейский народ занят выполнением заданий шестилетнего плана на 1971—1976 гг., принятого в ноябре 1970 г. на V съезде ТПК, основная задача которого состоит в том, чтобы добиться упрочения успехов индустриализации, продвинуть вперед техническую революцию и таким образом еще более укрепить материально-техническую базу социализма.

Шестилетний план намечает высокие показатели в экономическом развитии КНДР. За эти годы национальный доход страны должен возрасти в 1,8 раза, валовой объем промышленной продукции увеличится в 2,2 раза, а среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составят 14 процентов. В качестве центральной задачи в области сельского хозяйства поставлена дальнейшая интенсификация производства. Намечены перспективы дальнейшего развития народного образования, науки и культуры. В ближайшее время число инженерно-технических работников во всех отраслях народного хозяйства КНДР составит более миллиона человек.

Победы, достигнутые трудящимися КНДР в развитии производительных сил страны, ярко выражают не только преимущества социализма, но и великую жизненную силу социалистического интернационализма. В решении тех сложных задач, которые приходилось решать Трудовой партии Кореи, корейскому народу в деле формирования материально-технической базы социализма, важную роль, как известно, сыграли бескорыстная помощь и поддержка со стороны Советского Союза и других социалистических стран.

Важнейшей вехой в развитии экономических связей между Советским Союзом и КНДР явилось подписание 17 марта 1949 г. Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве. В развитие этого Соглашения в этом же году были подписаны соглашения о товарообороте и платежах, об оказании КНДР технической помощи, о предоставлении ей долгосрочного кредита в 212 млн. рублей² на закупки товаров, необходимых для преодоления экономической отсталости и развития народного хозяйства. Оценивая их, тов. Ким Ир Сен говорил: «Эти соглашения открыли новую страницу в развитии новых отношений между КНДР и Советским Союзом после освобождения Кореи, они имеют огромное политико-экономическое значение в деле повышения международного авторитета нашей молодой республики и обеспечения ее беспредельного расцвета и дальнейшего развития»³.

С новой силой принципы социалистического интернационализма проявились в оказании всесторонней помощи и поддержки корейскому народу в годы войны с американским империализмом (1950—1953 гг.), —

² «Современная Корея», справочное издание, изд-во «Наука», М., 1971, стр. 216.

³ «Внешняя торговля», № 3, 1959, стр. 6.

в послевоенном восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства КНДР.

После войны 1950—1953 гг. преобладающее место в экономических связях между КНДР и социалистическими государствами занимала материально-техническая помощь. Она предоставлялась КНДР безвозмездно или в форме долгосрочного кредита. В 1953—1960 гг. социалистические страны предоставили КНДР безвозмездную помощь в сумме 750 млн. руб.; из них — 292,5 млн. руб. — Советским Союзом⁴. За этот же период социалистические страны предоставили КНДР ряд кредитов на закупку промышленного оборудования, сырья и металла.

Более 50 крупных промышленных предприятий и объектов было построено в КНДР в послевоенный период в счет безвозмездной помощи. К числу наиболее крупных предприятий, восстановленных, реконструированных и вновь построенных с помощью СССР, относятся такие, как металлургический завод им. Ким Чака, Сондинский сталелитейный завод, завод цветных металлов в Нампхо, Сунхунская ГЭС, Хыннамский завод химических удобрений, трактороремонтный завод, цементные заводы, Пхеньянский текстильный комбинат, мясокомбинат и другие промышленные объекты.

В 1960 г. промышленные предприятия, восстановленные при техническом содействии СССР, дали стране 40 процентов общего производства электроэнергии, 51 процент — чугуна, 53 процента — кокса, 22 процента — стали, 32 процента — проката, 20 процентов — аммиачной селитры, 67 процентов — хлопчатобумажных тканей и т. д.⁵

Помощь и всесторонняя поддержка Советского Союза и других стран социализма была высоко оценена корейскими руководителями. В статье, посвященной 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, тов. Ким Ир Сен писал: «Каждый раз, когда корейский народ оказывался в трудном положении, народы Советского Союза и стран социалистического лагеря оказывали ему моральную поддержку и бескорыстную экономическую и техническую помощь. Интернациональная солидарность и сотрудничество с социалистическими странами, возглавляемыми Советским Союзом, явились не только прочным залогом национальной независимости корейского народа, но и важным фактором, облегчающим построение социализма в нашей стране, укрепляющим ее общественное развитие и обеспечивающим победоносное движение нашей революции вперед»⁶.

Важным событием в развитии торгово-экономических отношений между КНДР и СССР явилось подписание в Москве 22 июня 1960 г. Договора о торговле и мореплавании между СССР и КНДР. В статье первой этого Договора говорилось, что договаривающиеся стороны будут принимать все необходимые меры для развития и укрепления торговых отношений между обоими государствами в духе дружеского сотрудничества, взаимной помощи, на основе равноправия и взаимной выгоды. В развитие этого Договора 24 декабря 1960 г. было подписано долгосрочное Соглашение о взаимных поставках товаров между КНДР и СССР в 1961—1965 годах. За годы действия долгосрочного торгового соглашения между СССР и КНДР товарооборот в 1965 г. по сравнению с 1960 г. увеличился в 1,6 раза. Советский экспорт машин и оборудования в КНДР в 1965 г. по сравнению с 1960 г. увеличился в 2,9 раза, в том числе оборудования и материалов комплектных предприятий — более чем в 14 раз.

⁴ «Современная Корея», справочное издание, изд-во «Наука», М., 1971, стр. 216.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ Ким Ир Сен. «Торжество идей Великого Октября», М., 1962, стр. 331.

Были завезены в значительном количестве и в широком ассортименте металлорежущие станки, кузнечно-прессовое, энергетическое, электротехническое, горнорудное, прокатное, холодильное оборудование, разные судовые дизели и электромоторы, экскаваторы, дорожно-строительное и насосно-компрессорное оборудование, подшипники, инструмент, абразивы, медицинское оборудование и инструмент, железнодорожный подвижной состав, автотранспорт и т. д.

За 1961—1965 гг. было поставлено более 2 миллионов тонн нефтепродуктов, в том числе 934,8 тысячи тонн автобензина, 821 тысяча тонн дизельного топлива, 206,6 тысячи тонн смазочных масел, а также 354 тысячи комплектов автошин, 611 легковых автомобилей.

КНДР за эти же годы поставила в СССР цинкового концентрата почти — 200 тысяч тонн, чугуна — более 240 тысяч тонн, проката черных металлов — более 280 тысяч тонн, цветных металлов и сплавов — свыше 202 тысяч тонн, порошка магнетитового — более 426 тысяч тонн, табака листового — 32 тысячи тонн; яблок свежих — 147 тысяч тонн, были поставлены в СССР и другие корейские товары. Бурное послевоенное развитие промышленного производства в КНДР создало предпосылки для резкого расширения взаимовыгодного внешнеторгового обмена КНДР. Номенклатура корейского экспорта в СССР за один 1957 г. расширилась на 70 процентов⁷. Успешное развитие внешней торговли КНДР в свою очередь имело важное значение для развития народного хозяйства страны.

* * *

Новым значительным толчком для дальнейшего расширения экономического сотрудничества и торгового обмена между двумя странами явилось подписание ряда важных советско-корейских соглашений в 1965—1967 годах.

С 1966 по 1970 г. темпы роста советско-корейской внешней торговли были еще выше, чем в предыдущее пятилетие и выше, чем по плану Соглашения о товарных поставках между Советским Союзом и КНДР на 1967—1970 годы. Если фактический рост внешнеторгового оборота между Советским Союзом и КНДР составил в 1961—1965 гг. 156 процентов, то в 1966—1969 гг. — 297 процентов.

Объем внешней торговли между странами в 1971 г. по сравнению с 1960 г. увеличился более чем в 4,3 раза.

В 1966—1971 гг. не только значительно расширился объем, но и улучшилась структура советско-корейского торгового обмена. Увеличиваются

Таблица
Товарооборот между СССР и КНДР за 1960—1971 гг.
(в млн. руб.)

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1971 г.
Весь оборот	103	160	329	452
в том числе:				
Советские поставки	36	81	207	330
Корейские поставки	67	79	122	122

⁷ «Внешняя торговля», № 9, 1958, стр. 10.

поставки из СССР в КНДР машин, энергетического оборудования, подшипников, нефтепродуктов и топлива, кабеля, черных и цветных металлов и других товаров. Примерно $\frac{1}{3}$ часть советских поставок приходилась на машины и оборудование и около 40—45 процентов — на топливо, сырье и материалы. СССР почти полностью удовлетворял потребности республики в дефицитном сырье: нефтепродуктах, сере, марганцевой и хромовой руде, поставлял от половины до $\frac{3}{4}$ сырья, перерабатываемого корейской легкой промышленностью, в том числе хлопок, шерсть, продовольственные товары: растительное масло, сахар, соль.

Советский Союз в свою очередь явился устойчивым и перспективным потребителем продукции корейской промышленности и сельского хозяйства, поставляемых на экспорт. На металлоизделия, строительные материалы, нерудные ископаемые и химические продукты в среднем приходится более 70 процентов корейских поставок в СССР, а на долю продовольственных товаров и промышленных товаров народного потребления — 28 процентов. Начиная с 1967 г. КНДР расширила экспорт в СССР металлорежущих станков, станочного оборудования, электродвигателей, трансформаторов, различных инструментов.

Это стало возможным в результате последовательного проведения курса Трудовой партии Кореи на преимущественное развитие тяжелой промышленности с одновременным ростом легкой промышленности и сельского хозяйства, что вызвало резкое изменение отраслевой структуры промышленности. Если в 1944 г. доля машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства составляла 1,6 процента, то теперь она превышает 30 процентов. Поставки корейских изделий машиностроения в СССР только за последние четыре года увеличились во много раз. Машин и оборудования в 1970 г. было поставлено в СССР на сумму более 7,3 млн. рублей по сравнению с 16 тыс. руб. в 1966 г., в 1970 г. было поставлено 1469 металлорежущих станков, в то время как в 1966 г. они совсем не поставлялись.

Успешное развитие строительной промышленности КНДР позволило ей увеличить экспорт в Советский Союз таких строительных материалов, как цемент, листовое оконное стекло, облицовочные плитки и другие строительные материалы.

Экспорт КНДР в СССР товаров легкой промышленности в 1971 г. по сравнению с 1966 г. увеличился в 5 раз. В 1971 г. было поставлено в СССР одежды на сумму около 15 млн. рублей, фарфоровой посуды на 2,1 млн. рублей, полотенец более 4 млн. штук, 1,8 млн. пар спортивной обуви.

СССР и КНДР в целях увеличения объемов торговли и рационального использования имеющихся экономических ресурсов применяют новые формы торговли. Так Центросоюз СССР через свои местные организации на Дальнем Востоке успешно ведет пограничную торговлю с Центральным Советом Потребительских обществ КНДР. Объем этой торговли в 1970 г. увеличился по сравнению с 1966 г. более чем в 2,5 раза; по сравнению с 1955 г. в 31 раз⁸. Центросоюз СССР экспортирует в КНДР промышленные товары — фотоаппараты, радиоприемники, часы, фотобумагу, ткани, швейные изделия, хозяйственное мыло и другие товары. Советская кооперация импортирует из КНДР свежие фрукты и овощи, а также промышленные товары — авторучки, спортивную обувь, кожаные перчатки, строительные и другие хозяйственные товары.

⁸ См.: В. А. Соболев. Внешняя торговля Центросоюза. М., 1968. стр. 39.

Установление прямых торговых связей с пограничными районами позволяет рационально использовать местные излишки товаров, исключает перевозку их на большие расстояния и расходование больших средств на оплату перевозок. Эта форма торговли имеет большие перспективы.

Наряду с внешней торговлей успешно развиваются другие формы советско-корейского сотрудничества, которые уже доказали жизнеспособность и способствовали успешному развитию народного хозяйства обеих стран, в частности, комплектные поставки машин и оборудования, оказание технического содействия в строительстве народнохозяйственных объектов.

По соглашению, подписанному 24 декабря 1960 г., Советский Союз оказал КНДР техническое содействие в строительстве ряда крупных промышленных объектов, в том числе Пхеньянской ТЭЦ мощностью 600 тыс. кВт, Хесанской льнопрядильной фабрики и другие.

В соответствии с соглашением от 20 июня 1966 г. и протокола к нему от 2 марта 1967 г. и другими соглашениями Советский Союз в счет кредитной помощи оказывает КНДР техническое содействие в строительстве более 30 промышленных предприятий и объектов, имеющих важное значение для дальнейшего развития народного хозяйства республики. Основные из них — Пукчанская ГЭС мощностью до 1,2 млн. кВт, нефтеперерабатывающий завод по переработке 2 млн. т нефти в год, ТЭЦ мощностью 100 тыс. кВт в г. Унги, завод по производству автомобильных аккумуляторов, завод по производству эмалированных микропроводов, расширение производства стали на металлургическом заводе имени Ким Чака до 1 млн. т и другие. Эти объекты будут введены в эксплуатацию в текущей шестилетке (1971—1976 гг.). На этих и других стройках трудятся советские специалисты, которые по-братски делятся с корейскими друзьями опытом. Трудовая партия Кореи и Правительство КНДР, высоко оценив помощь советских специалистов и их вклад в укрепление дружбы между советским и корейским народами, наградили в 1972 г. 234 советских специалиста орденами и медалями.

О том значении, которое имеет техническое содействие Советского Союза в развитии народного хозяйства КНДР, можно судить по таким цифрам. В результате строительства в стране ТЭЦ и ТЭС вдвое увеличится к уровню 1968 г. производство электроэнергии. После окончания реконструкции объектов на 25 процентов возрастет добыча угля, в два раза увеличится прокат стали. При техническом содействии СССР будут, по существу, созданы новые отрасли народного хозяйства: нефтепереработка, нефтехимия, производство алюминия и другие.

Важное значение для развития народного хозяйства обеих стран имеет научно-техническое сотрудничество. За прошедшее время Советский Союз передал КНДР техническую документацию, образцы промышленных изделий и сельскохозяйственных растений, ознакомил корейских специалистов с производственными и научно-техническими достижениями более чем по 2500 темам.

Корейские организации в свою очередь передали советским организациям техническую документацию по ряду производств металлургии и химической промышленности, по выращиванию женьшеня и других культур, образцы промышленных изделий и сельскохозяйственных растений, ознакомили советских специалистов с производственными и научно-техническими достижениями по многим важным темам. Для советских специалистов представляет интерес ознакомление с другими достижениями корейских друзей в науке и технике.

В научно-техническом сотрудничестве Советский Союз и КНДР активно используют и такую форму, как взаимное проведение выставок. По договоренности правительств обеих стран в 1960 г. в Пхеньяне были проведены советская промышленная и сельскохозяйственная выставка и в 1966 г. советская выставка товаров народного потребления. В 1968 г. в Хабаровске и в 1971 г. в Москве были организованы корейские выставки, главным образом товаров легкой промышленности. Эти выставки имели важное практическое значение, вызвав взаимный интерес. Посетители ознакомились с научными достижениями и внедрением их в народные хозяйства СССР и КНДР.

Большую роль в развитии советско-корейских экономических связей сыграло учреждение в 1967 г. межправительственной консультативной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам между СССР и КНДР. В рамках комиссии получили развитие новые формы сотрудничества, проводится координация взаимных поставок по товарообороту на ближайшее 5-летие, изучены возможности для развития в КНДР с помощью СССР специализированных профилей экономики, продукция которых будет представлять определенный интерес для развития народного хозяйства Советского Союза. По решению комиссии намечено построить в КНДР вагоностроительный завод, завод по производству микроэлектродвигателей, завод автомобильных аккумуляторов, завод электропроводов, цех по производству карбида кальция и других предприятий, продукция которых составит важную часть корейского экспорта в СССР.

Огромные резервы дальнейшего развития советско-корейского экономического сотрудничества заложены в совместном развитии ряда производств в районах советского Дальнего Востока, прежде всего в лесоразработках и целлюлозно-бумажной промышленности, угольной и соледобывающей.

Высокими темпами развивается экономическое сотрудничество КНДР и с другими социалистическими странами. При их содействии строятся промышленные предприятия и объекты. В 1968 г. на долю всех социалистических стран приходилось свыше 87 процентов всего внешнеторгового оборота КНДР. За последние годы экономические связи КНДР с социалистическими странами расширились: с ГДР было подписано соглашение об открытии регулярной линии между портами КНДР и Европы для перевозки корейских грузов на судах ГДР; с Кубой, Румынией, Венгрией, Болгарией были подписаны соглашения об организации межправительственных консультативных комиссий по экономическим и научно-техническим вопросам. Эти комиссии успешно работают, рассматривая важные вопросы дальнейшего развития экономических связей и совершенствования их форм.

* * *

Экономическое сотрудничество социалистических стран является одним из важнейших факторов развития каждой социалистической страны и всей мировой социалистической системы в целом. В этом сотрудничестве проявляется основной принцип взаимоотношения народов, строящих социализм и коммунизм, — социалистический интернационализм. «Социалистический интернационализм, — говорил Л. И. Брежнев, — сегодня выражается и в тенденции к экономическому сближению социалистических государств, во всестороннем развитии хозяйственных связей между ними»⁹.

⁹ «Правда», 22.VII.1969.

Только при условии тесного сотрудничества и взаимной помощи, объединения усилий в сфере производства, науки и техники социалистические государства могут отстоять свое существование и революционные завоевания, победить в соревновании с капитализмом, полностью проявить преимущества социалистического строя.

От хода экономического сотрудничества между социалистическими странами в значительной мере зависят успехи и темпы строительства социализма в каждой из стран и развитие мировой системы социализма в целом. Поэтому заботу о расширении и углублении сотрудничества между народами, строящими социализм и коммунизм, КПСС и советский народ считают своим первейшим интернациональным долгом.

В развитии экономического сотрудничества между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой имеются еще большие неиспользованные резервы, которые, несомненно, будут возрастать по мере роста экономического потенциала обеих стран, а также по мере совершенствования и развития самих форм сотрудничества, координации народнохозяйственных планов, специализации и кооперирования.

Советский Союз строит свои экономические отношения с КНДР на принципах социалистического интернационализма, полного равноправия, уважения суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи.

Политические махинации Пекина на Индостанском полуострове

Г. В. Матвеев

Современная внешняя политика КНР направлена на осуществление великодержавных целей, нагнетание международной напряженности и раздувание противоречий между другими странами. Она проводится маонистами во многих районах мира — в Индокитае, на Ближнем Востоке, в Африке. Но особенно наглядно Пекин демонстрирует ее в своих отношениях с Индией и Пакистаном, а также с молодым государством Бангладеш, появившемся на политической карте мира в декабре 1971 г. после победы народа Восточной Бенгалии над военным реакционным режимом Яхья Хана.

Для раздувания конфликтов в Индостане маонисты используют те противоречия, которые были искусственно созданы английскими империалистами. В 1947 г., предоставляя независимость Британской Индии, англичане спровоцировали на почве религиозных предрассудков резню между индустами и мусульманами, а затем, ссылаясь на нее, искусственно раздробили единую в экономическом отношении территорию Индостана на два самостоятельных государства. Подобное деление, помимо дезорганизации экономики, породило многочисленные территориальные, политические, национальные и религиозные противоречия между Индией и Пакистаном. Эти противоречия были усилены пакистанским вторжением в независимое княжество Кашмир в 1947 г., население которого выразило желание присоединиться к Индии. Кашмир был искусственно разделен на две части и стал постоянным «яблоком раздора» на субконтиненте.

Восточная часть Бенгалии, переданная Пакистану, оказалась в особенно тяжелом положении. Она была искусственно оторвана от промышленно развитой Западной Бенгалии с ее крупнейшим портом и промышленным центром Калькуттой и фактически лишилась выхода на внешний рынок, была превращена в сельскохозяйственный придаток Западного Пакистана. На средства, выкачиваемые из Восточной Бенгалии, пакистанские власти развивали промышленность, финансы и торговлю в Западном Пакистане.

Таково было наследие английского колониализма. Его-то и использует Пекин, чтобы с помощью интриг и подрывной деятельности сеять смуту и провоцировать конфликты на полуострове.

Правительство Индии с момента образования КНР проводило по отношению к ней дружественную политику. Индия была одной из первых стран, признавших КНР. Она пошла на мирное урегулирование сложного вопроса о Тибете, провозгласила пять принципов мирного сосуществования, последовательно выступала за восстановление законных прав Китая в ООН, содействовала мирному урегулированию военного конфликта в Корее.

Заключение в 1954 г. индийско-китайского соглашения о Тибете создавало у Индии впечатление, что отношения между ней и КНР полностью урегулированы. Однако в действительности правительство КНР резервировало свои претензии по пограничному вопросу. Оно отказывалось подтвердить или оспорить существующую линию границ между КНР и Индией в Тибете, которую Индия считала после заключения соглашения 1954 г. юридически и фактически действительной. Как оказалось позднее, руководство КНР не только не признавало эту границу, но готовилось выступить с обширными территориальными притязаниями к Индии. Пользуясь отсутствием индийских пограничных постов в высокогорных районах на границе между Кашмиром и Тибетом, правительство КНР, без согласования с индийскими властями, приступило к освоению района Аксайчин на западном участке границы, который Индия считала своим, и развернуло здесь строительство военно-стратегической дороги из Синьцзяна в Тибет.

В то же время в КНР публиковались географические карты, на которых граница была обозначена иначе, чем фактически существовавшая. В 1954 г. во время визита в КНР глава индийского правительства Дж. Неру сделал замечание о неточности этих карт. Премьер Государственного совета КНР Чжоу Энь-лай ответил, что эти-де карты воспроизводят старые гоминьдановские и что их еще не успели пересмотреть, однако правительство КНР отказалось сделать заявление о том, что у него нет территориальных притязаний к Индии.

Первые инциденты на китайско-индийской границе относятся к 1954—1956 годам. В 1956 г. впервые возник вопрос о восточном участке границы, о так называемой линии Мак-Магона. Несмотря на эти инциденты, правительство КНР еще воздерживалось от предъявления Индии своих территориальных притязаний, тогда как последняя рассматривала существующую границу как законную и не подлежащую пересмотру.

В 1958 г. правительство КНР неожиданно для Индии заявило о том, что оно не признает существующую линию границы, и предъявило притязания на значительные участки индийской территории: площадь этой территории составляла на западном участке 33 тыс. кв. км, на центральном — 2,5 тыс. кв. км и на восточном участке — 90 тыс. кв. км.

Эти притязания, естественно, обострили обстановку на китайско-индийской границе. С обеих сторон началась концентрация войск, участились вооруженные столкновения, завершившиеся в 1962 г. вторжением китайских войск на индийскую территорию.

После отвода войск КНР с территории Индии напряженное положение на китайско-индийской границе сохраняется и до сих пор. Обе страны держат в пограничных районах крупные контингенты войск и осуществляют широкие военные мероприятия. Китайские военные приготовления на индийской границе, помимо непосредственного военного давления на Индию, выполняли еще одну роль. Они воодушевляли реакционные элементы Пакистана на военные авантюры против Индии. Любопытно в этой связи остановиться на том, как развивались отношения между КНР и Пакистаном.

Пакистан признал КНР в начале 1950 г., однако не имел с ней дружественных отношений. После вступления Пакистана, следовавшего в фарватере политики США, в военные блоки СЕНТО и СЕАТО КНР в 1954—1955 гг. взяла курс на развитие более тесных отношений с ним на формальной основе пяти принципов мирного сосуществования. Фак-

тическая же причина сотрудничества Пекина с Пакистаном заключалась в том, чтобы использовать эти отношения для оказания давления на Индию как в период переговоров по Тибету, так и во время предъявления Индии территориальных притязаний, которые уже тогда готовились маоистами. В этих целях правительство КНР в отличие от четкой и принципиальной позиции СССР, поддерживавшего стремление Кашмира воссоединиться с Индией, заняло беспринципную позицию, заявив в 1957 г., что оно придерживается нейтральной позиции. Это противоречило его первоначальным заверениям о поддержке Индии. В последующие годы руководители КНР стали утверждать, что Кашмир принадлежит Пакистану, и в ответ на союз с последним уступили ему 750 кв. км своей территории по соглашению от 1963 г. о границе между КНР и Пакистаном в Кашмире. Одновременно Пекин стал оказывать пакистанским властям крупную экономическую и военную помощь и всячески поощрять их провокации в отношении Индии.

Провокационные действия со стороны Пекина сыграли и определенную роль в развязывании военных акций между Пакистаном и Индией в 1965 году. Пекин, подталкивая Равалпинди к военным действиям, со своей стороны проводил на китайско-индийской границе военные демонстрации и давал обещания о поддержке военных действий Пакистана. Предъявленный Индии ультиматум Пекина об отводе индийских войск и о ликвидации военных укреплений на ряде участков границы не был принят Индией, и Пекину пришлось пойти на попятную. Лишь миролюбивая политика Индии и твердая позиция Советского Союза, направленная на урегулирование военного конфликта, позволили не только локализовать его, но и добиться прекращения военных действий и принятия Ташкентской декларации.

Ташкентская встреча и декларация, подписанная при непосредственном содействии Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, сыграли положительную роль не только в ослаблении напряженности в индо-пакистанских отношениях, но и в переориентации внешней политики Пакистана — от тесного военного союза с США и КНР к развитию всесторонних отношений со всеми соседними государствами, в том числе и с СССР. Ташкентские соглашения, «дух Ташкента», как принято говорить, были большим достижением миролюбивой политики СССР — политики сотрудничества и помощи народам развивающихся стран на основе укрепления подлинной солидарности с ними в борьбе с империализмом и другими врагами мира.

Пекин же со своей стороны приложил максимальные усилия для того, чтобы сорвать урегулирование отношений между Индией и Пакистаном. Воспользовавшись падением правительства Айюб Хана и приходом к власти ставленника реакционных сил Яхья Хана, он продолжал усиленно вооружать Пакистан, раздувал противоречия между странами.

В 1970 г. произошло новое резкое обострение отношений между Индией и Пакистаном в связи с событиями в Восточной Бенгалии, где развернулась борьба восточнобенгальского народа против реакционного режима Яхья Хана. Народная лига Авами и другие прогрессивные силы страны, выражая волю народных масс, выдвинули требование о предоставлении Восточной Бенгалии автономного статуса. Под этими лозунгами Народная лига Авами победила на выборах 1970 г. и получила абсолютное большинство в провинциальной ассамблее и 98 процентов мест представителей Восточного Пакистана в Национальном собрании Пакистана, дающие ей право сформировать провинциальное правительство.

Правительство Яхья Хана ответило на это переброской в Восточную Бенгалию 70 тыс. войск, разгоном провинциальной ассамблеи и кровавыми репрессиями против восточнобенгальского населения, поддерживавшего Народную лигу Авами. Глава ее, Муджибур Рахман, был арестован и вывезен в Западный Пакистан. Арестованы были также многие члены лиги и делегаты провинциальной ассамблеи. Почти 10 млн. жителей Восточной Бенгалии, спасаясь от смерти, вынуждены были бежать в соседние штаты Индии, где им была оказана широкая бесплатная помощь. Экономическое положение Индии в связи с этим событием осложнилось.

Оставшиеся на свободе делегаты провинциальной ассамблеи Восточной Бенгалии приняли решение об отделении провинции от Пакистана и образовании независимого государства Бангладеш. По их призыву молодежь, главным образом учащиеся, рабочие, интеллигенция, поднялась на вооруженную борьбу. Под руководством коммунистов и членов Народной лиги были образованы отряды партизан — «Мукти бахини», которые наносили чувствительные удары по пакистанским карательным войскам.

Казалось бы, освободительная борьба народа Восточной Бенгалии должна была получить поддержку Пекина, претендующего на роль «верного друга» угнетенных народов. Однако Пекин, руководствуясь своими великодержавными мотивами и целями недружественной политики к Индии, оказывавшей всестороннюю поддержку освободительному движению восточнобенгальского народа, вместе с США занял позицию безоговорочной поддержки правительства Яхья Хана в осуществлении им кровавого террора. Пакистанские войска перебрасывались в Восточную Бенгалию по воздуху через китайскую территорию, КНР поставляла им морем через Читтагонг вооружение и речные канонерки. Чтобы замаскировать свою измену делу освободительной борьбы, пекинские лидеры клеветнически заявили, что народное движение в Восточной Бенгалии, так же как и бегство 10 млн. человек в Индию, инспирировано самой Индией, стремящейся якобы захватить Восточную Бенгалию для превращения ее в марионеточное государство. Восточнобенгальские патриоты изображались китайской пропагандой как раскольники и предатели. Руководство КНР не только полностью поддерживало репрессивные и карательные меры правительства Яхья Хана и необоснованно обвиняло Индию в агрессивных намерениях против Пакистана, но, резко увеличив военную помощь Пакистану, подталкивало его к военным действиям против Индии.

В Восточной Бенгалии пакистанские войска наталкивались на все большее сопротивление со стороны отрядов «Мукти бахини». Несмотря на зверства и террор, каратели оказались не в состоянии подавить национально-освободительное движение. Тогда Яхья Хан, стремясь изменить соотношение сил, не без поощрения со стороны КНР 23 ноября 1971 г. объявил в стране военное положение и начал военные действия против Индии. 4 декабря того же года Пакистан официально объявил ей войну.

Боевые действия между Пакистаном и Индией приняли довольно широкий размах, охватив территорию как Восточной Бенгалии, так и Западного Пакистана. Армия Пакистана терпела поражение. Спасая режим Яхья Хана от полного разгрома, КНР и США пытались оказать военный нажим на Индию. Китайские лидеры под предлогом нарушения индийскими самолетами и солдатами границы КНР в Тибете предъявили Индии ноту протеста, в которой содержалась угроза применить против

нее силу. Правительство же США отдало приказ кораблям 7-го флота, находившегося уже к тому времени в Индийском океане, войти в Бенгальский залив, чтобы воспрепятствовать нападению индийского флота на пакистанские корабли, доставлявшие вооружение в Восточную Бенгалию. Не случайно поэтому при обсуждении вопроса об индо-пакистанском конфликте в Совете Безопасности и на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН позиции КНР и США фактически совпали. Замалчивая вопрос о зверствах войск Яхья Хана в Восточной Бенгалии, о тяжелом положении 10 млн. восточнобенгальских беженцев в Индии, об освободительной борьбе народа Бангладеш, представители КНР и США обвиняли Индию в Совете Безопасности ООН в мнимой агрессии против Пакистана, а Советский Союз — в пособничестве ей. Они требовали независимо от политического решения вопроса о Восточной Бенгалии прекратить огонь и отвести войска на прежние рубежи.

Такое требование означало предательство освободительного движения восточнобенгальского народа, выдачу десятков миллионов его сынов на расправу палачам Яхья Хана и обречение 10 миллионов беженцев на вечное изгнание.

Характеризуя позицию КНР в ООН, социалистические страны подчеркивали ее великодержавно-шовинистическую сущность. Чехословацкая газета «Праце» 21 декабря 1971 г., в частности, писала: «В Совете Безопасности пекинский делегат с самого начала стал на сторону США. Он сделал все, чтобы помочь делегату США отвлечь внимание от самой сути проблемы, затушевать необходимость одновременно с прекращением огня предложить и политическое решение кризиса».

Цели, которые пекинские руководители ставили себе, защищая режим Яхья Хана, были раскрыты в выступлении в Совете Безопасности представителя КНР Хуан Хуа 21 декабря 1971 года. Он заявил: «Военная оккупация Восточного Пакистана приведет к еще большему потрясению и беспокойству на южноазиатском субконтиненте. Пакистанский народ ни в коем случае не прекратит свое героическое сопротивление, а индийский народ не даст социал-империализму и индийскому экспансионизму гнать себя, подобно овце».

Как известно, после разгрома карательных войск Яхья Хана на территории Бангладеш правительство Индии в одностороннем порядке 17 декабря 1971 г. приняло решение прекратить военные операции на границе с Западным Пакистаном, в Кашмире, и предложило Пакистану вступить в переговоры о политическом урегулировании и установлении дружественных отношений между всеми государствами субконтинента. Правительство Индии приняло это миролюбивое решение не потому, что ее военное положение на фронте было катастрофическим. Наоборот, индийские войска, по свидетельству западных наблюдателей, имели возможность полностью разгромить пакистанскую армию и навязать побежденной стороне свою волю.

Несомненно, что это миролюбивое решение индийского правительства способствовало изменению политической обстановки в самом Пакистане, где представители реакционной военной клики во главе с Яхья Ханом были отстранены от власти и было сформировано гражданское правительство во главе с президентом Бхутто. Новое правительство после длительных, правда, оттяжек, к которым оно было вынуждено прибегнуть под давлением пакистанской реакции, империализма и китайского руководства, вступило в переговоры с правительством Индии на высшем уровне. В июле 1972 г. в индийском городе Симле было заключено соглашение, в котором выражалась готовность сторон добиваться

решения всех спорных проблем путем двусторонних переговоров, чтобы между Индией и Пакистаном сложились мирные добрососедские отношения. Симлское соглашение предусматривало прекращение конфронтации сторон, продолжавшейся в течение последних 25 лет. Оно создало условия для нормализации обстановки в обеих странах, для переключения энергии и усилий двух народов на созидательный труд, а не на разрушение.

Выполняя симлские соглашения, стороны начали отвод войск с территорий, занятых в процессе военных действий. Возникшие при этом затруднения, связанные с демаркацией линии контроля в Джамму и Кашмире, стали предметом переговоров в Дели в августе 1972 года. Итогом этих переговоров явилось совместное заявление правительства Индии и Пакистана о их решимости выполнять соглашение, заключенное в Симле, для обеспечения мира на полуострове.

Соглашения, достигнутые в ходе переговоров в Симле и Дели, вызвали большую озабоченность в Пекине, поскольку они выбивают почву у китайских руководителей для дальнейших политических махинаций в этом районе земного шара. Именно поэтому правительство КНР под предлогом защиты интересов Пакистана, выступило против допуска в ООН молодого государства Бангладеш, наложив вето в Совете Безопасности на предложение о его приеме. Китайские представители выдвинули в качестве формального повода для отказа в приеме Бангладеш необоснованное обвинение правительству молодой республики в том, что оно якобы не выполнило решений ООН от 7 и 21 декабря 1971 г. о прекращении военных действий между Индией и Пакистаном и отводе их войск на линию границы. Аргументация представителей КНР строилась на том, что на территории Бангладеш якобы до сих пор находятся индийские войска и более 90 тыс. военнопленных пакистанских солдат и офицеров, которых правительство Бангладеш отказывается возвратить Пакистану.

Однако аргументация представителей КНР несостоятельна как формально, так и по существу. Во-первых, решения ООН были адресованы не Бангладеш, а правительствам Индии и Пакистана; во-вторых, правительства Индии и Бангладеш неоднократно официально заявляли, что индийские войска уже выведены с территории Бангладеш и что порядок в новом государстве поддерживается его национальными войсками.

Что касается пакистанских военнослужащих в количестве 90 тыс. человек, принимавших участие в кровавом подавлении освободительного движения в Восточной Бенгалии, то правительство Бангладеш дало ясно понять, что оно задерживает их в связи с расследованием преступлений, совершенных карательными отрядами Яхья Хана, что после окончания расследования виновные будут преданы суду, а невинные возвратятся в Пакистан.

Таким образом, несостоятельность китайской аргументации очевидна. Китайские руководители, выдвигая частные условия для приема Бангладеш в ООН, заняли точно такую же позицию в отношении молодого государства, которой придерживались в свое время представители США в отношении самой КНР. Суверенитет Бангладеш уже подтвержден в международно-правовом отношении почти девяноста государствами, официально признавшими независимость молодой республики.

Действительная же причина возражения представителей КНР против приема Бангладеш в ООН заключается в том, что они стремятся искусственно поддерживать вражду между народами Пакистана и Индии, сохранить на Индостане напряженность, которой можно было бы

при удобном случае воспользоваться ради осуществления своей великодержавной политики.

События на Индостанском полуострове показали также всю беспринципность политики китайского руководства в отношении национально-освободительного движения. Лидеры Пекина поддерживают только те его отряды, которые могут быть использованы в эгоистических целях и интересах маоистов, и выступают против тех, которые не отвечают этим целям.

Такая позиция руководства КНР встречает осуждение со стороны социалистических и развивающихся стран.

Маоистский миф о «сверхдержавках»

Б. А. Соборов

Политическая ситуация в современном мире характеризуется обострением противоборства двух основных классовых антагонистов — социализма и империализма. Социалистическое содружество выступает в этой борьбе в тесном союзе с международным рабочим классом и силами национального освобождения. Коммунисты всего мира исходят из глубокого убеждения, что «первостепенное значение для перспектив антиимпериалистической борьбы имеет укрепление союза между социалистической системой, рабочим и национально-освободительным движением»¹.

Такая расстановка сил, вытекающая из главного противоречия между социализмом и капитализмом, сложилась с рождением первого в мире рабоче-крестьянского государства в России. В. И. Ленин в тот период отмечал: «... взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах»².

Образование после второй мировой войны системы социалистических государств явилось новым крупным поражением мирового капитализма, в результате чего произошел значительный рост рабочего движения в капиталистических странах, новый огромный подъем национально-освободительного движения, приведшие к краху колониальной системы. Все это еще раз убедительно продемонстрировало правильность ленинского определения характера современной эпохи и коренного противоречия в сегодняшнем мире.

Ленинская оценка расстановки основных классовых сил на международной арене в современную эпоху получила дальнейшую разработку и обоснование в совместных документах международного коммунистического движения, принятых на Совещаниях братских партий в 1957, 1960 и 1969 годах. В итоговом документе Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне 1969 г. в Москве, отмечалось:

¹ См.: Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, М., 1969, стр. 315.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 242.

«Мировая система социализма является решающей силой в антиимпериалистической борьбе. Всякая освободительная борьба находит ничем не заменимую поддержку с ее стороны, и прежде всего со стороны Советского Союза»³.

В международных Совещаниях 1957 и 1960 гг. принимала участие и делегация Коммунистической партии Китая. Мао Цзэ-дун, возглавлявший китайскую делегацию на Совещании 1957 г., поставил свою подпись под итоговой Декларацией этого совещания, в которой, в частности, говорилось: «В нашу эпоху мировое развитие определяется ходом и результатами соревнования двух противоположных общественных систем... Растущая и крепнущая мировая социалистическая система оказывает все большее влияние на международную обстановку в интересах мира, прогресса и свободы народов»⁴.

Делегация КПК принимала участие также в Совещании коммунистических и рабочих партий 1960 г. и подписала совместное заявление братских партий. В тот период китайское руководство соглашалось, по крайней мере на словах, с теми положениями, что «наша эпоха... есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем... Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества»⁵.

Теперь же пекинские руководители отвергают эти единственно верные оценки как «черный товар», подсовывая вместо них фальшивую концепцию о «сверхдержавах», «малых и средних» странах.

Появление в арсенале Пекина концепции о «сверхдержавах» — явление не случайное, а вполне закономерное, учитывая неизменный раскольнический, антисоветский характер политики пекинского руководства. Для того чтобы понять, почему маоисты взяли на свое вооружение эту концепцию, необходимо учитывать по крайней мере два обстоятельства.

Во-первых, выдвижение лозунга о «сверхдержавах» связано с периодом, когда китайское руководство после «культурной революции» предприняло усилия для укрепления позиций Китая на международной арене, заметно подорванных в результате «особого» курса маоистов. В этой обстановке пекинским лидерам понадобилось представить себя «верными друзьями малых и средних стран».

Во-вторых, и это представляется главным, выдвижение на первое место из массы средств идеологической борьбы концепции, лишенной внешних признаков классового подхода, говорит о провале попыток пекинского руководства подчинить своему влиянию революционные силы современности путем спекуляций на марксистско-ленинских положениях. Эти серьезные провалы вынудили маоистов внести определенные коррективы и в свои внешнеполитические лозунги. Отбросив последние «революционные» фразы, они делают основной упор на разжигание национализма, на запугивание различных стран и народов «угрозой гегемонии одной-двух сверхдержав».

Концепция «сверхдержав» представляет собой не какое-то частное дополнение к прежним маоистским формулам, а целую принципиальную схему расстановки сил на международной арене, которая вытекает из

³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, М., 1961, стр. 301.

⁴ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1964, стр. 5—6.

⁵ Там же, стр. 39—40.

прежних маоистских положений и служит «теоретическим» обоснованием внешней политики Пекина на данном ее этапе.

Выдвижению этого тезиса предшествовала своеобразная «теоретическая» работа, которая была проведена на IX съезде КПК в апреле 1969 года. В отчетном докладе съезду были сформулированы «четыре крупных противоречия в современном мире», суть которых сводилась к тому, что Советский Союз ставился на одну доску с империализмом и объявлялся врагом всех стран мира, включая социалистические⁶.

Необходимо в этой связи упомянуть и маоистскую концепцию «промежуточной зоны», которая была выдвинута впервые Мао Цзэ-дунем в 1946 г., а затем «развита» в начале 60-х годов, когда китайское руководство уже вело открытую идеологическую борьбу против социалистических стран и мирового коммунистического движения⁷.

Сейчас пекинские «теоретики» пытаются увязать ее с концепцией «сверхдержав», чтобы, по-видимому, продемонстрировать «преимущество» маоистских «идей». Именно такая попытка была предпринята ими в статье «Добьемся новых побед» трех редакций (журнала «Хунци», газет «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао») от 1 октября 1972 года. Однако между этими двумя маоистскими теоретическими схемами имеются существенные расхождения, которые сводят на нет поуту маоистов придать их новоиспеченной концепции «сверхдержав» «научную» респектабельность и лишь еще раз подтверждают волюнтаристский, надуманный характер пекинских «теорий».

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить сущность концепции «промежуточной зоны» и сравнить ее с концепцией «сверхдержав».

Концепция «промежуточной зоны» выражала антимарксистскую субъективистскую точку зрения маоистского руководства на расстановку основных классовых сил на международной арене в современную эпоху. Она отрицала наличие главного, коренного противоречия между социализмом и империализмом, принижала роль социалистических стран в антиимпериалистической борьбе. Эта концепция была призвана оправдать гегемонистские расчеты маоистского руководства в отношении национально-освободительного движения.

Вместе с тем, согласно концепции «промежуточной зоны», все социалистические страны находятся по одну сторону баррикад и рассматриваются как сила, противостоящая империализму. Сама «промежуточная зона», куда включались все остальные страны, подразделялась на «подзоны», отделявшие национально-освободительное движение от капиталистического мира, и также рассматривалась как объект экспансии со стороны империализма США. Как видно, в этой своей «теории» маоисты стремились сохранить некую видимость «классового подхода».

Однако даже и этот слабый намек на «классовый подход» был полностью отброшен в концепции «сверхдержав». Согласно пекинской интерпретации этой концепции, «две сверхдержавы» — США и Советский Союз — «соперничают и сговариваются между собой с целью раздела мира на сферы влияния и подчинения своему господству средних и малых стран».

Таким образом, Советский Союз в этой «теории» поставлен на одну доску с США и отнесен к разряду «империалистических стран». Все же остальные страны — социалистические, молодые развивающиеся государ-

⁶ Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы), Пекин, 1970, стр. 44—45.

⁷ См.: журнал «Хунци», № 3—4, 1963; «Еще раз о разногласиях товарища Тольятти с нами», а также передовую «Жэньминь жибао», 21.1.1964.

ства, и в первую очередь государства социалистической ориентации, — оказались в одном ряду с империалистическими и капиталистическими странами, с колонизаторами, реакционными режимами фашистского и полуфашистского типа.

Маонисты, по-видимому, полагают, что выдвижение такой внешне бесклассовой, а по существу буржуазно-националистической платформы даст им возможность расширить ряды сторонников, которых они решили собрать под своим знаменем. Придumана и платформа для такого объединения. Это «угроза гегемонизма» со стороны «сверхдержав». Поэтому Пекин призывает все «средние и малые» страны «создать единый фронт в борьбе со сверхдержавами», то есть как против США, так и против Советского Союза. При этом в Пекине недвусмысленно дают понять, что Китай берет на себя функцию лидера подобного «единого фронта». Цель этих псевдотеоретических манипуляций состоит в очередной попытке Пекина сколотить международный антисоветский фронт.

При первом же знакомстве с пекинской концепцией «сверхдержав» обращает на себя внимание ее антисоветская направленность, откровенная попытка маонистов поставить на одну доску строящий коммунизм Советский Союз и империалистические Соединенные Штаты. Сами пекинские теоретики отнюдь не скрывают, что главным объектом их борьбы является именно Советский Союз, а не Соединенные Штаты Америки. Не случайно, конечно, разглагольствования маонистов о «борьбе против двух сверхдержав» время от времени заменяются формулой «борьбы против одной-двух сверхдержав» и даже «одной сверхдержавы». Соединенные Штаты, как показывает анализ практики китайского руководства, присутствуют в этой пекинской схеме в роли «подсадной утки». Цель этой «подсадки» — доказать, что Советский Союз — «империалистическая держава». Такая «логика» не случайна. У пекинских лидеров нет и не может быть сколько-нибудь объективных данных для желаемых ими выводов. Поэтому они вынуждены прибегнуть к подобным махинациям.

То, что главным объектом китайских нападок является Советский Союз, а не Соединенные Штаты, признают сами пекинские стратеги. В этой связи показательна статья, опубликованная в девятом номере журнала «Хунци» за 1971 год. Авторы статьи, пускаясь в рассуждения о «главных и второстепенных империалистических противниках» Китая, подчеркивают, что «применение революционной двойственной тактики» предполагает на определенном этапе «объединение с одним из этих противников с целью изолировать главного противника (читай: Советский Союз. — Б. С.) и загнать его в угол».

Еще более откровенно высказываются пекинские политики по этому вопросу в уже упомянутой выше статье трех редакций, опубликованной 1 октября 1972 года. В ней прямо заявляется, что в Пекине считают Советский Союз «более опасным» противником, чем империалистические государства.

Эти рассуждения откровенно раскрывают антисоветский, антисоциалистический смысл пекинской концепции «сверхдержав» и показывают подлинную цену маонистского «антиимпериализма». Цели, которые преследует Пекин, выдвигая концепцию «сверхдержав», не вызывают никаких двусмысленных толкований у представителей прогрессивных кругов. Очень четко эти цели определил орган ЦК СЕПГ газета «Нойес Дойчланд» в своем комментарии, опубликованном 25 ноября 1971 года. Газета писала: «...совершая классовое предательство, Пекин не только стремится представить себя вождем малых и средних стран.

чтобы таким образом приблизиться к осуществлению своей цели — самому стать «сверхдержавой». Стирание грани во всемирной борьбе между мировой системой социализма, международным рабочим движением и национально-освободительным движением, с одной стороны, и империализмом, с другой стороны, должно служить оправданием ослабления борьбы против империализма и сделок с ним».

Следует отметить, что концепция «сверхдержав» не является «детисцем» маоистов. Она родилась под пером буржуазных, в том числе американских, идеологов в начале 60-х годов и постепенно получила распространение в реакционно-националистических кругах капиталистических стран, а также и в некоторых развивающихся странах.

В толковании этой концепции имеются принципиальные различия. Если говорить о монополистических кругах США, то они откровенно выражают свой высокомерный взгляд мирового жандарма на весь остальной мир, свое третирующее отношение к интересам других государств и народов. Агрессивная война США во Вьетнаме — конкретное выражение такого «сверхдержавного» подхода. Вместе с тем распространение этой «теории» на международной арене, по мнению идеологов американского империализма, отвечает классовым интересам правящих кругов США. Смысл такого расчета раскрывает в одной из своих статей Гес Холл, генеральный секретарь Коммунистической партии США. Он пишет: «Концепция «сверхдержав» в не меньшей мере, чем лозунг «крупный капитал — крупные профсоюзы», притупляет антимонополистическое движение и вносит в него путаницу. На мировой арене концепция «сверхдержав» ослабляет антимпериалистический канал. Вот почему империализм США в первую очередь выдвигает концепцию бесклассовой «сверхдержавы»⁸.

Определенное распространение получила концепция «сверхдержав» и в «третьем мире». В националистических кругах отдельных стран «третьего мира» этот тезис используется для того, чтобы обосновать намерения сформировать на базе этих стран некую «третью силу». В некоторых вариантах трактовка этой концепции носит реакционный характер, поскольку она фактически ставит знак равенства между капиталистическими странами и лагерем социализма.

В прогрессивных кругах «третьего мира» если даже и прибегают к термину «сверхдержавы», то проводят четкую грань между Советским Союзом и Соединенными Штатами, подчеркивая принципиальное различие между социальными системами и внешней политикой этих двух стран.

Уже из этих фактов ясно, что китайское руководство с его интерпретацией «сверхдержав» занимает крайне правые позиции, примыкая к самым реакционным империалистическим силам.

Ключ к пониманию таких различий в подходе к концепции «сверхдержав» очень прост. Китайское руководство, выдвинувшее эту концепцию, осуществляет величайшее классовое предательство, так как оно пытается вывести Китай из сферы противоборства двух общественно-политических систем, закрепить его на международной арене в качестве обособленной военно-политической силы, опирающейся на систему «малых» и «средних» стран. Поэтому маоисты и приспособили империалистическую концепцию «сверхдержав» к своим нуждам, надеясь с ее помощью расколоть социалистическое содружество, противопоставить Советскому Союзу остальные социалистические страны, а также все революционные силы современности. В этом плане деятельность пекинских

⁸ «Дейли уорлд». 12.VI.1971.

лидеров полностью перекликается с активностью империалистических сил, которые в свою очередь также рассчитывают «...раздробить коммунистическое движение, противопоставить революционные отряды друг другу» с помощью оружия национализма⁹.

Попытка маоистов проложить «третий путь», создать на международной арене «третью силу» несостоятельна. В. И. Ленин подчеркивал: «...нужно каждому человеку стать или по эту, нашу, сторону, или по другую. Все попытки не стать ни на одну, ни на другую сторону заканчиваются крахом и скандалом»¹⁰.

Игнорирование борьбы двух противоположных общественных систем — социализма и капитализма, что является объективным фактом нашего времени, попытки оторвать от фронта антиимпериалистических сил один из его отрядов, под каким бы лозунгом это ни осуществлялось, будет означать прямую услугу силам империализма. Это хорошо понимают на Западе, и прежде всего лидеры американского империализма. Вот почему империализм США приветствует и превозносит каждого, кто поддерживает концепцию о «гегемонии сверхдержав»¹¹. Это и понятно, ведь концепция «сверхдержав» весьма четко вписывается в американскую схему «многополюсного мира». Появление в США доктрины «многополюсного мира» связано с неуклонным изменением соотношения сил на международной арене в пользу социализма. Понимая неспособность империализма противостоять постоянно крепнущей мощи своего классового антипода, американские политики и идеологи стали активно искать и поощрять те силы на международной арене, те новые «полюса», которые способны составить противовес социалистическим странам и тем самым облегчить бремя борьбы империализма с социализмом. В идеологическом плане эта тенденция нашла выражение в рассуждениях о том, что-де идея противоборства двух лагерей «уже устарела». Показательно в этом отношении высказывание «Вашингтон пост» от 10 марта 1972 года. «Практически все понимают, — писала газета, — что прежняя идея противоборства двух блоков — одного, возглавляемого Соединенными Штатами, а другого — Москвой, устарела... В течение многих лет США были сильнее, даже «неизмеримо» сильнее, чем Советский Союз... Именно потеря явного превосходства тревожит многих американцев сейчас, и именно она побудила Никсона изменить свою точку зрения».

В доктрине «многополюсного мира» выражено стремление мирового империализма использовать национализм в своих целях. В ней делается ставка на то, чтобы с помощью демагогически декларируемого участия широкого круга стран в обеспечении «международного равновесия» ослабить солидарность социалистических стран, их связи с другими отрядами мирового революционного процесса. Государственный секретарь США Роджерс, выступая 21 марта 1972 г. по телевидению, так сформулировал эти цели: «Мир вместо двухполюсного становится многополюсным. Я считаю, что чем более взаимозависимым становится весь мир, чем больше стран понимают, что они могут выиграть от этой взаимозависимости, то тем меньше вероятность того, что они пожелают разрушить структуру, которая делает это возможным...»

В этих условиях великодержавно-шовинистический курс и антисоциалистическая раскольническая политика китайского руководства явились своеобразным «божьим даром» для империализма. Поэтому

⁹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, М., 1969, стр. 74.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 401.

¹¹ «Дейли уорлд», 25.XII.1971.

маоистский Китай стал рассматриваться Западом как один из новых «полюсов» сегодняшнего мира. В связи с этим в политическом словаре западных правящих кругов появились термины «треугольник» (США — СССР — КНР), «четыреугольник» (плюс Япония) и т. п.

Правящие круги на Западе, принимая во внимание характер политики руководства Китая, исходят из убеждения, что превращение Китая в «третий полюс» будет отвечать исключительно интересам капитализма. Именно этими расчетами и объясняется заметный «интерес» к Китаю со стороны западных держав в последние годы. Капиталистические страны после «культурной революции» пошли на широкое признание Китая, установление с ним дипломатических отношений, развитие всесторонних контактов. Заметную активность в этом плане демонстрируют и США. Все эти шаги способствовали закреплению великодержавных позиций маоистского Китая на международной арене.

Пекинская концепция «сверхдержав», направленная своим острием против существующих международных отношений в обстановке противостояния сил социализма и капитализма, на утверждение Китая в качестве силы, враждебной социалистическим странам, полностью отвечает интересам авторов «многополюсного мира». Говоря иными словами, семена идеи «сверхдержав», посеянные несколько лет назад западными антикоммунистами, дали хорошие всходы на пекинской почве, и Запад считает теперь поживиться плодами этого «урожая».

Обращение маоистов к буржуазной концепции «сверхдержав» еще раз наглядно демонстрирует их мелкобуржуазную сущность. Говоря о мелкобуржуазной революционности, В. И. Ленин отмечал: «Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фацгастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением — все это общеизвестно»¹².

* * *

Практические шаги китайского руководства как в прошлом, так и теперь свидетельствуют о стремлении Пекина проводить великодержавную политику, игнорирующую интересы народов других стран.

Китайское руководство в последнее десятилетие неизменно демонстрировало и продолжает демонстрировать великодержавный подход к прогрессивным силам современного мира — социалистическим странам, международному рабочему и национально-освободительному движениям.

Международное коммунистическое движение хорошо знакомо с великодержавными действиями китайского руководства. Грязные оскорбления в адрес различных партий, вмешательство в их внутренние дела, создание раскольнических групп в противовес этим партиям, попытки навязать «идеи Мао» в качестве руководящей идеологии — вот только краткий перечень великодержавного подхода Пекина к коммунистическому движению.

Глубоко испытали на себе великодержавный характер внешней политики Пекина и национально-освободительное движение, молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки. Пекинские руководители много времени и энергии затратили на то, чтобы попытаться подчинить эти силы своему влиянию, подорвать их связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Пекин не раз пытался подтолкнуть эти страны на различные авантюры. Китайские стратеги

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 14—15.

в 60-х годах, например, призывали молодые государства трех континентов разворачивать повсеместно «народную войну» против «американского империализма и его приспешников», стремясь тем самым оказать давление на США в интересах решения националистических задач пекинского руководства. При этом сами они не спешили ввязаться в войну, предпочитая вести ее чужими руками и за чужой счет.

Представители афро-азиатских стран хорошо помнят поведение Пекина в период подготовки Второй афро-азиатской конференции, проведение которой намечалось в Алжире в 1965 году. Пекин торопил афро-азиатские страны со скорейшим началом работы конференции, но в середине октября 1965 г. внезапно сделал поворот на сто восемьдесят градусов, высказавшись за ее отсрочку. Китайские руководители, напуганные в этот период крупными провалами в своей внешней политике, сделали все возможное, чтобы сорвать конференцию. И они добились своего. После китайские лидеры, однако, лицемерно обвинили некоторые афро-азиатские страны в попытках «навязать свою волю» Пекину. Еще свежи в памяти народов стран Азии и Африки факты грубого вмешательства Пекина в их внутренние дела в период «культурной революции».

После «культурной революции» китайское руководство старается придать более респектабельный вид своей внешней политике, чтобы укрепить пошатнувшийся международный авторитет КНР. Оно смягчило некоторые свои экстремистские призывы и стало вновь выступать за мирное сосуществование, безусловно твердя о миролюбии. Пекин объявил о своей принадлежности к «третьему миру», к «малым» и «средним» государствам. Он на всех перекрестках клянется в любви и преданности этим странам. Однако, как справедливо отмечают международные наблюдатели, эти изменения в поведении пекинского руководства носят лишь тактический характер, а существо его политики остается прежним — гегемонистским, великодержавным.

Китайское руководство продолжает хранить молчание относительно нормализации отношений с Индией, несмотря на неоднократные инициативы с ее стороны. Пекин продолжает вмешиваться во внутренние дела другой крупной азиатской страны — Индонезии. Об этом, в частности, заявил министр иностранных дел Индонезии Адам Малик, выступая 16 апреля 1972 г. перед ассоциацией иностранных журналистов в Сингапуре. Китайское руководство неизменно демонстрирует в последнее время великодержавный подход к национально-освободительному движению народа Бангладеш. «Мы еще не знаем ни одного примера, — как справедливо отмечала непальская газета «Дайник Непал» от 4 апреля 1972 г., — когда Китай действительно защитил бы суверенитет и независимость какой-либо страны».

Повсеместное беспокойство в мире вызывают продолжаемые Пекином ядерные испытания в атмосфере, что справедливо рассматривается мировой прогрессивной общественностью как пренебрежение к интересам народов различных стран. Уже после восстановления законных прав КНР в ООН пекинское руководство трижды провело испытания ядерных бомб в атмосфере: 18 ноября 1971 г., 7 января и 18 марта 1972 года. «Пекин не только опасно загрязняет атмосферу, — писала в этой связи 22 марта 1972 г. японская газета «Джапан таймс», — но и превращает в посмешище свои часто повторяемые заявления о мире и претензии на мышление малой страны».

Представители различных стран, в том числе представители «третьего мира», дают себе отчет в том, что великодержавная политика пекинского руководства остается неизменной и что его постоянные при-

звы к «малым» и «средним» странам — очередной трюк, рассчитанный на обман этих стран, на превращение их в послушное орудие маоистов на международной арене.

Таким образом, обращение руководства Китая к концепции «сверхдержав» свидетельствует о новых тактических изменениях в его политике. Сталкиваясь с серьезными внешнеполитическими провалами и не желая отказываться от антисоциалистического, раскольнического курса, оно неизбежно и все более откровенно переходит на позиции классовых врагов международного рабочего класса. Полностью порвав с марксизмом-ленинизмом, китайские руководители в угоду своим корыстным интересам берут на свое активное вооружение буржуазную концепцию «сверхдержав», пытаясь тем самым дезориентировать революционные силы нашей эпохи и подтолкнуть их на союз с реакционерами всех мастей для борьбы с социалистическими странами. Жизнь убедительно подтверждает справедливость оценки, высказанной тов. Л. И. Брежневым на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. о том, что «...китайское руководство только говорит о борьбе против империализма, на деле же оно прямо или косвенно ему помогает»¹³.

¹³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, М., 1969, стр. 71.

Экспансия японских монополий в Индонезии

Л. Ф. Пахомова,
кандидат экономических наук

В одном из номеров индонезийского журнала «Прогресс» в статье под заголовком «Что ты ищешь, Япония?» приводится характеристика, которую дал американский футуролог Герман Кан внешнеэкономической экспансии Японии. Он писал, что будущую нехватку собственных сырьевых и трудовых ресурсов Япония «возместит крупными инвестициями в районе, именуемом нами тихоокеанскими некоммунистическими странами, и получит там прибыль за счет дешевой рабочей силы. Япония будет располагать огромной областью с территорией, населенной 200—300 млн. человек, многие из которых окажутся так или иначе привязанными к сверхэкономике Японии»¹.

Одна из таких стран, богатая потенциальными источниками минерального сырья, природными и людскими ресурсами, Индонезия, давно привлекала внимание японского капитала и ныне становится объектом его активной эксплуатации. В своих планах экономического наступления на азиатские страны Япония отводит Индонезии особую роль, рассчитывая использовать ее в качестве «ключевой» позиции при создании различных форм регионального экономического сотрудничества под своей эгидой.

Японские деловые круги придают большое значение «мирному завоеванию» Индонезии, освоению ее природных ресурсов и рынка. Экономическая экспансия Японии в Индонезию началась с конца пятидесятых годов, когда, опираясь на репарационные платежи, японский капитал стал прилагать значительные усилия для проникновения в эту страну, добиваясь одновременно «забвения» тяжелых лет, которые пережил индонезийский народ в период оккупации страны милитаристской Японией.

В феврале 1970 года индонезийская газета «Компас» писала: «Страны Азии все еще не забыли горький опыт оккупации во время второй мировой войны, и поныне они не верят Японии на сто процентов. Помимо уроков прошлого, это обусловлено и тем, что японские предприниматели слишком заботятся о своей прибыли, а японское правительство, предоставляя помощь, постоянно стремится увязать ее с интересами своих предпринимателей»².

¹ «Progres», Djakarta, 1971, Nopember (на индонез. яз.).

² «Kompas», Djakarta, 11.VI.1970 (на индонез. яз.).

Широкая дискуссия о роли Японии в экономике Индонезии была проведена на страницах журнала «Прогресс», одна из рубрик которого начиналась с вопроса «Действительно ли Япония стремится помочь экономическому развитию Индонезии или хочет надолго закабалить ее новыми методами?». Здесь же говорилось о том, «забыто ли темное прошлое? Ведь повсюду сейчас стали вновь раздаваться жалобы по старому адресу: «Япония!» — и эти жалобы трудно отнести к прошлому, ибо они вызваны сегодняшней действительностью»³.

Приводя различные точки зрения индонезийской общественности относительно проникновения Японии в экономику Индонезии, «Прогресс» резюмировал, что «индонезийские экономисты находят Японию слишком своекорыстной, не считающейся с интересами других»⁴.

Длительное время — с декабря 1951 года по январь 1958 года — шли экономические переговоры между Японией и Индонезией. Монополистические круги Японии побуждали японское правительство форсировать переговоры и идти на уступки во имя получения немедленного доступа к индонезийскому сырью. Так, в 1957 году президент японской полугосударственной нефтяной компании «Ойл рिसорсиз девелопмент корпорэйшн» призвал правительство «ускорить заключение соглашения о репарациях с Индонезией» и, если потребуется, «согласиться на неблагоприятные условия», коль скоро Япония надеется конкурировать с другими странами в развитии нефтяной промышленности Индонезии⁵.

Цели и методы экспансии

Между Японией и Индонезией в конце концов были заключены мирный договор, соглашение о погашении торгового долга Индонезии, соглашение о выплате репараций и об экономическом сотрудничестве между обеими странами сроком на 20 лет.

Японский капитал сумел найти своеобразную форму использования репарационных платежей в своих интересах. Так, вскоре после заключения соглашений с Индонезией была создана ассоциация, которая уже на второй год своего существования разработала «торговую концепцию», согласно которой часть репарационных платежей должна была выделяться под обеспечение экспорта японской продукции. Практически это означало превращение репараций в торговый кредит, используемый японскими компаниями для увеличения экспорта своей продукции в Индонезию.

Впоследствии японскому капиталу не раз удавалось использовать создавшиеся в Индонезии трудности. Пример тому — расширение торговых связей во время появления в Индонезии своеобразного «торгового вакуума», который создался, в частности, из-за «противостояния Малайзии», когда Индонезия была вынуждена срочно искать новых контрагентов во внешней торговле. Японские фирмы сумели с немалой для себя выгодой «переориентировать» внешнюю торговлю Индонезии, что предопределило направление в Японию широкого потока индонезийского сырья — нефти, каучука, бокситов, леса и ряда других сырьевых товаров, необходимых для процесса воспроизводства в Японии или же для перепрода-

³ «Progres», Djakarta, 1971, Nopember (на индонез. яз.).

⁴ Там же, стр. 10.

⁵ «Japan Press», Tokyo, 8.IV.1959, p. 10 (на англ. яз.).

жи в другие страны. Так, если в 1964 году в Японию экспортировалось лишь 2% индонезийского каучука, то в 1965 году — уже 38%⁶.

После известных трагических событий в Индонезии осенью 1965 года в стране усилился экономический кризис и инфляция. В этих условиях новая администрация Индонезии, постепенно забиравшая реальную власть в стране в свои руки, весьма нуждалась в притоке заемных средств. Империалистическим странам было ясно, что наступило время кардинальных перемен в Индонезии, и они стремились получить большие возможности для оказания воздействия на индонезийскую администрацию, с тем чтобы последняя осуществляла внутриэкономическую политику в интересах иностранного капитала.

Возникла идея создания так называемого «клуба стран-кредиторов» для оказания экономической и финансовой «помощи» Индонезии. Эта идея поддерживалась как экспертами Международного валютного фонда, так и организацией крупных японских предпринимателей. Используя свои значительные позиции на индонезийском рынке, японские компании оказали на Индонезию косвенное давление, с тем чтобы она безотлагательно согласилась на создание указанного клуба. Пользуясь тем, что на счета в японские банки не поступила часть средств за купленные Индонезией товары, японское правительство отдало распоряжение о временном прекращении отгрузки товаров в Индонезию, что создало дополнительную напряженность на индонезийском рынке с медикаментами, цементом, текстилем, бумагой и т. п. Одновременно были приостановлены также все поставки оборудования для предприятий, сооружаемых при участии японского капитала.

Японские деловые и политические круги, весьма близко стоявшие к правительству и считавшие необходимым проводить «политику недопущения коммунизма» в страны Юго-Восточной Азии, весьма пристально следили за политическими переменами в Индонезии после событий осени 1965 г. Еще в период «двоевластия», то есть до формальной передачи всей полноты реальной власти президентом Сукарно генералу Сухарто (март 1966 г.), они приступили к выработке конкретных планов установления финансового и экономического контроля над страной.

Как только представители нового режима Джакарты дали согласие на учреждение «клуба стран — кредиторов» Индонезии, правительство Японии сняло запреты с поставок в эту страну и решило предоставить «экстренную помощь» Индонезии в виде товарных поставок на 2,5 млн. долларов. Эти решения были приняты почти одновременно с подписанием в феврале 1966 года ряда контрактов с японскими компаниями, предусматривавших их участие в хозяйственной деятельности на Западном Ириане. В июле 1966 года в Токио состоялось первое «рабочее совещание» представителей капиталистических стран — кредиторов Индонезии, образовавших впоследствии так называемый «Токийский клуб», или, как его называют по месту второго совещания, «Парижский клуб».

В рамках деятельности «Межправительственной группы стран кредиторов Индонезии» Японии принадлежит особая роль. Япония настаивала на установлении более жестких условий кредитов для Индонезии и весьма неохотно брала на себя обязательства, равные с обязательствами США. Индонезийская газета «Джакарта таймс» отмечала в апреле 1967 года, что Япония в неблагоприятном свете рассматривает предложение о предоставлении Индонезии новых кредитов, стремясь при этом навязать процентную ставку в 5,75% годовых.

⁶ См.: «*Harian Ekonomi Nasional*», Djakarta, 4.III.1965 (на индонез. яз.).

Что кроется за японскими кредитами

В конечном счете Япония согласилась в 1967 году предоставить Индонезии кредит на 60 млн. долл. из расчета 4% и даже менее годовых. При этом, однако, министерство финансов Японии заявило, что снижение уровня процентной ставки кредита Индонезии якобы «угрожает экономике и финансам Японии, ибо может послужить прецедентом, который повлияет на всю программу помощи другим странам»⁷.

Что же побудило Японию пойти на уступку? Ответ дал японский журнал «Ориентал экономист», который писал, что «Япония пошла на либеральные условия предоставления помощи Индонезии в соответствии со своей политической и экономической линией в регионе Юго-Восточной Азии, исходящей из концепции, согласно которой экономическое развитие является самым эффективным средством в защите стран этого района от проникновения коммунизма»⁸.

Начиная с 1968 года Япония твердо берет на себя треть финансовых обязательств в рамках «Токийского клуба», а также снижает уровень процентной ставки до 3—3,5% в год. Изменение позиции Японии в рамках международного консорциума происходило под двойным нажимом: с одной стороны, этого требовали США, а с другой — японские деловые круги. В частности, увеличение кредитов Индонезии потребовала Федерация экономических организаций Японии (Кейданрен) после рассмотрения результатов обследования потенциальных ресурсов Индонезии — нефти, леса, бокситов, никелевой руды и других природных ресурсов, необходимых для японской экономики⁹.

Увеличение финансовой помощи Индонезии происходило на фоне общего роста японской экономической «помощи» развивающимся странам в 1968 г. Согласно данным, приводимым в «Белой книге», опубликованной министерством внешней торговли и промышленности Японии в 1969 году, японская экономическая «помощь» всем развивающимся странам в 1968 году составила 1049,3 млн. долл., причем на долю стран ЮВА приходилось 64,8% этой суммы, а на долю Индонезии — 10%.

Япония продолжала оказывать значительную помощь Индонезии и в дальнейшем. Так, в рамках «Межправительственной группы стран — кредиторов Индонезии» за период 1966—1971 гг. Япония предоставила ей 580 млн. долларов¹⁰.

На 1972/73 финансовый год Япония проявила готовность предоставить Индонезии 150 млн. долларов¹¹.

Индонезийская газета «Компас» в статье, посвященной индонезийско-японским отношениям, писала в марте 1972 г.: «Общая политика японского правительства при осуществлении двусторонних экономических и торговых отношений основывается на максимальной выгоде для Японии как с точки зрения экономики, так и политики»¹². По мнению индонезийской газеты «Мердека», несмотря на то, что экономические отношения между Индонезией и Японией расширяются, «эти отношения национальным интересам Индонезии не соответствуют»¹³. В частности, отмечала газета, «характер экономических отношений таков, что мы вы-

⁷ «Ahgkatan Bersendjata», 10.IV.1967 (на индонез. яз.).

⁸ «The Oriental Economist», Tokyo, 1968, vol. 36, № 693, p. 2 (на англ. яз.).

⁹ См.: «Lembaran Berita», Djakarta, 19.IV.1968 (на индонез. яз.).

¹⁰ См.: «Progres», 1971, Nopember, hal. 13 (на индонез. яз.).

¹¹ См.: «Berita Buana», Djakarta, 1.V.1972 (на индонез. яз.).

¹² См.: «Kompas», Djakarta, 17.III.1972 (на индонез. яз.).

¹³ См.: «Merdeka», Djakarta, 24.II.1972 (на индонез. яз.).

нуждены использовать кредиты Японии для покупки потребительских товаров, так как условия для инвестирования этих средств в промышленность слишком тяжелы. Создаются благоприятные условия японским инвесторам, которые занимают выгодные позиции в ряде отраслей промышленности Индонезии, а значит, в будущем они могут овладеть и доминировать на рынке промышленной продукции в нашей стране¹⁴.

Особую роль в обеспечении долгосрочных интересов японского финансового капитала в странах Юго-Восточной Азии призван сыграть Азиатский банк развития, созданный в 1966 году под эгидой японских монополий. Он должен финансировать и пропагандировать ряд общих программ «экономического развития», которые призваны создать репутацию Японии как доброжелательного и щедрого соседа, заботящегося о «соцветании» азиатских стран. Предполагалось, что деятельность данного регионального банка в определенном смысле будет аналогичной деятельности другого регионального банка — Межамериканского банка развития, созданного под эгидой финансового капитала Соединенных Штатов Америки для латиноамериканских стран.

К началу 70-х годов Индонезия занимала одно из видных мест в руководстве данного банка, куда впервые вступила как 31-й член в конце 1966 года. Тогда же по предложению Японии в совет директоров банка, состоящего из представителей Японии, США, ФРГ, Австралии, Канады, Индии, Филиппин, Малайзии, Кореи, был введен и представитель Индонезии. Ей была выделена квота 25 млн. долл., выплата которой должна была производиться на весьма льготных условиях.

Расширение экспансии как японского, так и американского капитала в районе Юго-Восточной Азии вызывает к жизни новые проекты создания совместных финансовых и банковских организаций. Пример тому — договоренность об учреждении в 1972 году японским банком «Фудзи» (Токио) и одним из крупнейших американских банков, «Фёрст нэшнл сити бэнк» (Нью-Йорк), международного инвестиционного банка «Эйша пасифик кэпитал корпорэйшн», из основного капитала которого на долю японского банка будет приходиться 30%. Деятельность этого банка будет распространяться и на Индонезию.

Один из видных представителей мусульманских и деловых кругов Индонезии Юсуф Вибисо писал по поводу подобных тенденций: «Как США, так и Япония оказывают очень большое влияние на экономику Индонезии, с той разницей, что влияние Японии в области внешней торговли значительно больше... Не следует забывать, что необходимо должным образом обуздывать поток импортных товаров из Японии, в противном случае он может разрушить индонезийскую промышленность»¹⁵.

Японские кредиты, значительная часть которых предоставляется в так называемой связанной форме, дают возможность японским торговым фирмам сбывать в Индонезию товары по своему усмотрению. В докладе японского Института по вопросам экономики стран Азии, представленном японскому правительству, констатировалось, что «в большинстве случаев японская помощь Индонезии малоэффективна, так как товарные поставки не сопровождаются технической помощью». В этом же докладе признавался известный индонезийцам факт «поставок в Индонезию второсортных, залежавшихся на складах товаров». Это касается не только потребительских товаров, но также и промышленного оборудования, которое японские фирмы поставляют в Индонезию. Из столь развитой и передовой в промышленном отношении страны, какой является Япония,

¹⁴ См.: «Merdeka», Djakarta, 24.II.1972 (на индонез. яз.).

¹⁵ «Progres», 1971, Nopember, hal. 10—11 (на индонез. яз.).

в Индонезию нередко идет устаревшее оборудование, отвечающее требованиям минувших десятилетий.

В то же время обеспечение промышленности Японии стабильными и дешевыми источниками сырья из Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии стало центральной проблемой, от которой во многом зависит будущее развитие японской промышленности.

Эксплуатация естественных ресурсов Индонезии

На протяжении первой половины 60-х годов японские монополии сумели заключить с Индонезией ряд контрактов на эксплуатацию естественных ресурсов и на строительство или модернизацию индонезийских промышленных предприятий. Но приступить к выполнению взятых на себя обязательств компании не торопились, и лишь в отдельных случаях, действительно обещавших немедленные финансовые выгоды, эти соглашения быстро реализовались.

Причины столь медленного начала хозяйственной деятельности японского капитала в Индонезии были многоплановые. Частично это объяснялось финансовыми трудностями, которые испытывали отдельные японские компании в первой половине шестидесятых годов, а также резко ухудшившимся состоянием экономики в Индонезии и ожиданием кардинальных политических перемен в стране, которые обеспечили бы в дальнейшем более льготные условия для деятельности иностранного капитала. Предвидя обострение конкуренции между империалистическими странами в эксплуатации сырьевых ресурсов Индонезии и на ее рынке, японские монополии смогли заранее обеспечить себе весьма значительные позиции в нефтяной, горнорудной, лесоразрабатывающей промышленности, а также в ряде отраслей легкой промышленности страны еще до начала осуществления новой администрацией Индонезии политики «открытой экономики» для иностранных инвестиций.

Стремясь использовать новые возможности, открывшиеся с проведением такой политики, японские деловые круги настаивали на пересмотре ранее заключенных соглашений, считая их невыгодными для своей деятельности. Этим объясняются переговоры в 1967 году, которые вела с индонезийской стороной японская компания «Норс Суматра сйл девелопмент» о пересмотре соглашения, заключенного в 1960 году на основе принципа «долевого участия» в разработке нефтяных месторождений на Северной Суматре. Согласно прежнему соглашению, пять японских компаний, учреждавших совместно с индонезийской нефтяной компанией «Пертамина» предприятие по добыче и переработке нефти, получали свою долю за произведенные капиталовложения нефтью, причем по ценам на 10% ниже мировых. Японская сторона утверждала, что предусмотренный объем поставок нефти невозможен, ибо месторождения нефти оказались не столь богатыми, и требовала как увеличения доли в продукции, так и продления срока действия договора о разделе добываемой нефти.

Индонезийская нефть представляет для ряда капиталистических стран особый интерес. К началу 70-х годов 34 иностранные нефтяные компании имели соглашения с индонезийской государственной нефтяной компанией «Пермина» о проведении разведки на нефть, ряд из них осуществлял добычу нефти в Индонезии. В числе их были и японские компании, которые хотя и получили доступ к индонезийской нефти только

в 60-х годах, но уже к концу десятилетия вывозили в Японию до 10% добываемой в стране нефти.

В Японии постоянно растет спрос на нефть и нефтепродукты, в которых нуждается нефтеперерабатывающая, нефтехимическая и энергетическая промышленность. В последние годы добыча нефти непосредственно в Японии составляла около 800 тыс. т при потреблении 120—130 млн. т в год. Удельный вес нефти и нефтепродуктов в общем потреблении энергетических ресурсов возрос с 32,7% в 1959—1960 годах до 68,3% в 1969—1970 годах, причем удельный вес импортного энергетического сырья возрос за тот же период с 37,6% до 90,4%. Спрос на индонезийскую нефть особенно велик также благодаря ее особым свойствам (низкое содержание серы), что делает ее широко применимой для нужд энергетической промышленности.

Помимо упомянутой выше японской нефтяной компании, на пересмотренных условиях «долевого участия в продукции» японская фирма «Сумитомо» заключила в 1967 году договор, предусматривающий японские капиталовложения (20 млн. долл.) в добычу и переработку нефти на Центральной Суматре¹⁶. В 1968 году 18 частных японских нефтяных компаний образовали новую компанию «Индонесиан ойл рिसорсиз девелопмент» для проведения поисковых работ на нефть в прибрежных водах Калимантана. Еще одна компания — «Норс Суматра офшор петролеум эксплорэйшн» — ведет поиски нефти в Молуккском заливе. В конце 1970 г. три японские компании, «Мицуи», «Марубени Инда» и «Фар истери ойл», подписали с индонезийской компанией «Пермина» контракт на разведку нефти в районе Джатибарана (Западная Ява). Имеющиеся контракты и соглашения позволят японским компаниям значительно увеличить добычу и вывоз нефти из Индонезии к середине 70-х годов.

Огромные лесные богатства Индонезии давно были объектом внимания японского капитала. В 1959 году велись переговоры с японскими компаниями об их участии в разработке лесных массивов Индонезии, причем предусматривалось, что вложенный капитал будет оплачиваться поставками леса по ценам ниже мировых. Первое соглашение об эксплуатации леса в Индонезии было подписано в 1964 году, а в следующем году японская компания «Джапаннз фористри девелопмент» отправила в Японию первые партии леса. В 1965 году были подписаны соглашения на основах принципа «долевого участия в продукции» об эксплуатации леса в Сампите (Центральный Калимантан) и в Котабару (Южный Калимантан). В 1968 году «Мицубиси» получила право на эксплуатацию 100 тыс. га леса на Восточном Калимантане. В 1969 году еще три компании приступили к эксплуатации леса: «Пулп и Ко» — на Южном Сулавеси, «Мицуи» — на островах Риау, «Ниппон коей» — в Аче (Северная Суматра).

Наряду с японским капиталом в «лесном буме» в Индонезии принимал участие и капитал других капиталистических стран. Так, к концу 1970 года иностранному капиталу было отдано в концессии более 21,7 млн. га леса. Японские инвестиции в разработку леса составляли в 1970 году 54,6 млн. долларов, а лесные концессии исчислялись в 2,5 млн. га¹⁷.

Помимо непосредственных лесоразработок, которые велись японским капиталом, многочисленные японские торговые представительства закупали большие партии леса в Индонезии. Так, в 1968 году в Японию было вывезено 14, а в 1971 году — 20,2 млн. куб. м леса¹⁸.

¹⁶ См.: «Lembaran Berita», 25.III.1968 (на индонез. яз.).

¹⁷ «Berita Buana», 26.XI.1971 (на индонез. яз.).

¹⁸ «Business news», Djakarta, 18.IV.1972 (на англ. яз.).

В первой половине 1970 года цены на лес стали падать, что сопровождалось многочисленными рекламациями на партии индонезийской древесины. Японские предприниматели стали оказывать нажим на Индонезию, с тем чтобы цены на лес были снижены. Кризис японского рынка леса продолжался и в последующий год, что вызвало усиление махинаций японских фирм. В связи с неблагоприятной торговой деятельностью японских торговых представительств летом 1971 года местные власти провинции Восточного Калимантана обратились с просьбой к правительству сократить число иностранных торговых представительств по закупке леса. Огромные массивы индонезийского леса подчас безнадзорно и хищнически эксплуатируются японскими компаниями.

Особый интерес японский капитал проявляет к практически не выявленным, но потенциально очень большим ресурсам рудных ископаемых Западного Ириана. Один из крупнейших контрактов на 150 млн. долл. подписан с синдикатом «Фрипорт сульфур», в котором большой удельный вес составляет японский капитал. Данный синдикат получил право на добычу медной руды и ее переработку сроком на 30 лет¹⁹. Ежегодно из 600 тыс. т руды две трети будет вывозиться в Японию, а оставшаяся часть должна продаваться ей же при условии предоставления кредитов под индонезийскую долю.

Индонезия — островная страна, и богатства ее территориальных вод, составляющих 14 млн. кв. км, огромны. По оценочным данным, здесь ежегодно можно отлавливать до 4,5 млн. т рыбы, но индонезийский рыболовецкий флот малочислен, технически оснащен крайне слабо, а поэтому страна получает едва четвертую часть возможного улова. С японской стороны заключено много контрактов на отлов рыбы (тунца, креветок и др.) в индонезийских водах. Так, компании «Тоё Менка» и «Тохо Буссан» ведут лов морской рыбы в проливе у Калимантана и в районе острова Банка²⁰. В 1968 году было заключено соглашение, позволяющее 250 японским рыболовецким судам произвести отлов рыбы по 15 тыс. т при условии, что каждое судно совершит по 3 рейса и уплатит индонезийским властям налоги по 300 долларов²¹. Владельцы рыболовецких судов совершили многократные рейсы, что позволило им вести хищнический отлов рыбы без уплаты компенсации индонезийской стороне. Об этом и подобных случаях не раз писала индонезийская пресса, призывавшая правительство принять должные меры.

Консорциумы, «смешанные» предприятия, подготовка кадров

В последние годы для японских предпринимателей стала типичной практика создания консорциумов, в которых принимает участие ряд торговых и промышленных компаний, с тем чтобы широким фронтом осуществлять экономическую экспансию в Индонезии. Характерной чертой их деятельности является своеобразный раздел не только сфер приложения капитала, но и территориальный раздел своего влияния в тех или иных провинциях в стране. Получаемые концессии концентрируются в определенном районе, что позволяет устанавливать более тесные контакты с местной администрацией и глубже проникать в индонезийскую экономику. Для того чтобы беспрепятственно хозяйничать на местах

¹⁹ См.: «Berita Ekonomi Keuangan», 21.V.1969 (на индонез. яз.).

²⁰ См.: «Berita Ekonomi Keuangan», 26.III.1969 (на индонез. яз.).

²¹ См.: «Lembaran Berita», 25.VII.1968 (на индонез. яз.).

и «снимать» возможную негативную реакцию общественности в связи с хищническими методами эксплуатации естественных ресурсов Индонезии, время от времени производятся безвозмездные инъекции средств. Цель подобной «благотворительности» — обеспечить популярность Японии в странах Юго-Восточной Азии, а также представить Японию как богатую и передовую в техническом отношении страну, оказывавшую всемерное содействие соседним азиатским странам в деле «сопроцветания».

В 70-х годах в Японии появились новые тенденции относительно торговой и промышленной экспансии в Индонезии. Например, высказываются мнения о целесообразности строительства там (как и в других странах Юго-Восточной Азии) трудоемких предприятий, поскольку рабочая сила здесь крайне дешева и это дает возможность снижения себестоимости продукции. В результате прибыли японских монополий растут, их позиции на рынках этих стран крепнут и они получают дополнительные возможности для сбыта своей продукции.

Японская корпорация промышленного развития за рубежом финансирует «объекты развития», которые строят частные японские компании в странах Азии. Этим компаниям предоставляется кредит на льготных условиях и с низкой (двухпроцентной) годовой ставкой.

Объектом повышенного интереса японского капитала являются самые значительные в регионе Юго-Восточной Азии трудовые ресурсы Индонезии. В 1959 году в Японии была создана специальная Ассоциация подготовки заморских технических кадров, призванная содействовать обучению технических кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Она находится в ведении японского министерства торговли и промышленности. За 10 лет (1959—1969 гг.) с помощью данной Ассоциации было подготовлено 4847 человек, из них 320 индонезийцев²².

Но эта подготовка оставляла желать лучшего. В статье «Действительно ли Япония готовит индонезийцев как самых дешевых рабочих?» неоднократно приводились случаи, когда индонезийцы, проходящие техническую подготовку на японских частных предприятиях, по существу, не получали таковой. Индонезийская девушка, посланная для обучения на кожевенное предприятие, годами пришивала пуговицы. В начале 1971 года группа индонезийцев досрочно вернулась в Индонезию из-за плохого обращения с ними в Японии. «Не редки случаи, — отмечалось в статье, — когда японская сторона не выполняет намеченной программы обучения»²³.

Хорошо понимая открывающиеся возможности весьма перспективного индонезийского рынка, японские промышленники осуществляют прямое инвестирование или же выступают совместно с индонезийскими партнерами в ряде отраслей: текстильной, автосборочной, фармацевтической, химической и ряде других. Например, значительный интерес к инвестированию в автосборочную промышленность Индонезии проявляют такие компании, как «Ниссан», «Исудзу», «Тоёта мотор», «Мицубиси», и другие.

Для осуществления сотрудничества (на далеко не равных условиях) с местным капиталом был создан японо-индонезийский комитет по делам развития средней и мелкой промышленности. Этот комитет призван содействовать созданию смешанных предприятий, контрольный пакет акций которых, согласно индонезийскому законодательству, будет при-

²² «Kompas», 11.IV.1972 (на индонез. яз.).

²³ Там же.

надлежать японским инвесторам²⁴. На этих смешанных предприятиях предполагается использовать в основном индонезийских рабочих. Поэтому в различных промышленных городах Японии — Токио, Нагое, Кобэ — созданы шестимесячные курсы для подготовки индонезийцев²⁵.

К 1971 году около 100 японских предпринимателей заключили соглашения с индонезийской стороной об учреждении смешанных предприятий. Уже на первых порах деятельности со стороны индонезийских партнеров стали раздаваться голоса недовольства. Так, после пуска в эксплуатацию смешанного предприятия один из индонезийских предпринимателей говорил: «Мы слишком доверяли и тщательно не вели предварительные расчеты, многое было оговорено слишком поспешно. Сейчас же оказалось, что все находится в ведении японской стороны, а индонезийцам остается только наблюдать... Грубо говоря, мы только выполняем приказы»²⁶.

Проникновение японского капитала в экономику Индонезии чрезвычайно глубоко, а его эксплуатация природных богатств Индонезии продолжает возрастать, что сопровождается изменением методов, обеспечивающих дальнейшую экспансию японских монополий в стране.

Об этом свидетельствует, в частности, договоренность, достигнутая во время визита в Японию президента Сухарто в мае 1972 года о предоставлении Индонезии уже вне рамок «Межправительственной группы стран-кредиторов Индонезии» кредитов на общую сумму в 300 млн. долл. Из данной суммы 200 млн. долл. предоставляется на межправительственной основе, а 100 млн. долл. — как кредит индонезийской нефтяной компании «Пертамина». Новые кредиты призваны обеспечить увеличение притока в Японию индонезийского сырья и, прежде всего, нефти. Так, одним из условий предоставления индонезийскому правительству кредита является обязательство о поставке в Японию 360 млн. бар. нефти в десятилетний срок²⁷.

Японские монополии постепенно, но неуклонно все в большей степени приспособливают Индонезию к нуждам расширенного воспроизводства в своей стране; масштабы данного процесса становятся ощутимы уже в настоящее время.

²⁴ См.: «Indonesian Perspectives», Singapore, 1969, October, p. 8.

²⁵ См.: «Progres», 1971, Nopember, hal. 12 (на индонез. яз.).

²⁶ Там же.

²⁷ Berita Buana, 19.V.1972.

Японский национализм. Его истоки и идейно-философское содержание

*Б. В. Поспелов,
кандидат филологических наук*

В современной Японии получает все большее распространение идеология национализма. В японской прогрессивной научной литературе выделяются два основных вида националистической идеологии: традиционный национализм, восходящий к довоенному японскому национализму, и так называемый «современный национализм», сформировавшийся в условиях послевоенной Японии. При всем различии этих разновидностей националистической идеологии они имеют много общего. Тесно переплетаясь между собой, эти течения становятся неотъемлемой частью буржуазной идеологии, распространяемой в стране господствующими классами.

Представляется небезынтесным коснуться политических целей и идейно-философского содержания традиционного японского национализма.

* * *

Накануне и после буржуазной революции Мэйдзи (1868 г.) националистические устремления отдельных японских идеологов и социальных групп были тесно связаны с осознанием действительной необходимости защиты японского государства от империалистических поползновений западных держав. Однако под предлогом защиты от иностранного вторжения Япония быстро встала на путь экспансии. Наиболее яркими проявлениями этого курса явились японо-китайская война 1894—1895 годов, а затем японо-русская война 1904—1905 годов и захват Кореи. Японская националистическая идеология быстро превратилась в сугубо реакционный и опасный фактор, причем главным объектом японской националистической экспансии всегда был Китай¹.

¹ Националистические призывы к экспансии против Китая открыто стали раздаваться в Японии уже в период Бакумацу, как именуются последние десятилетия феодального правления сегуната. Известна деятельность Сэин Эсида, призывавшего «на севере отрезать земли Маньчжурии, на юге прибрать к рукам Тайвань и Лусон» («Адзасюги, Гэндай Нихон сисо тайкэй», № 9, Токио, «Тикума Сэбо», 1968). Аналогичные планы вынашивал Санан Хасимото, писавший о «необходимости захвата Маньчжурии и Кореи и расширения территории Японии за море» (там же). Как идеологи экспансионистской политики известны Нобухиро Сато, Куиноми Хирано и другие деятели периода Бакумацу.

Естественно, что открытое провозглашение экспансионистских принципов могло помешать японскому империализму осуществить захватническую политику в отношении Китая, Кореи и других стран, поэтому национализм в Японии нередко маскировался лозунгами великоазиатизма, паназиятизма.

На первом этапе японский паназиятизм заключал в себе антиколониалистские элементы: он опирался на стремление определенной части общественных кругов стран Азии объединиться для совместной борьбы против угрозы со стороны США и западных держав. Однако с развитием японского капитализма и перерастанием его в стадию империализма классовое содержание идей паназиятизма в Японии изменилось. Пропаганда паназиятизма стала служить лишь для прикрытия собственных захватнических целей японских правящих кругов, объединенных в буржуазно-помещичьем блоке, их борьбе с западными державами за раздел Китая. Подлинные планы японских националистов камуфлировались при этом лозунгом «общей» борьбы народов желтой расы против «угрозы со стороны белых». Была выработана специфическая формула соединения паназиятской и националистической демагогии: пропагандировалось, что народы Восточной Азии должны объединиться для защиты своей государственности, но роль их защитника должна взять на себя Япония, ставшая в силу особых черт, якобы внутренне присущих японской нации, наиболее развитым государством Востока. Иными словами, вместо принципа объединения стран на основе подлинного равенства выдвигался принцип признания господствующего положения Японии.

Еще в конце XIX века в Японии возникли различного рода националистические организации, проповедовавшие паназиятизм. Таковым стало, например, общество «Гэнъёся» (общество «Голубого океана»). Уже в 1887 году оно провозгласило: для Японии как «государства, стремительно поднимающегося на Востоке и горящего желанием стать во главе будущего союза стран Востока, наступило самое подходящее время осуществить провозглашение милитаризма»².

Паназиятские лозунги «Гэнъёся» были подхвачены созданным в 1900 году обществом «Кокурюкай» (общество «Черного дракона»), в программе которого также декларировался паназиятизм, переплетавшийся с идеологией национализма. Главными «теоретиками» национализма и паназиятизма в конце XIX — начале XX века выступили Тотэн Миядзакэ, Тёгю Такаяма, Рёхэй Утида, Тэнсин Окакура, Мицуру Тояма и другие.

В 1898 году известный философ-ницшеанец Такаяма выступил в журнале «Тайё» со статьей под названием «Проблема Дальнего Востока, рассматриваемая с точки зрения соперничества рас». В ней он призывал к борьбе с Западом, причем этот призыв обосновывался необходимостью сохранения целостности Китая и Кореи³. Мотив сохранения целостности Китая часто использовался японскими националистами для провозглашения паназиятских лозунгов. За этим требованием сохранения целостности Китая скрывалось стремление Японии одной грабить эту страну. Об этом открыто писала, в частности, японская газета «Дзигё-но Нихон» («Деловая Япония»). В номере от 1 октября 1900 года этот рупор японских промышленников заявил: «Наше деловое общество (имеется в виду капиталистическая Япония.— Б. П.) с точки зрения интересов торговли не может не настаивать на целостности Китая. Само собой разумеется, Китай с его обширными территориями и громадным населением уже сейчас является весьма желательным клиентом, а в будущем станет колоссаль-

² «Адзиасюги, Гэндай Нихон сисо тайкэй», № 9, Токио, 1968, стр. 9.

³ «Тайё», т. 4, № 2, январь 1898, стр. 30—39.

ным и весьма перспективным рынком. Нельзя позволить, чтобы этот рынок топтали другие государства. Тем более что Китай богат сырьевыми ресурсами, а готовые изделия в нем не производятся, и мы имеем счастливую возможность использовать это»⁴.

Руководящую роль в борьбе желтой расы против белой Такаяма возлагал на Японию. Мотив «поддержки целостности Китая и защиты Кореи» как условия «сохранения интересов и прав» Японии звучал и в декларациях многих националистических организаций⁵.

Для пропаганды идей паназиатизма на континенте в 1890 году в Шанхае был создан Научно-исследовательский институт японо-китайской торговли, предшественник возникшей позднее Объединенной библиотеки Восточной Азии. Эта библиотека была центром по пропаганде идей паназиатизма и японизма в Китае.

В связи с расширением национально-освободительного движения в Китае деятельность японских националистов особенно усилилась. Известно, что накануне и после Синьхайской революции 1911 года в Японии проживало много китайских эмигрантов, участников китайского демократического движения; по своему классовому составу китайская эмиграция в Японии была исключительно пестрой. Это нашло отражение и в созданном в 1905 году в Японии Объединенном союзе китайской революции. Общепризнанным лидером союза, его председателем был Сунь Ят-сен, уже тогда стоявший на прогрессивных позициях. Сунь Ят-сену внутри союза противостояло сильное националистическое течение, возглавлявшееся Сунь Цзяо-жэнем⁶.

Вследствие такого разнородного состава союза и различия интересов его членов был достаточно широк и круг японских организаций и лиц, поддерживавших связи с китайской эмиграцией в Японии. Наиболее активными в этом отношении были японские националистические группы и их лидеры: Тотэн Миядзакэ, Мицуру Тояма, Рёхэй Утида, Нагатоно Каяно, Коситиро Киёфудзи, Кёкити Икэ и другие. Они сыграли определенную роль в организации Объединенного союза, внешне разделяли «три народных принципа» и поддерживали Сунь Ят-сена как председателя союза. Но при всем этом многие японские сторонники китайской буржуазной революции, оказывая помощь китайскому демократическому движению, как признает современный японский историк Хасэгава, «камуфлировали свой великоазнатизм»⁷, надеясь использовать события в Китае в интересах японского империализма.

Открыто это проявилось, например, в поддержке некоторыми японскими деятелями Сунь Цзяо-жэня и возглавлявшегося им националистического течения. Во время пребывания Сунь Цзяо-жэня в Японии с ним установил тесные связи Икки Кита, один из воиствующих японских националистов, пользовавшийся постоянной помощью руководителя «Кокүрюкай» Рёхэй Утида. Будучи не раз в Китае, Кита оказал помощь националистическому течению Сунь Цзяо-жэня, утверждая, что «идеи Сунь Ят-сена с самого начала были ошибочными; то, что требуется Китаю, совершенно отлично от того, что предлагает Сунь Ят-сен»⁸. По мнению Кита, китайская революция должна была черпать свой идеал в японском движении за реставрацию императорской власти, закончив-

⁴ Сёдзо Фудзиси, Сунь Вэнь-но кэнкю (Изучение Сунь Вэня), Токио, «Кэйсё сёбо», 1966, стр. 213.

⁵ Там же.

⁶ Ёсинори Хасэгава, Кита Икки, Токио, «Кинюкунья сётэн», 1969, стр. 48.

⁷ Е. Хасэгава, цит. соч., стр. 63.

⁸ Там же, стр. 64.

шемся переворотом Мэйдзи. Так паназиазм Китая свелся к проповеди «государственного национализма» и этатизма японского толка.

Первая мировая война и последовавшее за ней резкое обострение борьбы империалистических держав за господство в Китае привели к новому взлету японского национализма и паназиазма.

В этот период особенно большой размах приобрела антикапиталистическая, антиимпериалистическая демагогия японских националистов, которые пытались противопоставить «исконно восточные» морально-этические и государственно-политические системы западным идеологическим и политическим институтам, обозначавшимся одним понятием — «западная цивилизация». С развитием капиталистических отношений и углублением классовых противоречий в стране одним из элементов японского национализма и паназиазма стала идея о непринятии капиталистических преобразований, пришедших на смену феодализму в странах Востока. Антикапиталистические устремления японской мелкой буржуазии (крестьянства, ремесленников и т. д.), разорявшейся в результате развития капиталистических отношений, были использованы идеологами национализма для раздувания идей расистского паназиазма. Посвоему были недовольны проникновением западного капитализма на Восток и представители монополистических кругов Японии. Наблюдая за успехами западных империалистических держав в колонизации Китая и других стран Азии, они злобствовали и, сознавая, что опаздывают к дележу добычи, старались всеми силами противодействовать конкурентам. Это также отразилось в пропаганде национализма и паназиазма.

Националистическая, расистская идеология, соединенная с демагогической критикой западного империализма, соответствовала и внутриполитическим целям японских господствующих кругов. Используя ее, эти круги стремились отвести от себя критику за ухудшение положения японских трудящихся и переложить ответственность на западный капитализм, который-де, проникнув в страны Востока, и прежде всего в Японию, разрушил старые «справедливые», «гуманные» общественные отношения восточного типа. Соединение подобных тенденций внутри японского национализма в политическом отношении породило причудливые сплетения, когда в рамках одного движения объединялись достаточно разнородные классовые силы.

В тридцатых и первой половине сороковых годов, то есть в период японо-китайской и второй мировой войн, идеи национализма, шовинизма полностью возобладали среди официальных идейно-философских кругов империалистической Японии. Одновременно была усилена пропаганда паназиазма. Это нашло свое отражение в идее пресловутой «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии» («Дайтоа кёэйкэн»). Политика японских правящих кругов накануне и в годы второй мировой войны до конца разоблачила лживость паназиазматской демагогии, до конца обнажила агрессивную сущность японского национализма.

Политическая направленность японского национализма

Агрессия японского империализма против Китая и националистическая идеология были направлены против национально-освободительного движения народов Азии и его идей. Это объяснялось самим характером второй мировой войны, освободительной по своему содержанию, в ходе которой китайский, а позднее и другие народы Азии отстаивали свою

национальную независимость. Вот почему глашатаи национализма в Японии рассматривали японскую идеологическую экспансию против стран Азии как «проявление войны мировоззрений», как «битву идей», «борьбу за обладание умами народов Востока».

Известно, что в годы войны против японских захватчиков в Китае сложился антияпонский национальный фронт, благодаря деятельности коммунистов-интернационалистов в стране распространялись марксистско-ленинские идеи. В борьбе против японской агрессии китайский народ постоянно пользовался помощью советских людей, оказывавших ему моральную и материальную поддержку. В кругах китайской демократической общественности росли влияние и авторитет Советского Союза. С другой стороны, японский империализм в этот период вступил в агрессивный союз с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Между ними был заключен антикоминтерновский пакт, направленный против Советского Союза. Все эти особенности политической обстановки на Дальнем Востоке обусловили ярко выраженную антидемократическую, антикоммунистическую направленность японского национализма.

В самой Японии насаждавшаяся империалистическими кругами националистическая идеология использовалась в интересах подавления демократического движения японских трудящихся; она рассматривалась как противоядие против интернационалистских идей, идей марксизма-ленинизма, все шире распространявшихся в этой стране.

Подобное идейно-политическое содержание японского национализма и японской агрессии против Китая не раз раскрывалось самими идеологами японского империализма. Известный лидер ультранационалистической группы «императорского пути» (кодоча) генерал Садао Араки провозглашал, что целью Японии в отношении Китая является борьба против «материалистических идей», якобы «математизирующих человека и общество», создающих «искусственного человека»⁹. Под «материалистическими» в данном случае японский генерал имел в виду идеи демократии, национального и социального освобождения, все шире распространявшиеся в Китае.

Аналогичные политические цели японского национализма акцентировал и профессор университета «Такусёку» Камэтаро Мицукава. В связи с японской агрессией на материке и героическим сопротивлением китайского народа этот теоретик был вынужден констатировать, что «Япония переживает невиданное по своей силе политическое, национальное и идеологическое беспокойство»¹⁰. Чтобы преодолеть это беспокойство, он предлагал быстрее найти идейно-политическую базу для построения «Великой Японии», стоящей в «центре мира». Мицукава провозглашал: «Наша страна должна создать свою подлинную экономическую философию, которая не будет ни философией Адама Смита, ни философией Карла Маркса»¹¹.

Что же это за подлинная японская экономическая философия, за развитие которой ратовал Мицукава? Это не что иное, как «японский дух», идея «восьми углов под одной крышей», в которой Мицукава видел воплощение «мировой солидарности», в том числе «солидарности» между Японией и Китаем.

Иными словами, передовой идеологии, идеям демократии и национальной независимости, все более захватывавшим Китай, японский им-

⁹ Садао Араки. Дзэн нихон кокумин ни цугу (Слово ко всему японскому народу). Токио, «Дайдо сёин», 1933, стр. 4.

¹⁰ Камэтаро Мицукава. Тоёмондан дзюхатико (18 лекций по Востоку), Токио, «Хакухосё», 1931.

¹¹ Там же.

периализм в период подготовки и развязывания второй мировой войны противопоставил империалистическую идеологию угнетения и рабства, идеологию национализма и милитаризма. В конечном итоге победа в антияпонской войне китайского народа, шедшего в одном ряду с другими народами мира, возглавляемом Советским Союзом, явилась победой передового мировоззрения, передовой идеологии над милитаристской, националистической идеологией империалистической Японии.

Попытки философского обоснования национализма

Японский национализм и паназиятизм, как две стороны одной медали, благодаря усилиям идеологов милитаристской Японии были приведены в определенную идейно-философскую систему, получили арсенал мнимо научных доказательств. Можно выделить несколько направлений в японской буржуазной философии и буржуазной общественно-политической мысли, каждое из которых в целях обоснования националистической идеологии использовало свои специфические концепции и категории.

Одно из них — так называемая «философия императорского пути», представлявшая собой эклектическое соединение конфуцианских догматов и различных иррационалистических категорий, почерпнутых из мифологии национальной японской религии синто.

Сосредоточивая в себе все наиболее реакционные стороны японских религиозно-мистических и философских учений, оно открыто взывало к иррационализму, подсознательным инстинктам человека, стараясь построить на них все здание националистической идеологии. Важнейшим представителем этого течения был Тэцудзиро Иноуэ. Ревностный сторонник конфуцианства, он выступил в качестве идейного руководителя «японистического движения», захватившего в годы подготовки и развязывания второй мировой войны наиболее реакционные идеологические круги империалистической Японии. Для противопоставления Японии другим странам Иноуэ использовал конфуцианство, толкуя его как высшее достижение философской мысли. «Этического учения, равного конфуцианству, нет в мире... В Европе учению Конфуция нечего противопоставить»¹², — заявлял он. Конфуцианство использовалось им и для доказательства превосходства Японии над Китаем. В философских концепциях Иноуэ японское государство считалось государством положительного начала — ян, Китай и другие государства — государствами отрицательного начала — инь.

Иноуэ вторили другие философствующие идеологи японизма. Унокити Хаттори, например, утверждал, что конфуцианство в своем чистом виде восторжествовало лишь в Японии, а не в Китае. Причину этого он усматривал «в порочном генезисе китайской нации»¹³, сложившейся в результате смешений различных народностей. Размахивая знаменем расистского национализма, Хаттори призывал «свет японской культуры распространить на все человечество»¹⁴. Из лагеря сторонников «философии императорского пути» то и дело раздавались голоса, восхвалявшие теории и взгляды средневековых японских самураев, исповедовавших конфуцианское и синтоистское учения. Особенно в этом преуспевали Мо-

¹² Тэцудзиро Иноуэ. Нихон сюсигакуха-но тэцугаку (Философия японской чжусианской школы), Токио, 1943, стр. 736.

¹³ Я. Б. Радуль-Затуловский. Конфуцианство и его распространение в Японии, М., 1947, стр. 415.

¹⁴ Я. Б. Радуль-Затуловский. Цит. соч., стр. 416.

тодзиро Такамацу, Кицдзо Иран и другие. Постоянно обновлялись и подерживались идеи «японизма», суть которых заключалась в мистическом учении о «пути, завещанном богами» (ками-нагара-но мити), восходившему к синтоистской религии.

Национализм, опиравшийся на «философию императорского пути», был рассчитан на восприятие теми слоями японского общества, которые систематически воспитывались в духе идей религиозной синтоистской пропаганды.

Одним из идейно-теоретических постулатов, легших в основу пан-азиатской, националистической пропаганды в Японии, стала концепция общности культур стран Азии и руководящей роли в ней Японии. В этом отношении известна, например, деятельность Тэнсин Окакура — японского идеолога начала XX века, утверждавшего такую общность, исходя из сродства восточных религий и особенностей «восточного миро-восприятия».

Констатируя наличие в Азии всеобъемлющей философской традиции, «общей для всех азиатских наций», Тэнсин Окакура противопоставлял ее нациям, «обитающим на побережье Средиземного и Балтийского морей», которые якобы направляют все свое внимание «поискам не целей, а средств жизни»¹⁵. Провозгласив на этой основе, что «Азия едина», а ее «народы составляют единую, могучую организацию», Тэнсин венчал это свое утверждение проповедью особой исторической миссии Японии как средоточия всех культурных ценностей Востока.

Немаловажная роль в обосновании «неповторимых» черт восточной культуры принадлежит философам киотоской школы — основному направлению буржуазной философии довоенной Японии. Как одно из течений буржуазной философии эпохи империализма, оно считало своей главной задачей борьбу с материалистическими идеями. Теоретики из этой школы привнесли в трактовку специфики культуры Востока иррационализм и мистицизм.

Глава киотоской школы известный философ-идеалист Китаро Нисида, например, касаясь специфики восточной культуры, писал: «Безусловно, в ходе великолепного развития западной культуры есть много такого, что достойно уважения, подражания. Но в опыте восточной культуры, являвшейся в течение нескольких тысячелетий достоянием наших предков, скрыто то, что видит форму бесформенного, слышит глас безгласного»¹⁶. В этом утверждении Нисида проявлялась идеалистическая трактовка восточной культуры, Нисида все более переходил на националистические позиции, отмечая некое «превосходство» восточного способа постижения мира перед западным. «Восточная культура, — констатировал он, — это учение; западная культура — это наука»¹⁷. Смысл этого утверждения сводится к тому, что культура, основанная на науке, якобы не отражает глубин человеческой жизни, ибо «наука рассматривает человека прежде всего с точки зрения естественных наук». Человеческая правда, поучал Нисида, познается интуитивно, сердцем. Из восточных культур на первое место Нисида ставил японскую.

Конечно, изыскания Нисида и других представителей киотоской школы не отражали и не могли отразить подлинного содержания и всего многообразия культур восточных народов, в том числе и японского. Ог-

¹⁵ Тэнсин Окакура. Тоё-но рисо (Идеал Азии), сб. «Адзасюги», стр. 67.

¹⁶ Китаро Нисида. Хатараку моно кара миру моно э (От действующего к созерцающему). Полн. собр. соч., т. 4, стр. 2.

¹⁷ Китаро Нисида. Нихон бунка-но мондай (Проблемы японской культуры). Полн. собр. соч., т. 6, спецвыпуск, 1953, стр. 37.

раничивая понятие культуры в основном религиозной идеологией и традиционными общественно-политическими учреждениями, выхолащивая ее материалистическое содержание, они игнорировали и искажали подлинные пути становления культуры стран Востока, развивавшейся как часть культуры человечества по общим законам общественного развития.

Не ограничиваясь областью культуры, Нисида для подтверждения националистической теории о ведущей роли Японии в Восточной Азии выдвинул концепцию исторического процесса, имевшую в своем арсенале ряд специфических категорий и понятий. Касаясь сущности исторического развития, он доказывал, что история должна свестись к осуществлению «миссии Японии в качестве строителя Восточной Азии» путем реализации принципа «восемь углов под одной крышей». Отстаивая «мировой характер японского духа»¹⁸, Нисида считал, что между нациями «с точки зрения мировой истории должно быть отношение формы и материи». Раз так, писал он, то «в зависимости от меняющейся обстановки, в которой происходит развитие исторического мира, одни нации становятся формой, другие материей»¹⁹. Япония как энергичная, активная жизнеспособная сила призывалась Нисидой «оформить» инертные, пассивные восточноазиатские государства, являвшиеся для нее простым материалом в деле строительства нового порядка в Азии. В основе всех этих рассуждений Нисиды, проповедовавших великодержавный национализм, лежала неогегельянская концепция об особых чертах «японского национального государственного строя», восходившая в конечном итоге к национальным синтоистским теориям.

Обоснованию особых черт «японского национального государственного строя», противопоставлявшегося государственным системам других стран, служили и философские концепции Хадзимэ Танабэ. Проводя, подобно Нисиде, идею о «моральности» японского буржуазного государства, он использовал для ее доказательства различные категории экзистенциалистской философии. Танабэ писал, что «субъектом экзистенции должно быть не индивидуальное «я», а единство государства и «я». Арена, где находит выражение опосредованная экзистенция, субъективируется в качестве государства»²⁰.

Теория «японского национального государственного строя» стала важнейшим элементом японской националистической идеологии. Опираясь на эту теорию, Танабэ оправдывал экспансионистскую политику японского империализма.

В период подготовки и развязывания второй мировой войны утверждению идеологии японского национализма и паназиятизма активно служила так называемая «философия мировой истории», представители которой, взявшие на свое вооружение наиболее реакционные теории западной иррационалистической буржуазной философии эпохи империализма, составили крайне правое крыло киотоской школы. На одном из первых мест среди этих теорий стояли «философия жизни», экзистенциализм. Теоретик «философии мировой истории» Ивао Кояма, пытаясь обосновать «руководящую роль» Японии в Азии, доказывал «особую экзистенциальность» японских средневековых самураев, в которых он видел идеальный образ людей «сферы совместного процветания».

Вокруг понятия «моральная энергия» строили свои теории Косака и Ниситани; последний утверждал, что «моральная энергия Японии»

¹⁸ К и т а р о Н и с и д а. Поли. собр. соч., т. 6, спецвыпуск, 1953, стр. 243.

¹⁹ Там же, стр. 244.

²⁰ Х а д з и м э Т а н а б э. Дзицудзон гайнэ-по хаттэн (Развитие понятия экзистенции), Поли. собр. соч., Токио, 1963, т. 7, стр. 249.

как субъективный принцип «двигает политику изнутри», а эта политика приводит в движение экономические силы. Проповедям национализма и паназнатизма были подчинены философские теории японских последователей Ницше — Марунобу Конокоги, Масаёси Кихира и других представителей буржуазных философских кругов империалистической Японии.

«Философия мировой истории» имела много точек соприкосновения с «философией императорского пути». Это проявилось, например, во взглядах Ивао Кояма, не раз опиравшегося в своих теоретических построениях на отдельные положения конфуцианства, органически входившие в учение о «бусидо». Таковой была сама внутренняя логика этих философских течений, преследовавших в конечном итоге одни и те же классовые политические цели, служившие одной задаче — обоснованию великодержавного национализма.

Националистический угар, созданный в стране идеологами империалистических кругов, захватил и многих либерально-буржуазных философов, отдавших дань пропаганде национализма. Независимо от субъективных намерений их авторов их философские теории в конечном итоге служили оправданию националистических вожделиний японских националистов и приукрашиванию японской агрессии на материке. К ним можно отнести, например, известного философа Киёси Мики. Будучи советником кабинета Коноэ, Мики совместно с группой других буржуазных ученых выдвинул идею создания восточноазиатского сообщества — Тоакёдотай. Паназнатская по своему содержанию, она прикрывала националистические устремления рассуждениями об особом «восточном гуманизме», якобы объединявшем страны Восточной Азии. Концепция «восточного гуманизма» Мики базировалась на нисидовской философии, она была идеалистична, ее пронизывали конфуцианские мотивы. Одним из проявлений такого «гуманизма» считалось «стремление к достижению рационального общественного порядка через морально-этический путь, в основе которого лежит самоусовершенствование»²¹.

Руководящую роль Японии в паназнатском союзе Мики обосновывал бурным культурным и экономическим развитием страны после революции Мэйдзи, добиваясь, чтобы Китай и другие страны Азии восприняли эту миссию Японии не как проявление национального эгоизма, а на основе «разума» и внутреннего побуждения. Исходя из этого, Мики призывал придать японо-китайской войне характер «освободительной» войны во имя утверждения новой общности наций в Восточной Азии. Оправдывая войну, он расценивал ее как «проявление разума в истории». «Придать смысл мировой истории китайскому инциденту — это наша обязанность»²², — писал он. Естественно, что такая точка зрения объективно служила оправданию японской агрессии в Китае.

Наличие нескольких течений в японской буржуазной философии, служившей идейно-теоретической опорой национализма, отражало многослойную социально-экономическую структуру японского буржуазного общества, опутанного пережитками феодализма. Между этими течениями шла определенная теоретическая полемика по вопросам обоснования националистической идеологии. Сторонники «философии императорского пути», например, считали философию кiotоской школы недостаточно эффективной для распространения националистических, шовинистических воззрений.

Со своей стороны некоторые буржуазно-либеральные философы критиковали идеологов «японизма» за их откровенно иррационалистиче-

²¹ Киёси Мики. Полн. собр. соч., Токио, 1968, т. 17, стр. 540.

²² Там же, т. 14, стр. 143.

ские теории, содержащие элементы феодального мировоззрения. Естественно, что эта критика и различия в обосновании националистической идеологии не изменяли классового содержания японского национализма. В борьбе группировок внутри буржуазных идеологических кругов империалистической Японии находила отражение та борьба, которая в годы подготовки и развязывания второй мировой войны шла между представителями различных групп буржуазии, помещиков, придерживавшихся разных точек зрения в отношении осуществления агрессивного внешнеполитического курса.

Японский национализм в новом обличье

Разгром японского империализма во второй мировой войне положил конец националистической пропаганде в стране. Наиболее активные из националистически настроенных идеологов были осуждены как военные преступники, многим из них было запрещено заниматься научной и общественной деятельностью. Была подорвана социальная база национализма, значительно ослабли политические позиции тех сил, которые ранее выступали главными носителями националистической идеологии.

Решительно осуждая политику, которую проводили господствующие круги Японии в прошлом, на борьбу с реакционной националистической идеологией поднялась демократическая общественность страны. На пути национализма был поставлен заслон; передовое марксистско-ленинское мировоззрение стало все глубже проникать в толщу народных масс.

Однако в начале 1950 года господствующие круги Японии, оправившись после поражения во второй мировой войне, при поддержке американского империализма перешли к политике открытого поощрения сил реакции. В такой обстановке в стране стали возрождаться идеологические течения, содержанием которых был национализм и милитаризм. В наши дни носители такого национализма служат японской монополистической буржуазии, которая использует его в интересах борьбы с коммунизмом, прогрессивной, демократической идеологией.

Националистические идеи, прививаемые определенной части отсталого японского населения, становятся идеологическим обоснованием для деятельности различных ультранационалистических организаций. Реакционные господствующие круги, стараясь раздуть настроения национализма среди этих слоев, опять начинают распространять различного рода националистическую литературу, в которой проводятся идеи «величия Японской империи» и национальной исключительности. Одним из активно действующих центров по насаждению националистической идеологии являются японские войска самообороны²³.

Появились теории, которые открыто оправдывают войну, развязанную Японией с целью закабаления Китая и других стран Азии. Таковой, например, стала пресловутая теория «Дайтоа сэно котэйрон», автором которой является Фусао Хаяси. Отрицая оценку, данную прогрессивной японской и мировой общественностью японскому империализму как одному из главных зачинщиков войны на Тихом океане, она воспекает войну как необходимое условие роста могущества японского государства в прошлом. Пересматривая установившуюся в японской прогрессивной

²³ См.: сб. «Японский милитаризм», под редакцией и со вступительной статьей акад. Е. М. Жукова, М., 1972.

историографии точку зрения на прошлое японо-китайских отношений, мысль о «динамичности японского духа» проводит Киёто Мори²⁴.

После разгрома японского империализма и краха всех его идеологических институтов, призванных подтвердить «божественное происхождение» японского императора, прекратила свое существование «философия императорского пути». Но идеи ее так или иначе продолжают жить. Позиции синтоизма в Японии как «национальной религии японцев» укрепляются. Это проявляется в кампании, развернутой реакционными идеологами, представителями монополистического капитала, за возрождение синтоистских обрядов и празднеств, в движении за восстановление синтоизма в качестве государственной религии, в попытках пропагандировать реликвии, связанные с культом императорской фамилии²⁵.

Не прошло бесследно поражение Японии в войне и для философов кютоской школы. Как течение японской буржуазной философии оно после войны распалось, ее представители примкнули к различным идеалистическим философским школам, образовавшимся в японских буржуазных философских кругах под влиянием западноевропейской и американской буржуазной философской мысли. Отдельные сторонники философии Нисида перешли в материалистический лагерь. Разоблачая нисидизм, они стоят в первых рядах борцов против националистической идеологии.

Тем не менее, несмотря на осуждение японской прогрессивной научной общественностью философии кютоской школы, отдельные буржуазные идеологи продолжают развивать идеи этой школы. Вскоре после окончания войны возобновили свою деятельность многие ее представители, они заняли важные посты в идеологических учреждениях страны, вернулись на университетские кафедры, проникли в различные научные организации, отстаивая в них в том или ином виде идеи нисидовской философии. Неоднократно издавались сочинения как самого Нисиды, так и его последователей, усилилась пропаганда идей нисидизма, осуществлявшаяся под предлогом их «объективного» историко-философского анализа²⁶. Как и в довоенные годы, философские теории Нисиды используются для культивирования таких настроений и мироощущения, которые особенно легко порождают националистические устремления — иррационализм, реакционный, мистический романтизм.

Определенным образом модернизировалось политическое содержание японского национализма. Вместо идеи пресловутого «японского национального государственного строя» его сторонники стараются сейчас утвердить идею превосходства современного буржуазного государства. Идеологи японской монополистической буржуазии, рекламируя принадлежность Японии к так называемому «свободному миру», стараются представить существующую в Японии систему буржуазной демократии как некий эталон общественно-политического устройства, противопоставляемого государственно-политическим системам социалистических стран.

²⁴ Киёто Мори. Нихон синен (История Японии в новом освещении). Токио «Кинсейся», 1962, стр. 34.

²⁵ О распространении синтоизма как характерной черте духовной жизни современной Японии подробно пишет Н. А. Латышев в статье «Националистические тенденции в политике правящих кругов Японии» («Народы Азии и Африки», 1971, № 3, стр. 46—47).

²⁶ Особенно много такого рода философской литературы было издано в 60-х годах. Назовем лишь некоторые из книг, авторы которых так или иначе стараются реабилитировать нисидовскую философию: Кэйдзи Миядзима. «Становление мыслителей периода Мэйдзи»; Мититаке Натао. «Толкование философии Нисиды»; Торабуро Симамура. «Нисида Китаро, человек и мыслитель». Этот список можно было бы продолжить.

В этих же целях используются экономические успехи Японии, ставшие результатом ряда благоприятных обстоятельств (помощь США, необходимость восстановления промышленности на базе обновления основного капитала и т. д.), способствовавших развитию японской экономики в послевоенные годы, а также как следствие широкой пропаганды, так называемого «экономического реваншизма». Таким путем они пытаются приспособить свой национализм к новым историческим условиям. Стоя на националистических позициях, они провозглашают антисоветские, антикоммунистические лозунги.

Так в Японии сформировалась новая буржуазно-националистическая идеология, характеризующаяся в японской прогрессивной научной литературе как «современный национализм». Теоретики, развивающие такого рода национализм, внешне настаивают на «пересмотре» истории милитаристской Японии и «переоценке» положений национализма старого типа. В то же время они приукрашивают процесс развития Японии в период Мэйдзи, когда японские захватчики действовали как передовой отряд империалистической экспансии в Восточной Азии.

Одновременно некоторые буржуазные идеологи используют для возрождения националистических настроений и компрометации коммунизма последние события в Китае, и особенно «культурную революцию», ввергшую страну в состояние хаоса и резко затормозившую экономическое развитие КНР. Профессор Киотского университета Мититаро Танака, например, возлагая ответственность за события, вызванные антикоммунистической, антинародной политикой группы Мао Цзэ-дуна, на весь китайский народ, подобно националистическим идеологам довоенного времени, клеветает на китайскую нацию, отрицая с позиций великодержавного национализма ее способность к восприятию культуры²⁷.

Другие же возлагают надежды на возрождение идеи паназиятизма в связи с ростом национализма и антисоветизма в Китае. В нашей литературе уже сообщалось о позиции, занятой по отношению к Китаю влиятельным деятелем правящей либерально-демократической партии покойным Кэндзо Мацумура, вынашивавшим идею создания союза по расовому признаку, на основе общности курса реакционных господствующих кругов Японии и маоистов. Паназиятские идеи лелеют и некоторые представители научных и идеологических кругов Японии. Такие тенденции проявились, например, в позиции известного японского Китаевода Есимми Такэути²⁸.

Итак, идейно-философское и политическое содержание национализма в Японии наглядно свидетельствует о его особой реакционности как идеологии, имеющей антидемократическую, антикоммунистическую направленность. Поэтому закономерно то, что общественное мнение стран Восточной Азии, испытавших на себе все ужасы японской агрессии, весьма отрицательно реагирует на все попытки японских правящих кругов возродить националистическую идеологию, в какой бы форме она ни проявлялась. Пропаганда националистических идеологов в Японии встречает также отпор и со стороны японской демократической общественности, прогрессивных японских ученых, противопоставляющих национализму господствующих кругов идеи подлинной дружбы между японским народом и его соседями.

²⁷ «Тюо-Корон», 1967, № 3, спецвыпуск, стр. 38.

²⁸ Есимми Такэути. Гэндай тюгокурон (Современный Китай), Токио, «Тикума сёбо», 1967, т. 1, стр. 350.

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Кризис школьного образования в КНР

*Н. Е. Сретенская,
кандидат филологических наук*

«Революция в образовании», воплотившая цели и методы маоистской педагогики, привела к тому, что глубокий пессимизм, по признанию самой китайской печати, охватил тысячи преподавателей и учащихся. Среди них бытует мнение о «несчастной участи педагогики», о том, что «быть учителем — не иметь уверенности», «учиться — не иметь перспективы», «читать книги — бессмысленно» и т. п.

Как могли зародиться подобные «теории» в стране с древней традицией глубочайшего почтения к ученым людям, извечной тяги к грамоте?

Эта тяга была тем более острой, что накануне освобождения в стране насчитывалось 90 процентов (а по отдельным районам — 97) неграмотных и лишь 40 процентов детей школьного возраста имели возможность учиться. В первые годы после провозглашения КНР было сделано все возможное, чтобы дать простор развитию народного образования, крепла его новая система, основанная на опыте СССР и социалистических стран. Однако с течением времени положение менялось.

В период «большого скачка» стали предприниматься решительные попытки навязать делу образования в КНР так называемые «чисто китайские», а на деле маоистские методы. Затем в 1964 г. они в более осторожной форме повторились. В период же «культурной революции» «линия Мао Цзэ-дуна» в области образования была проведена со всей последовательностью. Поэтому именно в практике «культурной революции» до конца раскрылись маоистские методы воспитания и обучения молодого поколения.

Начало «революции в области образования» положила Директива ЦК КПК и Государственного совета от 13 июня 1966 года. В этой директиве и в передовой статье «Жэньминь жибао» от 18 июня 1966 г. развивались основные положения маоистского курса в области просвещения, известные по периоду «большого скачка» и вновь четко сформулированные в указании Мао Цзэ-дуна от 7 мая 1966 года¹. Выдвинутое в статье требование «революции в области образования» касалось различных сторон учебного процесса: пересмотра правил приема, системы и содержания учебных программ всех школ под углом их утилитаризации; приобщения учащихся к промышленному и сельскохозяйственному труду; сокращения сроков обучения и изменения руководства учебными заведениями.

Как явствует из упомянутой передовой «Жэньминь жибао», «представители буржуазии, проникшие в область просвещения», якобы «выступили против идей Мао Цзэ-ду-

¹ «Жэньминь жибао», I.VIII.1966.

на», решили сорвать его линию в этой области. В статье недвусмысленно говорилось о том, что до тех пор, пока не будет разгромлена оппозиция, «линия Мао Цзэ-дуна» в просвещении не может быть претворена в жизнь. Вот почему в директиве объявлялось о приостановке приема в учебные заведения на полгода. Маоисты под предлогом пересмотра правил приема и программ учебных заведений прервали занятия, чтобы использовать молодежь для разгрома всех инакомыслящих, и не только в сфере просвещения, но и в партийном и государственном аппаратах.

Итак, «революция в образовании» началась под политическую трескотню о необходимости покончить с «господством буржуазной интеллигенции в учебных заведениях». За ультралево фразой стояло извечное мелкобуржуазное недоверие Мао к носителям знаний, к образованным людям, о чем свидетельствуют многочисленные его высказывания на эту тему («книг нельзя читать слишком много», «переучишься — себя загубишь», «нужно разрешать студентам дремать на лекциях» и т. п.). Прологом к хунвэйбиновщине могло бы быть такое высказывание Мао Цзэ-дуна: «Можно привести много примеров, когда молодые свергают старых, малообразованные наносят поражение ученым»². Глубоко выношенное убеждение в том, что для детей нет никакой необходимости в полном и глубоком усвоении всех духовных богатств, накопленных человечеством, звучит в речах и беседах Мао Цзэ-дуна, которыми он пытался доказать, что многие великие государственные деятели и литераторы Китая стали таковыми чуть ли не благодаря тому, что не учились.

Что касается школьного образования, Мао Цзэ-дун прежде всего

выступает за особенный путь развития в этой области, якобы обусловленный специфическими условиями Китая³.

Нет сомнения в том, что учет специфических условий страны, политических сторон собственного опыта является необходимым условием успешного развития социалистического общества. Но в современном Китае это привело к полному отказу от общих закономерностей развития социализма, от опыта, накопленного братскими социалистическими странами. Более того, ссылки на так называемую специфику Китая на деле оборачиваются непониманием конкретной обстановки в стране, навязыванием волюнтаристских решений.

«Педагогические воззрения» Мао Цзэ-дуна исходят из яньаньского опыта — работы школ в Освобожденных районах в 30—40-е годы. Поэтому возводятся в абсолют принципы построения школ периода революционной и антияпонской войны — сочетание учебы с борьбой, организация труда учащихся как средства содержания школ, утилитарные программы. Именно такой сугубо практический метод организации учебного процесса импонирует эмпиризму Мао Цзэ-дуна — первому краеугольному камню маоистской педагогики, ибо «Мао Цзэ-дун и его сторонники упрощенно, механически трактуют взаимоотношение теории и практики»⁴. Отсюда — извращенное толкование Мао Цзэ-ду-

³ Интересно отметить, что в то время, как большинство западных авторов критикуют маоистский курс в образовании с позиций антикоммунизма (в частности, американский синолог Т. Чэнь), некоторые, поощряя самостоятельность маоистской линии, пытаются его оправдать, противопоставляя его общей линии социалистических стран. Именно такой подход обнаруживается в статье С. Макдауэлла «Реформа образования в Китае как перестраивающейся стране». S. G. McDowell. Educational reform in China as a readjusting country. — «Asian Survey», Berkeley, 1971, v. 11, № 3, p. 256—270.

⁴ М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна, М., 1969, стр. 121.

² Из выступления Мао Цзэ-дуна на II сессии VIII съезда КПК, 3.V.1958. «Маоцзунь дунь цзяюй гэмэнь», Сяньцзян, 1968, стр. 40.

ном марксистско-ленинского положения об установлении органической связи обучения с производством. Трудовая деятельность школьников в Китае рассматривается как участие в «классовой борьбе» и источник самокупаемости учебных заведений, что коренным образом противоречит трудовому обучению в советской школе.

Другой краеугольный камень «концепции» Мао Цзэ-дуна — «образование служит пролетарской политике» — самым непосредственным образом связан с первым, ибо, «по существу, вся практика как источник знания... ограничивается лишь сферой политики, практикой классовой борьбы»⁵.

Молодежь действительно должна воспитываться на текущей политической борьбе и участвовать в ней. Но в условиях «культурной революции» борьба шла лишь с политическими противниками Мао Цзэ-дуна; именно в нее вовлекалась молодежь. Ясно, что это — псевдореволюционная борьба, ибо она велась отнюдь не с классовым врагом.

Основные контрпункты маонистской педагогики — подмена общеобразовательного обучения узкопрактическим, утилитарным; подмена руководящей роли учителя самостоятельностью учащихся; обучение исключительно в ходе практической трудовой деятельности учащихся — тесно смыкаются с главными положениями прагматистской педагогики, суть которой — «обучение путем делания», игнорирование системы научных знаний, пренебрежение руководящей ролью учителя»⁶. Это, пожалуй, не должно удивлять, если вспомнить, что американская педагогика прагматизма в течение тридцати лет (с 1919 по 1949 г.) «оказывала сильное влияние не только на

практику работы китайской школы, но и на ее педагогические исследования и педагогическую теорию»⁷. Действительно, прагматические идеи Д. Дьюи о создании массовой школы, которая должна учить, как надо хорошо работать, фактически находят воплощение в нынешних китайских школах, дающих лишь те знания, которые могут пригодиться ученику в узких рамках его будущей практической деятельности.

В свете вышеизложенных принципов становится понятной программа обучения молодежи, намеченная Мао Цзэ-дуном в указании от 7 мая 1966 г.: «Они (учащиеся.— Н. С.) должны совмещать свою главную задачу — учиться, с другим, то есть не только заниматься своей учебой, но и приобщаться к промышленному, сельскохозяйственному труду, военному делу, должны также критиковать буржуазию...» Следовательно, многократно повторяемое требование Мао Цзэ-дуна сократить «курс наук на треть, а то и наполовину» (заметим, что речь идет о сокращении за счет отдельных дисциплин, а не внутри дисциплин) связано не с перегруженностью программ, действительно имевшей место в китайской школе, а с отношением к общеобразовательному обучению как второстепенной стороне учебного процесса. Под этим углом зрения и проводилась пресловутая «революция в образовании».

В результате этой «революции» значительному пересмотру подверглись учебные программы и учебники. Многие курсы были сокращены, сведены вместе, дополнены «идеями Мао Цзэ-дуна» и местными материалами по сельскому хозяйству. На словах делались заявления о том, что эти меры послужат более тесному увязыванию теории с практикой. Однако на деле они оборачивались крайне односторонней подготовкой узких специалистов, еще более интенсивной обработкой умов

⁵ М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна, М., 1969, стр. 111.

⁶ В. З. Клепиков. Школа в Китае в конце XIX — первой половине XX века. Автореф. канд. дисс., 1968, стр. 11.

⁷ Там же, стр. 12.

подростающего поколения в духе антисоветизма и великодержавного шовинизма, безоговорочного преклонения перед «идеями Мао Цзэ-дуна».

Метод составления и редактирования новых учебных материалов (коллективное сочинительство «рабочих и крестьян», то есть отдельных их представителей, активистов, зачастую малограмотных или вовсе неграмотных) также был призван создать иллюзию тесной связи теории с практикой. На деле же «рабочие и крестьяне» могли дать лишь практические сведения для пособий по основам промышленных и сельскохозяйственных знаний, привести примеры «горького прошлого», которые стали неотъемлемой частью учебного материала. Но этим дело и ограничилось.

В Китае до сих пор нет общегосударственных учебников (в лучшем случае они годятся лишь для отдельных провинций). Отчасти это также результат опубликованного в январе 1970 г. (а данного еще в 1957 г.) указания Мао Цзэ-дуна о том, что «учебный материал должен носить местный характер». Поэтому учебные программы сокращены на треть, а то и наполовину. Курсы физической и экономической географии, например, урезаны и объединены. Курсы древней, средневековой и зарубежной литературы и истории если и сохраняются, то в весьма тенденциозном и крайне сжатом изложении. Такие программы не могут дать учащимся серьезных знаний и приводят к односторонности в их подготовке. Руководство вынуждено теперь критиковать «увлечение практицизмом», предостерегать от излишне ранней специализации. Излюбленный лозунг китайской пропаганды о необходимости преподавания общеобразовательных дисциплин по принципу «меньше, но лучше» фактически ведет к тому, что кадры готовятся по принципу «хуже, да больше». Вместо изучения элементарной техники и технологии

для профессиональной подготовки учащихся на широкой научной и политехнической основе китайская школа дает им узкую специализацию без достаточной общей базы.

В Китае полностью отвергнут опыт Советского Союза и социалистических стран в области школьного образования, согласно которому трудовое воспитание осуществляется успешно лишь на прочной базе общего среднего образования. Как раз общеобразовательная подготовка является той сферой, на которой бессмысленно экономить. Материальный эффект от повышения производительности труда, связанного с ростом общеобразовательного уровня рабочих, превышает соответствующие затраты государства во много раз.

Резко выраженный локальный характер, низкий теоретический уровень учебных материалов ограничивают возможность работы выпускников китайских школ в местности, к которой не было приспособлено их обучение. Они оканчивают школы «ремесленниками», знающими нечто совершенно узкопрофессиональное, но не овладевшими основами наук, не имеющими широкого кругозора. Образуется тот самый крен, против которого предостерегал В. И. Ленин, наставлявший, чтобы «этот «ремесленник» имел широкое общее образование, ...имел *политехнический кругозор*...». Напомним, что В. И. Ленин предлагал, «дабы не было превращения в ремесленничество», в частности, «расширить во всех профтехшколах *общеобразовательные* предметы»⁸.

* * *

Установка на изучение энциклопедического, утилитарного нацелила маоистскую школу на пересмотр методов идейно-политического воспитания и обучения. Пренебрежение теорией марксизма-ленинизма привело к подмене теоретических курсов ма-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 228—229.

терналами текущих политических кампаний. А поскольку обстановка в стране часто менялась, то стабильные учебники для уроков политики практически стали неприемлемыми — их заменили чтением газетных передовиц и изучением текущих документов. Вместе с тем в школах всех ступеней основным пособием стали работы Мао Цзэ-дуна. Например, в средней школе при Пекинском пединституте первый урок ежедневно отводился чтению цитат «великого кормчего». В некоторых школах история, сокращенная до краткого курса лишь новой и новейшей, изучается на уроке политики вместе с «идеями Мао». Один из учебников политики для первого класса начальной школы составлен в такой пропорции: из 56 уроков 36 отведено «произведениям Мао Цзэ-дуна», а остальные — в большинстве своем так называемые «сочинения бедняков и низших середняков», прославляющие председателя. «Идеи Мао» пропагандировались даже на уроках счета. Весьма характерен в этом отношении учебник по арифметике для начальных школ Пекина. Примеры и задачи в каждом из его разделов объединены в тематические циклы: примеры на тему указания председателя; примеры, иллюстрирующие положение о том, что «Мао Цзэ-дун — величайший марксист-ленинец нашей эпохи» (скажем, подсчитать, сколько человек занимается в «группах по изучению идей Мао», сколько выпущено за год значков с его изображением и т. п.). Осуществляя «соединение политических и профессиональных задач», в провинции Ляонин преподаватели языка даже при объяснении предлога, вводящего косвенное дополнение, ссылались на изречение Мао⁹.

Выражая тревогу по поводу засилья материалов о так называемой «классовой борьбе» и «большой революционной критике», «Гуанмин жибао» заявляла: в течение опреде-

ленного времени некоторые учителя, преподавая грамоту в начальных классах, делали упор на то, что маленький иероглиф может поведать о больших принципах. Например, объясняя слово «шэн» — «жить, производить», — учителя в течение почти десяти минут раскрывали его «политическое содержание». Но при проверке знаний на экзаменах увидели, что это не способствовало повышению успеваемости и усвоению материала¹⁰. Очевидно, кое-кто в Китае понял, что качество обучения не повысится до тех пор, пока будут раздаваться требования вводить «большую революционную критику» даже на уроки математики и прочих дисциплин. Тем не менее предупреждения против ослабления уроков «классовой борьбы» все еще доминируют в печати.

Подключение школьников к каждой политической кампании теперь представляется в Китае как ошибочный уклон на местах¹¹. Однако подобная практика логически вытекала из уже упоминавшегося выше указания Мао Цзэ-дуна от 7 мая 1966 г. о необходимости «совмещать учебу с другим», в частности «критиковать буржуазию». Более того, именно маоистская группировка оторвала учащихся от занятий на несколько лет и бросила их на участие в «культурной революции». Теперь же предлагается не прерывать занятий для проведения кампаний, а вести их либо на уроках политики, либо после уроков.

Как видим, зайдя в тупик, китайские руководители вынуждены дать задний ход. Однако до сих пор положение в принципе не изменилось. Пересмотру подверглись лишь некоторые формы работы с молодежью, но не ее содержание. За последний год контроль за внеклассным чтением, внешкольной трудовой и политической деятельностью даже усилился. Большая роль в этом отводится «группам по изучению идей Мао

⁹ «Гуанмин жибао», 19.V.1972.

¹⁰ «Гуанмин жибао», 1.III.1972.

¹¹ «Хунци», № 6, 1971.

Цзэ-дуна», которые призваны дополнить изучение его трудов в школе.

* * *

Из примата практических знаний вытекает и огромная роль, отводимая в педагогической «концепции» Мао Цзэ-дуна трудовой деятельности учащихся. Участие в труде рассматривается как «участие в классово-производственной борьбе». Первое означает, что в трудовой деятельности усматривается панацея от «ревизионизма». Мы имеем в виду прозвучавшее вновь не так давно требование «перевоспитания» интеллигенции путем «слияния ее с рабоче-крестьянской массой», вызвавшее в период «культурной революции» невиданную по масштабам кампанию отправки учителей и учащихся в сельские районы, на предприятия и шахты.

Второе означает, что производительный труд школьников расценивается не только как средство приобретения производственных навыков, но главным образом как путь превращения учебных заведений в дополнительный источник дохода с целью самокупаемости школ. Маоистская линия в воспитании, ориентирующая на то, чтобы каждый ученик сам зарабатывал деньги на учебу и не рассчитывал на помощь «социалистического государства диктатуры пролетариата», требует изнуряющего труда учащихся.

Серьезность и трудность навязываемого школам производства, включение производственных планов школьных предприятий в рабочие планы заводов, необходимость соблюдения принципа самокупаемости — все это есть не что иное, как эксплуатация детского труда. Возьмем, к примеру, 61-ю среднюю школу города Гуанчжоу, о которой писала газета «Гуанмин жибао»¹². Собственными силами создав химический завод, расширив механические мастерские, ученики произво-

дят сернокислый алюминий, электромоторы. Естественно, что такая нагрузка является чрезмерной, дети устают (ведь необходимо обеспечить бесперебойность работы предприятий), от этого страдает учеба.

Факт эксплуатации детского труда не прикрыть никакими разглашательствами китайской печати о том, что приобретаемые в процессе труда знания необходимы для учебы. Безусловно, они помогают в овладении учебным материалом, но их можно было бы получить с меньшими затратами сил и энергии детей.

Необходимо отметить, что при всей важной роли, которая отводится труду учащихся в Китае, государство, как правило, не оказывает никакой материальной помощи в создании школьных мастерских, обеспечении их станками и материалами. Большинство школ вынуждено открывать мастерские на собственные средства с примитивным оборудованием. В настоящее время, по сообщениям китайских газет, учащиеся начальных сельских школ (регулярных) уделяют труду 30 процентов, а средних — 40 процентов учебного времени¹³. Кроме постоянной работы на школьных сельскохозяйственных базах или в мастерских, во время каникул ученики проводят один-два месяца в поле либо на предприятиях.

Процесс перерождения школ в трудовые лагеря в последнее время породил некоторую тревогу. На страницах китайской печати стали появляться напоминания о том, что «учеба — это главное», что уроки «социалистической культуры» (как называется теперь комплекс общеобразовательных предметов) — важное дело. Ответственные лица вынуждены ввести более умеренные пропорции соотношения труда и учебы. Официальная пропаганда обвиняет во всем руководителей учебных

¹² «Гуанмин жибао», 7.1.1972.

¹³ «Жэньминь жибао», 12.V.1969. Проект программы обучения в сельских начальных и средних школах, предложенный ревкомом уезда Лишу провинции Цзилнь.

заведений, которые якобы не сумели правильно распределить время между трудом и учебой, отвлекли излишнее количество времени и сил учащихся на производственную деятельность.

* * *

Накануне «культурной революции» свыше 40 процентов населения в Китае было неграмотно¹⁴, около трети всех детей школьного возраста не посещали школу, очень низким оставался процент детей, имеющих возможность перейти с низшей ступени средней школы на высшую. Нехватка помещений, педагогических кадров, плата за обучение привели к тому, что страна ежегодно недополучала необходимое количество квалифицированных кадров. Плата за обучение стала одной из серьезнейших преград развития образования в стране. В начальной сельской школе плата за обучение составляла около 3—6 юаней в год, а в некоторых городах — 2,5 юаня в месяц, в неполной средней школе — около 12 юаней в год, а во второй ступени средней школы — 16—18 юаней. Если к этому прибавить расходы на учебники и прочее, то содержание ребенка в средней школе могло достичь 100—120 юаней в год¹⁵.

В ходе «революции в области образования» была сделана попытка распространить народное образование наиболее дешевым и быстрым путем. Маоисты представили себя благодетелями, открывающими путь к знаниям всем детям трудящихся, но с одной оговоркой — при условии «опоры на собственные силы».

С конца 1968 г., по указанию сверху, началась массовая кампания, в ходе которой осуществлялась передача государственных начальных и средних школ в ведение коммун и производственных бригад на селе и предприятий в городе. Не скрывалась и экономическая подоплека пе-

редачи руководства учебными заведениями в руки «рабочих и крестьян» — снятие с государственного бюджета ассигнований на нужды просвещения и перевод их на бюджет коммун и предприятий. В условиях Китая децентрализация учебных заведений создала дополнительные трудности для нормального функционирования заводов и коммун, легла тяжким бременем на их бюджет. Мелким и средним предприятиям — каждому в отдельности — вообще не под силу такая ноша. Руководители предприятий, и без того загруженные своей непосредственной работой, выражают недовольство новыми обязанностями, не могут уделить должного внимания вопросам образования. Работники же просвещения справедливо заявляют, что «для развития дела образования нужны материальные средства, а без них будет произведен лишь холостой выстрел»¹⁶.

Предлагая «правильно разрешить противоречие» между «опорой на собственные силы и соблюдением режима экономии» в управлении учебными заведениями, с одной стороны, и принятием помощи от государства, с другой стороны, редакция журнала «Хунци»¹⁷ выдвинула в качестве образца опыт одной начальной школы провинции Хэйлуцзян. Школа эта находится на полном самообеспечении за счет сельскохозяйственной базы (площадь в 30 му) и животноводческой фермы (17 коров). Школа дала государству 35 тыс. цзиней зерна, накопила 20 тыс. юаней. Она передала на нужды развития сельского хозяйства 4600 юаней. Авторы статьи приводят как пример, достойный подражания, отказ школы от помощи со стороны государства даже в трудное время стихийных бедствий. Так, в 1969 г., после пожара в деревне, государство выделило школе 900 юаней на капитальное строительство,

¹⁴ «Жэньминь жибао», 18.V.1965.

¹⁵ Там же, 31.X.1968.

¹⁶ «Гуанмин жибао», 18.X.1971.

¹⁷ «Хунци», № 6, 1971.

На эти деньги предполагалось закупить 20 комплектов стандартных парт. Однако «революционные преподаватели и учащиеся» вернули деньги государству. Скамейками по-прежнему служили чурбаки, а столами — глиняные насыпи. Все новички в первый год учебы должны были сидеть за ними, чтобы «перенять революционные традиции». В том же году кто-то предложил купить горн и барабан, но даже это скромное предложение было раскритиковано активистами как проявление «буржуазного стиля».

Этот пример наглядно показывает, что государственные ассигнования на нужды просвещения, естественные и необходимые в социалистическом государстве, отвергаются как проявление «ревизионистской линии».

Особенно актуальной для Китая и по сей день является проблема увеличения числа школ на селе, где, по данным 1965 г., сосредоточивалось 80 процентов всех учащихся и 90 процентов начальных и средних школ Китая¹⁸. Китайская пропаганда призывает ориентироваться на сделанное Мао Цзэ-дуном еще в 1944 г. заявление о необходимости «наряду со школами нормального типа создавать и школы упрощенного типа, кружки читки газет и группы по обучению грамоте». Такой путь распространения грамотности на селе, может быть, и являлся наиболее дешевым и быстрым в условиях антияпонской и революционной борьбы. Однако он не оправдывал себя в социалистическом государстве. Между тем и ныне рекомендуется изыскивать все резервы и возможности на местах, чтобы создать, помимо регулярных школ, подобные учебные заведения упрощенного типа. Для их организации используются полностью или частично пустующие помещения (склады, храмы, канцелярии, частные дома и т. д.), сооружаются соломенные навесы; в качестве учителей привлекаются

крестьяне, способные передать основы практических сельскохозяйственных знаний, и молодежь, окончившая хотя бы начальную школу.

С экономическим аспектом реформы образования связан выдвинутый в самом начале «революции в образовании» вопрос о сокращении сроков обучения. Решение этой действительно актуальной для Китая проблемы (удешевление обучения, скорейшая подготовка грамотных кадров) ставилось на повестку дня неоднократно со времени создания КНР. В ходе «культурной революции» двухступенчатый двенадцатилетний цикл (две ступени — четыре и два года в начальной и две ступени по три года в средней школе) предлагалось заменить единой начальной пятилеткой и двумя ступенями по два года в средней школе. Подобная структура привилась в основном в городах. На селе же большое распространение получила начальная пятилетка; лишь в районах, где имеются соответствующие условия, на ее базе создаются двухгодичные курсы средней школы. Конечно, если бы на селе удалось ввести всеобщее пятилетнее образование, это явилось бы шагом вперед по сравнению с преобладающей четырехлетней. Но без финансовой помощи со стороны государства даже создание начальных примитивных учебных заведений является непосильной ношей для населения. Недавно даже «Жэньминь жибао»¹⁹ была вынуждена признать, что трудящимся не под силу «тащить две ноши», то есть развивать на селе одновременно начальную пятилетку и семилетку, включающую еще два класса среднего образования.

В конце 50-х годов уже предпринималась попытка одним рывком добиться всеобщего на всех ступенях, ввести в последующие пятнадцать лет всеобщее высшее образование. В период «большого скачка» по указанию Мао Цзэ-дуна школы насаждались густо, как рис в почву. Но

¹⁸ «Жэньминь жибао», 13.VII.1965.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 26.III.1972.

годы выросли чахлые, ибо сверх-быстрые темпы посадки не учитывают объективных условий, а именно отсутствия материальной базы, недостаточного количества профессиональных педагогов.

Результаты — лучшая проверка ценности того или иного курса. Большинство успехов созданных в период «большого скачка» учебных заведений лопнули как мыльные пузыри, два продержавшись год-два.

* * *

Остановка учебного процесса в период «культурной революции», изгул хунвэйбинщины дорого обошлись китайской школе. Дезорганизация учебного процесса, переопределение руководящего и преподавательского состава, военизация учебных заведений, ограничение общеобразовательных курсов при несоразмерном сокращении сроков обучения — вот далеко не полный перечень тяжелых последствий «революции в образовании». Эта «революция» не только не облегчила, но, наоборот, усугубила трудности, испытываемые китайской школой в 60-е годы. Плохая дисциплина на уроках, дерзкое и пренебрежительное отношение учеников к учителям являются одним из тяжелых последствий эксцессов «культурной революции». Так, например, в одной из начальных школ города Инькоу провинции Ляонин дисциплина на уроках была настолько плохой, что руководство школы вынуждено было придерживаться следующего порядка: учитель вел урок, а члены «отрядов по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна» следили за дисциплиной в классе²⁰. Уже этот пример может объяснить, почему среди учителей широко распространились и коренились пессимистические настроения.

Сейчас в народном образовании Китая создалась крайне сложная ситуация: страна остро нуждается

в учителях, а деятельность педагогических учебных заведений до сих пор не налажена. Многие из педагогов заняли выжидательную позицию, хотя от них требуют активного проведения «линии Мао Цзэ-дуна» как неперемennого условия продолжения педагогической деятельности²¹.

Казалось бы, если судить по китайской прессе, теперь, когда уже навязаны маоистские установки, когда отобраны наиболее верные и преданные «вождю» наставники молодежи, когда учебные материалы буквально забиты высказываниями «великого кормчего», можно было бы наладить ритм учебного процесса. Но на деле все обстоит по-иному. В начале года китайская печать сообщила, что среди вновь назначенных проверенных и перепроверенных руководителей учебных заведений еще нет единства, у них возникают ошибки, а следовательно, необходимо продолжать «воспитание в духе линий» и, «ухватившись за классовое воспитание», снова перевоспитывать учителей.

В то же время в Пекине, очевидно, понимают, что квалифицированные педагоги сейчас необходимы для развития образования, поэтому их всеми способами пытаются привлечь к работе. Для удовлетворения насущной потребности в учителях в школы было направлено большое количество рабочих и крестьян. Некоторые из них были посланы на год-два с отрывом от производства, другие — по совместительству, третьи — на постоянную работу. На селе процент учителей-непрофессионалов из бедняков и низших середняков очень велик, в отдельных уездах, как, например, в уезде Цюйцзянь провинции Гуандун, они могут составлять до 30 процентов общего числа учителей²². Очень трудным для них оказалось ведение уроков по существовавшим учебникам. «В этой штуке сплошь формулы да за-

²¹ «Хунци», № 4, 1971.

²² «Гуанмин жибао», 31.X.1971.

²⁰ «Гуанмин жибао», 1.III.1972.

коны, мы не сможем этому обучать», — заявляли эти учителя. Они могли оправдать себя в учебно-производственных школах, где передавали учащимся прикладные знания по сельскому хозяйству и промышленности, или в нормальных школах, если они вели уроки по основам этих дисциплин. Но в нынешний момент беда состоит в том, что в силу острой нехватки профессиональных педагогов этим учителям-непрофессионалам поручают ведение уроков по общеобразовательным дисциплинам.

Централизованная система подготовки учителей весьма ограничена. Педагогические вузы и другие специальные учебные заведения заняты главным образом организацией краткосрочных курсов. Такие же курсы создаются в районах, уездах, коммунах и даже в производственных бригадах. Продолжительность обучения в них иногда не превышает 3—5 дней. Можно представить себе, на каком уровне находится подготовка этих «учителей»!

Передача государственных школ в ведение производственных бригад поставила преподавателей учебных заведений в одинаковые условия с членами коммун. Зарплата многим из них стала начисляться по трудодням (ведь им, помимо ведения уроков, приходится, как и ученикам, трудиться в поле вместе с членами коммуны), причем часто она зависела не от нагрузки преподавателей, а от их «политического сознания, революционного энтузиазма», от того, «высоко ли они поднимают великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна»²³. В результате зарплата преподавателей снизилась. Составляющая до «культурной революции» среди учителей начальных школ 40—60 юаней²⁴, теперь она в среднем равняется 30 юаням. Уменьшается и зарплата преподавателей

средних школ, составлявшая в 1963 г. около 75—100 юаней²⁵.

* * *

Как видно из всего сказанного о школьном образовании Китая существует множество трудных проблем. «Культурная революция» лишь усложнила их решение. Нынешнее руководство КНР фактически отстранилось от практического решения существующих трудностей этой области, свалив это на плечи местных властей.

До сих пор не известно, кто в стране занимается вопросами образования и кто отвечает за состояние дел в школах и вузах: нет ни министерства просвещения, ни министерства культуры, деятельность которых была прекращена в первые дни «культурной революции». Можно предположить, что в какой-то степени проблемами просвещения занимается созданная в конце 1971 г. Группа по делам культуры при Государственном совете КНР, но реального эффекта это «руководство» явно не дает.

В настоящий момент китайская пропаганда сообщает, что в 1971 г. число учащихся в средних и начальных школах страны возросло более чем на 30 процентов против 1965 года. По приблизительным подсчетам в данный момент оно составляет 145 млн., и по ряду центральных городов и провинций (менее половины) процент охвата обучением детей школьного возраста достигает 80 процентов²⁶. Однако можно напомнить, что еще в 1959 г. китайская официальная пресса заявляла о том, что процент детей, обучающихся в начальных школах, достиг 87 процентов. Где же правда?

Она в том, что многие школы, наспех созданные в период «большого скачка», были закрыты и дети опять

²³ «Жэньминь жибао», 6.II.1969 и 18.I.1969.

²⁴ Там же, 6.II.1969 и 6.I.1969.

²⁵ Г. Эйтнер. Образование и воспитание в коммунистическом Китае с 1949 по 1963 г., Франкфурт-на-Майне, 1964, стр. 2 (на нем. яз.).

²⁶ «Жэньминь жибао», 28.XII.1971.

■гались за их дверьми. В период «культурной революции» был провозглашен «хороший лозунг» — охотиться обучением всех детей школьного возраста, увеличить рабоче-крестьянскую прослойку в школах и т.д. Однако этот лозунг до сих пор остается всего лишь громкой фразой. Факты показывают, что линия Мао Цзэ-дуна в образовании является явной спекуляцией на отношении народа к знаниям, создает только иллюзию всеобуча.

В ходе «культурной революции» эта линия полностью продемонстрировала свою нежизненность, привела китайскую школу на край провала. Чтобы не свалиться в нее, пришлось срочно исправлять поло-

жение. Более здравые суждения пробивают себе дорогу. «Реабилитируются» изгнанные из программ дисциплины. Особое внимание обращается на преподавание естественных дисциплин, хотя говорится и о необходимости изучения, скажем, иностранных языков (преимущественно английского). На повестку дня поставлен вопрос о совершенствовании качества обучения, важным условием которого является повышение квалификации педагогов, подтягивание дисциплины, успеваемости. Все эти тенденции позволяют надеяться, что китайская школа выйдет из кризиса вопреки навязанному ей курсу.

Китайское кино сегодня

*С. А. Торонцев,
кандидат филологических наук*

В парижском журнале появилось интервью с Йорисом Ивенсом¹. Известный кинематографист поделился своими впечатлениями от поездки по Китаю, стране, которую он давно и хорошо знает. Главное внимание автор уделил сегодняшнему состоянию китайского кино. Что же открыл он читателям? Как понял те явления, что возникли в искусстве КНР, и в кинематографии в частности, во второй половине 60-х годов?

«Развитие нового искусства находится лишь в самом начале пути, однако «культурная революция» — весьма важный для истории социализма феномен», — заявляет Йорис Ивенс. Ни разгула хунвэйбиновщины, ни издевательства над творческой интеллигенцией, ни закрытых студий, ни «черных списков» запрещенных «реакционных фильмов». И вообще, судя по интервью, все, что творилось в последние годы в КНР, — явление нормальное, необходимое для развития страны.

Деятель искусства заявляет, будто бы в культуре КНР 1949—1965 гг. не было ничего иного, кро-

ме «пропаганды старого искусства» и «подражания искусству, импортируемому из Советского Союза». Примером первого он называет «внедрение стиля фильмов 30-х годов»; примером второго — постановки балетных спектаклей «Лебединое озеро», «Жизель», «Корсар».

О «стиле фильмов 30-х годов» речь в КНР шла неоднократно (причем весьма раздраженно) со времени «культурной революции». Прежнему руководству культурой среди многих прочих «грехов» вменялась вина и прокат лучших произведений прогрессивного китайского кино 30—40-х годов. Эти фильмы пользовались большой популярностью как среди зрителей, так и среди профессионалов-кинематографистов. Когда в 1957 г. был проведен Всекитайский конкурс, то одним из специальных призов отметили фильм «Ворона и воробей» (1948 г.) — о нищете и страданиях бедняков, разложении и деградации гоминьдановской верхушки. Прогрессивное китайское кино 30—40-х годов, мужавшее в годы общенационального антияпонского сопротивления, может быть яркой иллюстрацией к справедливым словам французского историка кино Жоржа Садуля о том, что «после 1930 г. кино повсюду становится одним из факторов борьбы за национальную независимость, свидетелем, больше того — участником боев за независимость, в которых оно черпало свою силу и самые свои художественные достоинства». Так оценивал Ж. Садуль и китайское кино 30-х годов, ставя его по силе революционного воздействия в

¹ «Africasia», № 59, 1972, p. 42—44.

² Жорж Садуль. Всеобщая история кино, т. 6, «Искусство», М., 1963, стр. 16.

дин ряд с советским³. Как видим, слишком далеко от правды утверждения парижского журнала о том, что «стиль фильмов 30-х годов» оказался роковым образом на развитии кино КНР.

То же самое относится и к словам «подражания искусству, импортируемому из Советского Союза».

О балетах «Лебединое озеро», «Жизель», «Корсар» в свое время, употребляя непечатные эпитеты, выказались хунвэйбины. Но и в центральной пекинской прессе часто появлялись соответствующие критические пируэты. И броская фраза ин-тервью, опубликованного в парижском журнале. ««Корсар» — балет, упоминающий о борьбе греческого юрсаара XVII века с алжирскими пиратами. Вот что выбирало искусство представителей «черной линии» за всей алжирской войны», — выглядит, хотел того автор или нет, прямой цитатой из «Жэньминь жибао». Советское кино оказало немалое влияние на развитие китайской кинематографии как до 1949 г., так и после образования КНР. И это естественно. В период национальной борьбы за освобождение и позже, во время социалистического строительства, китайские кинематографисты искали и находили для себя образцы в самой революционной кинематографии мира. Нынешняя популярность Ташкентского кинофестиваля стран Азии и Африки говорит о том, что борющиеся народы не мыслят своего пути вне оплодотворяющего контакта с социалистическими странами и их искусством. К сожалению, такое же естественное стремление кинематографов КНР было насильственно прервано пекинским руководством. Если в период чанкайшиского господства в Китай все же довозили советские фильмы (до 10 процентов от общего импортируемого количества), то сегодня — ни одного! Недоступны ныне китай-

скому зрителю и лучшие произведения кино итальянского, французского, американского, японского. Обидно за народ, мир познания которого столь искусственно ограничен.

В 1966 г., сразу же после начала «культурной революции», были закрыты студии, заморожено производство фильмов, в кинематографические учреждения направлены так называемые пропагандистские отряды, состоявшие преимущественно из военных, началось «перевоспитание» творческого состава. Из крупных творческих кинематографов публичному «осуждению» подверглись Ся Янь (сценарист, заместитель министра культуры), Тянь Хань (сценарист, председатель Союза театральных работников), Ян Хань-шэн (сценарист, секретарь парторганизации Ассоциации деятелей литературы и искусства), Цюй Бай-инь (сценарист, заместитель начальника Шанхайского управления кинематографии). Это лишь те, чьи имена встречаются в газете «Жэньминь жибао». Журнал «Цзуго» в 1968 г. называл фамилии 64 кинематографистов, подвергшихся «критике». Значительное число деятелей кино, несомненно, входило в те 160 тысяч работников литературы и искусства, которые еще в 1966 г. были направлены в деревню на «перевоспитание».

Из наиболее известных до «культурной революции» имен пока всплыло лишь одно — режиссер Се Те-ли. Он начинал в 50-е годы, был вторым режиссером фильма по повести Мао Дуня «Лавка Линя» (кстати говоря, тоже раскритикованного), затем перешел к самостоятельным постановкам (одна из них, «Безымянный остров», знакома нашим зрителям). В 1963 г. Се Те-ли экранизировал известную повесть писателя-коммуниста Жоу Ши, расстрелянного гоминьдановцами. Фильм «Февраль, ранняя весна» подвергся резкой критике в 1964 г. И тем не менее в мае 1970 г. «Жэньминь жибао» сообщила, что среди лиц, допущенных на

³ См.: «В защиту мира», № 71, 1957, стр. 20.

трибуны Тяньаньмынь, где зачитывалось очередное политическое заявление Мао Цзэ-дуна, присутствовал некогда опальный режиссер. В 1972 г. его имя появляется в списке гостей на приеме в честь президента США Р. Никсона.

Что касается запрещения проката, то в Китае нигде не публиковались на этот счет какие-либо официальные постановления. Но кто опровергнет сам факт пустого экрана, исчезновение фильмов, созданных до «культурной революции»?

Первенцем кинематографии Китайской Народной Республики стал фильм «Мост», созданный в освобожденном Чанчуне накануне провозглашения КНР. Он послужил как бы камертоном, на звучание которого стала настраиваться развивающаяся кинематография страны. В своих лучших образцах это было кино боевое, эмоциональное, увлекающее вперед, на путь революционного преобразования, строительства социализма в КНР, укрепления мира во всем мире. Кинематографический мир признал нового своего собрата и свидетельствовало тому — премии международных кинофестивалей. Преимущественно это были «Премии борьбы за свободу» и «Премии мира». Им удостоены такие ленты, как «Седая девушка», «Стальной солдат», «Дочери Китая», «Дочери партии», «Моление о счастье», «Баскетболистка № 5», кинокартины — экранизации спектаклей традиционного национального театра «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай», «Свадьба феи», фильмы мультипликационные, документальные, научно-популярные.

Однако кино КНР развивалось неровно, следуя за извилами политической линии в стране. И все чаще художественность в маоистском понимании становилась неким излишним «аппендиксом».

Маоизм, противопоставляя идейность художественности и тем самым отрывая содержание от формы, способствовал отмиранию жи-

зненной основы искусства. «Культурная революция» нанесла удар искусству не потому, что оно любят утверждать в Пекине, было «реакционным», а, напротив, потому что оно несло демократические, гуманистические элементы. И по сей день китайская печать пытается противопоставлять художественную правду идейной насыщенности.

Нигилизм пекинских руководителей по отношению к прошлому породил «черные списки» времен хунвэйбинщины. Центральная печать была сдержанней, но то, что писали она, и то, что мы встречаем, например, в пресловутом хунвэйбинском «Списке четырехсот фильмов, ядовитых трав и фильмов с серьезными ошибками»⁴, так разительно схоже по выражениям, стилю и оценкам, что вполне можно сделать предположение: пекинские власти «благословили» возникшую якобы «по инициативе масс» кампанию.

В «отрицательные» фильмы, «ядовитые травы», попали те произведения, в которых проявились опасные для маоизма идеи. Борьба эта находилась в стороне от политических интересов искусства, она была «насыщена парами борьбы за власть»⁵.

* * *

Некоторые критики полагают, что запрет — явление временное. «Многие из раскритикованных фильмов использовались для обвинений в адрес различных партий и истинная цель этой критики не сводилась к собственно фильмам. Поэтому, чтобы ответить на запреты кинопроката, основная масса фильмов, за исключением «наиболее зловонных», после проверки и одобрения, перемонтажа будучи вновь допущена на экраны»⁶. И действительно, несколько названий у-

⁴ Подробнее об этом см.: «Искусство кино», № 7, 1969, стр. 151—153.

⁵ «Цзуго», Гонконг, № 46, 1968, стр. 33.

⁶ Там же, стр. 35.

елькают на экранах. Однако с вы-
дами спешить не следует. Попро-
ем разобраться, насколько этот
гноз реален? В небезызвестном
роколе совещания по литератур-
художественной работе в армии
ебраль 1966 г.), первом директив-
м документе «культурной рево-
юции» в области литературы и ис-
сства⁷, кинопродукция прош-
х лет поделена на четыре катего-
ии — от произведений, принци-
льно противоречащих маоистским
станкам, до тех, которые еще
можно исправить». С той поры, од-
ко, прошло уже достаточно вре-
ени. И вполне можно было бы от-
ов перейти к делам. Но этого не
оизошло. Более того, уже не слы-
но и о самом Протоколе, связан-
м с именем ныне отстраненного
инь Бяо. А в одном из последних
фициальных документов пекинско-
о руководства относительно внут-
енней культурной политики⁸ уста-
овка о «критическом восприятии»
ечественной и зарубежной лите-
атуры и искусства прошлого оста-
ся все на том же «теоретическом»
овне, весьма далеком от практи-
еской реализации.

Недавно в Пекине заговорили о
которых произведениях, выпущен-
ых до «культурной революции».
ечь идет о художественных филь-
ах «Подземная война», «Минная
йна», «Ударим по агрессору»,
ультипликациях «Петух кричит в
лночь», «Два брата» и других.
ля зарубежного читателя в журна-
е, издающемся на английском языке,
были опубликованы сценарии⁹.
ервый из этих фильмов, «Подзем-
ная война», направили в загранич-
е турне. Газета «Монд» назвала
о «упавшим с какого-то иного не-
и метеоритом... невысокой художе-
венной и кинематографической

ценности»¹⁰. В другой рецензии его
откровенно назвали «обедненным»
и «обезличенным» искусством¹¹.

Необходимо, однако, заметить,
что ни «Подземная война», ни дру-
гие «реабилитированные» произве-
дения отнюдь не представляют всю
кинематографию КНР до «культур-
ной революции». Они создавались в
1965 г., в канун разгула хунвэйби-
новщины, что не могло не наложить
на них определенного отпечатка.
Поэтому возобновление проката
этих фильмов не есть еще восста-
новление в правах всей кинемато-
графии КНР.

На пути к этому стоят серьезные
причины как политического, так и
экономического характера. «Про-
верку», о которой писал журнал
«Цзуго», провести не сложно, «ис-
правления» можно наметить, хотя
нет гарантий, что в лихорадочных
порывах политического ветра в Пе-
кине эти «исправления» не устареют
и не станут «реакционными» еще до
того, как высохнут чернила. Гораз-
до сложнее с «перемонтажом».

Нельзя сказать, что кинопромыш-
ленность КНР в 1966 г. остановилась
полностью. Для тлеющего фильмо-
производства делали пленку и хи-
микалии (в городе Баодине был на-
лажен выпуск цветной кинопленки),
работала одна студия (Централь-
ная студия хроникально-докумен-
тальных фильмов, Пекин), велись
кое-какие небольшие изыскания и
разработки в области создания ма-
лоформатной и малогабаритной
проекторной аппаратуры для
«пропагандистских отрядов» в
отдаленных и труднодоступных
районах.

Однако вспомним, что еще в
1953 г. Государственный совет КНР
принял два постановления по раз-
витию кинематографии. В них ста-
вилась задача увеличения производ-
ства фильмов, повышения их идей-

⁷ Подробнее о нем см.: «Проблемы Даль-
него Востока», № 2, 1972, стр. 151—152.

⁸ «Развивать социалистическое литера-
турно-художественное творчество», «Жэнь-
инь жибао», 16.XII.1971.

⁹ «Chinese Literature», Пекин, № 4, 1970,
с. 5, № 12, 1971.

¹⁰ Цит. по газете «Борба», 19.II.1972,
стр. 8.

¹¹ «Jeune Afrique», № 581, 26.II.1972, p. 62.

ного и художественного уровня («с одной стороны, борьба с примитивизмом, с другой — с оторванными от действительности и завышенными требованиями»), говорилось о необходимости дублирования лучших иностранных фильмов, в первую очередь советских, как важного оружия воспитания, о значительном расширении кинофикационной сети в стране. В 1958 г. было выпущено на экран 178 художественных фильмов против девяти в 1949 г.; к 1960 г. вступили в строй 33 киностудии во всех провинциях, кроме Тибета (в 1949 г. их было лишь 3); если в 1949 г. в городах функционировало чуть более 600 кинотеатров и клубов, то к 1960 г. их стало почти 7,9 тысячи, а сеть передвижных сельских кинобригад (около 7 тысяч) охватила почти всю страну.

Все это кануло в вечность. Уже в докладе Ся Яня на Втором съезде кинематографистов (1960 г.) не было приведено ни одной перспективной цифры. Лишь туманно, в духе «большого скачка», призывалось к «большому, быстрейшему, лучшему, экономнейшему» развитию, причем главное внимание уделялось внедрению в кинотворчество «идей Мао Цзэ-дуна», изучению кинематографистами его трудов для широкой их пропаганды. Такова была основная задача, поставленная перед кинематографией КНР. И хотя развитие экономической базы кино в 60-е годы еще продолжалось, оно утратило свою роль воспитателя народа в марксистско-ленинском духе. Возможность полной кинофикации страны (количество кинотеатров в первом десятилетии КНР росло в среднем на 50 в год, зрителей — почти на 140 миллионов в год) не была реализована.

Таким образом, «проверка, исправления и перемонтаж» фильмов, выпущенных до «культурной революции», в большинстве своем кажутся нереальными при сегодняшнем политическом курсе Пекина.

* * *

Что же было создано в кинематографическом кино в период «культурной революции»? Кому служит китайское кино сегодня? В самом ли деле оно «красного цвета», как любят утверждать в Пекине? Или ближе к истине гонконгский журнал, заявивший: «Восславление Мао Цзэ-дуна получит всестороннее развитие в художественной, документальной, научно-популярной кинематографии». Но когда однажды культурная революция придет к концу, вся эта работа будет отброшена»¹².

Кино в сегодняшнем Китае — это «праздничный подарок», выпущенный к торжественной дате, а не обычное явление культурной жизни. В 1968 г. начали выпускать хроникальный киножурнал, который предполагалось сделать регулярным. Однако существование его прервалось уже в начале следующего года на втором десятке номеров. Фильмы в основном приурочиваются к каким-либо датам: в январе-феврале — Новый год, Праздник весны, в мае — годовщина яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна, в вопросах литературы и искусства — 1942 г., в июле — годовщина КПК, в августе — годовщина НОАК, в сентябре — годовщина образования КНР и т. д.

В мае этого года к тридцатилетия яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна, как сообщило агентство Синьхуа, было выпущено на экраны 10 новых документальных, научно-популярных, мультипликационных фильмов и 3 цветных фильма-спектакля. Помимо регулярно функционировавшей Центральной студии хроникально-документальных фильмов и время от времени подключающихся Пекинской, Шанхайской, армейской студии «1 августа», возобновилось производство на Сяньинской и Чжуцзянской студиях (правда, это сообщение ни о чем еще не говорит — так, в прошлом году Чанчуньская студия выпустила один фильм и этим ограничилась).

¹² «Цзуго», № 46, 1968. стр., 35.

Производство художественных фильмов в КНР со времен «культурной революции», по существу, прекратилось. Хотя в парижском интервью и сказано, что «в производстве находятся новые сценарии», однако в самом Пекине столь категоричному заявлению предпочитают туманные намеки.

Первый фильм-спектакль пресса восторженно приветствовала как «ласточку, возвещающую приход цветущей весны пролетарской кинематографии»¹³. С той поры вылетела уже не одна «ласточка», а «весны» что-то все не видно.

К настоящему времени выпущено двенадцать фильмов-спектаклей в жанрах балета и пекинской музыкальной драмы: «Красный женский отряд»¹⁴, «Седая девушка», «Ловкий захват Вэйхушань», «Шацзябан», «Красный фонарь», «Морской порт», «Песнь о Лунцзяне» и другие (а некоторые в двух вариантах — черно-белом телевизионном и цветном). Тенденция развития «новой» кинематографии КНР по пути создания фильмов-спектаклей вполне понятна. Театр является как раз тем «опытным полем», где уже давно ставятся маоистские эксперименты. Еще до «культурной революции» Цзян Цинь предприняла первую попытку «революционизации» пекинской музыкальной драмы, коренным образом перестроив ее сложившийся репертуар. В 1964—1965 гг. эта «реформа» отразилась на кинематографии: резко снизился выпуск оригинальных фильмов (собственно кинопродукции) за счет увеличения числа фильмов-спектаклей по «революционным современным пьесам». «Культурная революция» утвердила маоистские «новые критерии» на сцене в так называемых «образцовых революционных пьесах», после чего они стали распространяться на соседние области искусства.

В кинематографии на первом этапе «образцовые революционные пьесы» противопоставлялись «реакционным фильмам». В 1969 г. серия статей была посвящена именно такого рода критике отечественных и советских фильмов в сопоставлении с «блестящими образцами» маоистского театра. Причем, поскольку до последнего времени единственной темой были события борьбы с японцами и гоминьдановцами, основной упор делался на «изображении народной войны». Главный тезис такой критики состоял в утверждении того, что «образцовые революционные пьесы»-де «правильно воплотили идеи председателя Мао о народной войне», а «произведения ревизионистского искусства стирают грань между справедливыми и несправедливыми войнами, искажают революционную войну, порочат народную армию и народные массы, рекламируют бедствия войны, рисуют революционную войну приносящей страдания трагедией». «некоторые фильмы — ядовитые травы под флагом изображения революционной войны протаскивают нечто совсем противоположное», и потому, «противопоставляя образцовые революционные пьесы фильмам — ядовитым травам, мы еще яснее можем увидеть выдающиеся достижения этих образцовых революционных пьес».

Подобную критику трудно было поколебать, она следовала «логике»: «чтобы показать народную войну, художественное произведение должно показать и народную армию», а «для правильного показа народной армии в первую очередь необходимо показать, как народная армия владеет высшим сознанием — идеями Мао Цзэ-дуна»¹⁵. Под это, разумеется, не подпадают подлинно марксистские художественные произведения, и с точки зрения маоизма их

¹³ «Гуанмин жибао», 7.XII.1970.

¹⁴ Встречается иной вариант перевода — «Красный женский батальон».

¹⁵ Цитаты приводятся по «Жэньминь жибао», 18.VIII.1969, но подобные высказывания можно встретить и в других статьях.

несложно назвать «реакционными» — то есть маоистскими¹⁶.

После кампании «противопоставления» наступил этап «реализации». В октябре 1970 г. на экраны вышла первая лента из серии кинематографических вариантов «образцовых революционных пьес» — «Ловкий захват Вэйхушань». В течение следующих двух лет восемь из девяти «образцовых» спектаклей перекочевали на киноленту. Что они представляют из себя как кинематографические произведения? Возьмем самый характерный из них — «Красный женский отряд» (1971 г.).

Именно с этим фильмом-спектаклем «новое» кино КНР предприняло попытку вернуться на мировую арену. Мы помним прежние успехи китайского кино: отзывы ведущих кинематографистов (Чаплин, Садул и другие), очереди перед парижскими кинотеатрами на кинокартину «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай», призы кинофестивалей — в первую очередь таких представительных и подлинно прогрессивных, как Московский и Карлововарский. Но то было «старое» кино КНР. «Новое» же представило «Красный женский отряд» на Венецианский фестиваль 1971 г. — предприятие в основном коммерческое. Китайский фильм шел, как отмечала пресса, под аплодисменты «леваков». Затем он появился на экранах Стокгольма, Нью-Йорка, Парижа.

Что же это за фильм — «Красный женский отряд»? Это балетный фильм-спектакль. О продукции такого рода немецкий кинокритик говорит так: «Использование выразительных средств кино в целях репродукции, несомненно, оправдано тогда, когда снимаются выдающиеся балетные постановки, оперные спектакли и тому подобное. Однако, даже допуская, что такие репродукции осуществлены с учетом специ-

фических требований экрана, они, в сущности, почти не поднимаются выше так называемого «консервированного» театра... Это в лучшем случае побочное дело для кино»¹⁷. Но в «Красном женском отряде» «специфические требования экрана» учтены явно недостаточно. «Технические совершенства»¹⁸, которые у него находят, должны быть отнесены целиком на счет высокого колористического уровня американской пленки. Слово «фильм» есть в данном случае не видовая художественная характеристика произведения, а лишь обозначение его технической формы.

* * *

Кинематография КНР после «культурной революции» существует лишь в жанре документальном и в самое последнее время — научно-популярном. За прошедшие шесть с лишним лет выпущено немногим более полусотни лент, преимущественно короткометражных. По количеству это меньше одного только трудного 1950 г., первого года после Освобождения.

У китайской документальной кинематографии за плечами богатый опыт. Признание пришло к ней еще в 30-е годы, когда на конкурсных просмотрах в Бельгии (1936 г.) был «особо отмечен» документальный фильм «Весна крестьянина». Славная страница — 1938 год. В центре Освобожденных районов была создана Яньаньская группа при политотделе штаба Восьмой армии. Условия работы были тяжелейшими, ощущалась острая нехватка и аппаратуры, и пленки, и химикалий, и профессионального опыта. Но был энтузиазм немногочисленной группы, была помощь друзей китайской революции. Именно в этот период был снят в тылу противника фильм «Яньань и Восьмая армия» — нача-

¹⁶ Анализ исходных позиций пекинской критики см. в сб.: «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна». «Мысль», М., 1970.

¹⁷ Зигфрид Кракауэр. Природа фильма, «Искусство кино», № 5, 1972, стр. 150.

¹⁸ «Volksstimme», 8.IX.1971, S. 7.

ло народной документальной кинематографии.

После 1949 г. открылась ее новая страница. Особое внимание было обращено на необходимость запечатлеть новую жизнь народа в наиболее правдивой форме — форме кинодокумента. В Постановлении Государственного совета об усилении работы по производству кинофильмов, принятом в 1953 г., говорилось: «Хроникально-документальные фильмы должны сообщать об успехах народа нашей страны в деле социалистических преобразований и о его вкладе в дело защиты мира во всем мире». Отдел хроникально-документальных фильмов Пекинской студии был выделен в самостоятельную Центральную студию хроникально-документальных фильмов. Этот процесс продолжался, и к концу 1958 г. документальные ленты уже стали выпускать почти во всех провинциях и крупных городах. О событиях в стране и мире регулярно сообщали периодические киножурналы «Китай сегодня», «Новости», «Новая деревня», «Наука и техника», «Новый спорт», «Новое детство» и другие. Выходя со строгой регулярностью, они правдиво и всесторонне информировали зрителя об актуальных событиях дня, о новых делах, лучших людях. Вот, например, содержание первого номера киножурнала «Новая деревня», вышедшего на экраны в январе 1955 г.: «Вступление в кооператив», «Сельский почтальон», «Замечательный повар», «В сельском клубе», «Поставки сельскохозяйственной техники». Злободневно и широко — таким и должен быть киножурнал, авторы которого внимательно всматриваются в жизнь страны, принимают близко к сердцу успехи социалистического строительства и жаждут рассказать об этом широким массам зрителей.

Столь же многогранны, как и хроника, были когда-то документальные фильмы, короткометражные и полнометражные, черно-белые и цветные. Один из первых и лучших,

«Сопrotивление Америке, помощь Кореи», был в 1952 г. отмечен призом на VII Карлововарском кинофестивале. О трудовых успехах китайского народа на пути к социализму рассказывали фильмы «Великая аграрная реформа», «Аньшаньский металлургический строится». Больше половины всей документальной кинопродукции было посвящено теме строительства промышленности и сельского хозяйства. Причем многие фильмы, такие, например, как «Великое начало», повествовали о бескорыстной братской помощи Советского Союза и социалистических стран китайскому народу. О боевой дружбе социалистических армий рассказал фильм «Сердца народов», совместно снятый китайской и чехословацкой армейскими студиями. Многие документальные фильмы с благодарной памятью вспоминали имена погибших за свободу народа коммунистов («На родине Пэн Бая»), выдающихся деятелей демократической культуры («Жизнь Лу Сяня»). Документальное кино КНР верно, правдиво служило своему народу, участвуя в строительстве социализма.

Все́му этому пришел конец в годы «культурной революции». Началась «новая» в кинематографии КНР полоса прославления взрывов атомных бомб — фильм «Великие победы идей Мао Цзэ-дуна» (1966 г.). Характерным для этой «новой» эпохи стала узость тематики, посвященной исключительно воспеванию культуры личности Мао Цзэ-дуна. До 1969 г. (который считается этапом в развитии нынешних событий в КНР — так называемый IX съезд КПК официально закрепил «завоевания» хунвэйбинских орд, после чего они были отстранены и началось «урегулирование») документалисты «культурной революции» фиксировали на пленке только встречи Мао Цзэ-дуна и Линь Бяо с хунвэйбинами, многочисленными и не слишком представительными иностранными делегациями, посещение Мао Цзэ-дуном балета «Седая девушка» (од-

ной из «образцовых» пьес) и остальное в том же духе. Апогеем культовых «страстей по Мао» стал фильм о IX съезде КПК, суть которого сводилась к «нескончаемому, почти истеричному возвеличиванию Мао. Это фильм о массовой истерии, длящийся более часа», и с точки зрения зрителя, «это весьма эксцентрический документальный фильм, монотонный и утомительный»¹⁹. Немалое место в кинематографии того года занял антисоветизм, вторая по «значимости» тема сегодняшнего кино КНР: пять из двенадцати лент были откровенно и полностью антисоветскими. Так кинематограф «культурной революции» ярко продемонстрировал свою абсолютную зависимость от политических капризов Чжуннаньхая.

В большой степени именно этим вызваны те «аплодисменты», которыми ныне на Западе кое-кто одаряет «новые» китайские фильмы. Пекин экспортирует на Запад антисоветские фильмы, фильмы, пропагандирующие известный маоистский политический принцип «винтовка рождает власть», пресловутую «теорию» Мао Цзэ-дуна об «окружении города деревней». «Революция» как бунт, анархия импонирует насаждаемому в капиталистическом мире культу насилия и может быть неким предохранительным клапаном, оберегающим буржуазное общество от подлинно революционных выступлений. «Теория» же «окружения города деревней», игнорируя пролетариат, классово наиболее сознательную часть трудящихся, объективно служит эксплуататорам, цепляющимся за свое господство.

Среди прочих фильмов Пекин сегодня охотно вывозит на буржуаз-

ный Запад документальную ленту «Большой Нанкинский мост через Янцзы», снятую еще в 1969 году. Развивающиеся страны, на роль лидера которых претендует Пекин, не удовлетворяются импортом восклицательных знаков, а предпочитают развивать экономику. Поэтому маоистам необходимо продемонстрировать «примеры» своей политики «опоры на собственные силы». Нанкинский мост — одна из немногих «подходящих» иллюстраций. Вот и пущен на экраны фильм о его многолетнем трудном строительстве. Фильм начинен антисоветизмом и, как верно замечает газета «Юманите», целиком посвящен утверждению одной лишь мысли, что «без Мао Цзэ-дуна не может существовать ничто»²⁰.

В последнее время, правда, «новое» кино КНР внешне чуть отошло от той одноплановости, которая была характерна для периода «культурной революции». Появились фильмы с такими названиями, как «Реплантиция отсеченной конечности», «Гимн на промышленном фронте», «Электротехническая бригада имени 8 Марта, работающая без выключения тока», и т. д. Однако говорить о подлинном возрождении кинематографа, столько лет пребывавшего в шоковом состоянии, пожалуй, еще рано. Пока что он выполняет лишь роль послушного слуги пекинских руководителей, начисто утратив былые подлинно революционные традиции, верность жизненной правде.

И тем не менее мы верим в подлинное возрождение кино КНР, верим в то, что оно выйдет из того кризисного состояния, в котором оказалось благодаря антинародной политике маоистского руководства.

¹⁹ «China News Analysis», 4.VII.1969.

²⁰ «L'Humanité», 29.I.1972, p. 8.

Выдающиеся произведения творческого марксизма-ленинизма

К 60-летию статей В. И. Ленина о Китае

*Е. Ю. Богуш,
кандидат исторических наук,
профессор*

Шестьдесят лет тому назад в связи с Синьхайской революцией в Китае и развертыванием антиимпериалистической борьбы в других странах Азии В. И. Ленин опубликовал ряд статей, посвященных проблемам национально-освободительного движения. Среди этих работ — «Демократия и народничество в Китае», «Обновленный Китай», «Пробуждение Азии» и другие. Поставленные в них теоретические и практические вопросы революционной борьбы и выводы, сделанные в результате глубокого исследования, всегда были актуальными и исключительно ценными для революционеров всего мира. Они являются таковыми и сейчас.

Появление ленинских статей — конкретное выражение того огромного интереса и значения, которое коммунисты всегда придавали проблемам национально-освободительного движения на Востоке. Уже К. Маркс и Ф. Энгельс проделали гигантскую работу по изучению национально-освободительного движения в Индии, Китае, на Ближнем Востоке. Они не представляли себе создания основ международной политики рабочего класса без такой работы и пришли к выводу, что национально-освободительная борьба в колониях вместе с рабочим движением в капиталистических странах — это одно целое, составляющее единый революционный процесс.

В. И. Ленин продолжал славные традиции К. Маркса и Ф. Энгельса и внимательно следил за событиями в Китае, Индии, Индонезии, в арабских странах. Его статьи по проблемам национально-освободительного движения народов Востока проникнуты глубокой симпатией к антиимпериалистической борьбе этих народов. Лейтмотив статей — сотни миллионов людей в Азии просыпаются к жизни, к свету, к свободе. Большую роль в этом сыграла революция в России 1905 г., оказавшая влияние на борьбу народов Китая, Индии, Персии, Турции. Рост и укрепление могучего демократического движения в азиатских странах означали быстрое и неуклонное накопление горячего материала в мировой политике.

Огромный политический и научный интерес представляет обстоятельная характеристика деятельности Сунь Ят-сена и его соратников, данная В. И. Лениным наиболее полно в статье «Демократия и народ-

ничество в Китае». Особенно важным в этой статье был и остается сам по себе подход к оценке такого сложного явления, как взгляды революционных демократов, их формирование и характер в условиях стран Востока. В. И. Ленин вскрыл все плюсы и минусы в теории и практике китайских революционеров того времени, показал их выдающиеся достоинства, а также серьезные недостатки и ошибки.

Только на путях доброжелательства по отношению к различным направлениям в антиимпериалистических движениях В. И. Ленин считал возможным находить правильное решение проблем взаимоотношений коммунистов с революционными демократами, за которыми стояли огромные массы населения азиатских стран, включившихся в политическую борьбу. В отношении Китая, в частности, учитывался тот факт, что идейно-политическая платформа Сунь Ят-сена опиралась непосредственно на развертывавшееся движение сотен миллионов людей. «Перед нами,— писал В. И. Ленин,— действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая»¹.

Длительная борьба китайского народа завершилась в 1911 г. свержением маньчжурской монархии и установлением республиканского строя. Однако это было лишь первым шагом на пути к свободе и независимости китайского народа. Интересы иностранных империалистов и китайских феодалов пока еще не были непосредственно затронуты. Тем не менее В. И. Ленин высоко ценил усилия сторонников республики и противников монархического режима в Китае, которым удалось ценой многочисленных жертв изменить государственный строй своей страны.

Эта положительная оценка объясняется, в частности, тем, что В. И. Ленин всегда придавал огромное значение борьбе за демократию. Во многих его работах, опубликованных накануне первой мировой войны, этот вопрос подвергался всестороннему освещению. Среди этих работ статья «Демократия и народничество в Китае» занимает важное место. Борьба за демократию есть составная часть борьбы за социализм, борьба за демократию не только не отдаляет социализм, но, наоборот, приближает его — этот вывод пронизывает многие страницы ленинских произведений, посвященных анализу актуальнейших проблем революционной борьбы в различных странах независимо от уровня их развития.

В. И. Ленин, разумеется, был далек от того, чтобы идеализировать реальное положение в стране, которую возглавил Сунь Ят-сен, порядки «...в диком, мертвом, азиатском Китае»². Но Ленину в высшей степени импонировал этот человек, который задался целью превратить свою страну в демократическое государство с высокоразвитой экономикой. Боевой, искренний демократизм — главная, наиболее характерная черта всей идейно-политической платформы Сунь Ят-сена. Ему не было свойственно пренебрежительное отношение к политической свободе, он хорошо понимал, насколько чужд китайской монархии дух конституционных преобразований.

Все это, по словам В. И. Ленина, отнюдь не означало, что свет светит только с Востока. Как раз наоборот, Восток окончательно встал на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 401.

² Там же.

дорожку Запада, от которого передовые представители Китая и других азиатских стран заимствовали свои освободительные идеи. Но западная буржуазия, которая в течение долгого времени была носителем этих идей, уже шла в своем развитии вниз, по наклонной плоскости. «А в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проведников и великих деятелей конца XVIII века во Франции»³.

В. И. Ленин обратил внимание на крайне интересную деталь в процессе формирования взглядов буржуазных демократов в Китае и других странах Азии: они очень сильно походили на взгляды русских народников. Сунь Ят-сен, например, не будучи обстоятельно знаком с социально-экономическим положением в России, поставил перед революционными силами своей страны вопросы, которые ставили в свое время у себя русские народники. Его сходство с последними было так велико, что доходило до полного тождества основных мыслей и целого ряда отдельных выражений. Это объяснялось значительным сходством социально-экономических условий многих районов России и стран Азии. «Россия,— отмечал В. И. Ленин,— в очень многих и очень существенных отношениях, несомненно, представляет собой одно из азиатских государств...»⁴.

Русская революция 1905 г. и испытавшие ее влияние революционные события в Китае, Турции, Персии привели В. И. Ленина к выводу о том, что буржуазная по своему существу демократия в России и в других странах Азии была окрашена в народнический цвет. Выяснению соотношения буржуазного демократизма и народничества в происходивших в то время буржуазных революциях в Азии В. И. Ленин придавал большое теоретическое и практическое значение.

Известно, что народническая идеология являлась разновидностью утопического социализма и получила широкое распространение в странах, в которых преобладало крестьянское население. Русские народники считали возможным миновать капиталистическую стадию развития и непосредственно перейти к социализму через крестьянскую общину. Неотъемлемой частью их идеологии было непримиримое отношение к крепостничеству и самодержавию.

Известен дифференцированный подход В. И. Ленина к революционным и либеральным народникам при оценке их социально-экономических программ. Подчеркивая огромное значение демократизма революционных народников, он решительно критиковал их субъективную социологию, которая игнорировала объективные законы общественного развития и отрицала само понятие исторической необходимости. Именно такая система взглядов и породила стремление народников задерживать, остановить процесс капиталистического развития в России, хотя он уже шел полным ходом. В. И. Ленин, разумеется, не разделял и утверждений народников, что развитие капитализма в России — это упадок и регресс, поскольку в ходе такого развития происходил процесс ликвидации крестьянской общины, и т. д.

Таковую же народническую окраску носила на себе и идеология суньятсенизма. Сунь Ят-сен твердо придерживался того мнения, что проведения одной только «расовой» революции, иначе говоря, национальной революции, против иноземного гнета совершенно недостаточно, чтобы сделать китайский народ счастливым. Необходимо для этого осуще-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 402.

⁴ Там же, стр. 401.

ствить революцию социальную, то есть воплотить в жизнь третий принцип его программы — народное благосостояние⁵.

«Ныне,— говорил он в 1912 г.,— когда маньчжурско-цинское правительство свергнуто и установлен республиканский строй, два пункта программы — национализм и народовластие — уже выполнены. Теперь нам предстоит осуществить принцип народного благосостояния»⁶.

По мнению автора этого принципа, главным средством решения социальных проблем в Китае являлась передача государству собственности на землю и, таким образом, земельной ренты. «Наше государство, собирая одну только земельную ренту, станет самым богатым в мире». Сунь Ят-сен мечтал о том, что в результате таких преобразований китайский народ станет зажиточным, ибо непосильные налоги будут отменены, цены на товары снижены «и политике злоупотреблений, царившей у нас в течение нескольких тысячелетий, придет конец. Такого никогда еще не бывало... Такая социальная революция, несомненно, явится примером для всех цивилизованных стран»⁷.

Сунь Ят-сен подчеркивал, что результатом воплощения в жизнь принципа народного благосостояния будет не что иное, как государственный социализм⁸. Он не видел каких-либо трудностей на пути к этой цели. «Социальную революцию в Англии и Америке трудно осуществить именно потому, что цивилизация там шагнула далеко вперед, что промышленность и торговля достигли высокого уровня. В Китае цивилизация почти не развита, как не развиты промышленность и торговля, а поэтому совершать социальную революцию здесь легко. В Англии и Америке уже есть капиталисты; там много препятствий, преодоление которых и составляет основную трудность. В Китае же капиталистов нет, препятствия еще не возникли, поэтому осуществить революцию здесь легко»⁹. При этом в отличие от Англии и Америки, где при проведении социальной революции, возможно, придется прибегнуть к вооруженной силе, социальная революция в Китае не требует применения оружия¹⁰.

Итак, речь шла о том, чтобы «предупредить» капитализм в стране, осуществить с помощью ряда экономических мероприятий «социализм», минуя капиталистическую стадию развития. В. И. Ленин показал, что эти планы носили утопический, реакционный характер, что предусмотренные Сунь Ят-сеном меры с целью «предупреждения» капитализма в Китае могли привести только, наоборот, к его развитию. В. И. Ленин отметил, что предложение о передаче ренты государству, то есть о национализации земли, было разработано Сунь Ят-сеном в духе идей Генри-Джорджа — известного в прошлом веке американского экономиста. Путем национализации земли буржуазным государством последний предполагал разрешить все социальные противоречия капитализма. Фридрих Энгельс в одной из своих статей в 1887 г. показал всю несостоятельность подобных рекомендаций. «То, чего требует Генри Джордж,— писал Ф. Энгельс,— оставляет нынешний способ общественного производства нетронутым и было в сущности предвосхищено крайним крылом буржуазных экономистов рикарднанской школы, которые тоже требовали конфискации земельной ренты государством»¹¹.

⁵ См.: Сунь Ят-сен. Избранные произведения, изд-во «Наука», М., 1964, стр. 138.

⁶ Там же, стр. 147.

⁷ Там же, стр. 129.

⁸ Там же, стр. 149.

⁹ Там же, стр. 138.

¹⁰ Там же, стр. 139.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 350.

Но В. И. Ленин, доказав несостоятельность стремлений Сунь Ят-сена «предупредить» развитие капитализма в Китае, не поставил на этом точку. Он подчеркнул тот важнейший факт, что китайские демократы выдвинули свою программу аграрных преобразований, потому что искренне сочувствовали социализму в Европе, и это их сочувствие является субъективным социализмом. Объективные же условия этой огромной азиатской страны ставили на повестку дня совсем другой вопрос — ликвидацию феодальных отношений. И в этих условиях суньятсеновская теория «предупреждения» капитализма играла практически роль идейного обоснования максимально-капиталистической аграрной программы. В. И. Ленин великолепно вскрыл диалектику общественных отношений в Китае и отражение ее в платформе Сунь Ят-сена.

В какой мере китайским демократам удастся разрушить феодализм во всех его видах и направлениях — это, подчеркивал В. И. Ленин, зависит от международных и внутривнутриполитических условий. «Решит международная обстановка и соотношения общественных сил в Китае»¹². В. И. Ленин отметил, что революционная буржуазная демократия, представляемая Сунь Ят-сеном, правильно ищет пути обновления Китая в развитии самостоятельности и решительности крестьян. При этом им была высказана уверенность, что будет расти и китайский пролетариат, который со временем создаст свою партию для руководства крестьянством и китайской революцией: «...поскольку будет расти в Китае число Шанхаев, будет расти и китайский пролетариат. Он образует, вероятно, ту или иную китайскую социал-демократическую рабочую партию, которая, критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сунь Ят-сена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы»¹³.

Этими словами В. И. Ленин закончил знаменитую статью «Демократия и народничество в Китае».

Известно, что после кратковременного пребывания у власти Сунь Ят-сен оказался вынужденным передать президентский пост Юань Шикаю. Закончилась короткая буржуазно-парламентская «весна» в Китае¹⁴. Развитие событий в этой стране показало, насколько был прав В. И. Ленин, писавший с большой тревогой осенью 1912 г. в статье «Обновленный Китай»: «Сумеют ли крестьяне, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию *против* либералов, которые только ждут удобного момента, чтобы перекинуться направо,— это покажет недалекое будущее»¹⁵.

Недалекое будущее действительно показало, что либеральная буржуазия взяла верх над революционными демократами и остановила дальнейшее развитие революции. Сунь Ят-сен эмигрировал за границу¹⁶. Созданная им национальная партия — гоминьдан — находилась в состоянии полного разброда. Рухнули все надежды китайских демократов осуществить социальную революцию и воплотить таким образом в жизнь принцип народного благосостояния легко, без классовой борьбы, без кровопролития. «При этом мы полагали,— писал, сокрушаясь, Сунь Ят-сен,— что Юань Шикай, как китаец, будет заботиться о благе Ро-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 406.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: «Новейшая история Китая», институт Дальнего Востока АН СССР, изд-во «Мысль», М., 1972, стр. 35.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 191.

¹⁶ См.: С. Л. Тихвинский. Вступительная статья. В кн.: Сунь Ят-сен. Избранные произведения, стр. 18, 19.

дины, учитывали, что пост президента — не титул монарха, утверждающего династию на века, и тешили себя мыслью, что он сумеет перемениться к лучшему... Кто мог предвидеть, что в безумстве своем он посягнет на неприкосновенное и под видом централизации власти вероломно приберет к рукам наше государство?»¹⁷

В те тяжелые для Китая годы, когда иностранные империалисты в союзе с Юань Ши-каем и феодалами продолжали нещадно грабить страну, В. И. Ленин в своей статье «Крупный успех китайской республики» беспощадно бичевал правителей великих капиталистических держав за то, что они в своих грабительских целях использовали тяжелые финансовые затруднения Китая¹⁸.

Несмотря на поражение Синьхайской революции, В. И. Ленин был убежден в том, что плоды деятельности китайских демократов не пропадут даром. В статье «Борьба партий в Китае» он снова отмечал крупные недостатки вождя китайской демократии — мечтательность и нерешительность, обусловленные тем, что у него не было пролетарской опоры. Однако, втягивая в движение и в политику массы крестьян, партия Сунь Ят-сена все более и более становилась «великим фактором прогресса Азии»¹⁹.

Нельзя не обратить внимания на пророческие слова В. И. Ленина в его знаменитой статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса», опубликованной в 1913 году: «Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизированные» гниены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах»²⁰. Не случайно, что эти слова были написаны в статье, посвященной 30-летию со дня смерти Карла Маркса. В. И. Ленин, говоря в ней об исторических судьбах марксизма, подвел итоги развития мирового революционного процесса за несколько десятилетий. Одним из этих итогов заключался в том, что «...открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии»²¹. В приведенных словах В. И. Ленина о Китае содержалось великое предвидение дальнейшего процесса развития национально-освободительной борьбы как составной части мирового революционного движения.

Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала окончательному превращению сотен миллионов поработанных людей Востока в активный фактор мировой политики. Первое в мире рабоче-крестьянское государство показало им пример революционного разрушения всех форм и видов колониального и национального угнетения, пример подлинно равноправных отношений между народами и странами. «Старому миру классового и национального гнета, национальной розни и обособления Коммунистическая партия, рабочий класс противопоставили новый мир единства трудящихся, в котором нет места для малейшего угнетения человека человеком, одной нации другой, для каких-либо национальных привилегий»²². Огромное впечатление на Сунь Ят-сена, на всех китайских революционеров произвели заявления Советского правительства, в которых говорилось об отказе Советской России от неравноправных договоров, заключенных царизмом с Китаем.

¹⁷ Сунь Ят-сен. Избранные произведения, стр. 153.

¹⁸ См.: В. И. Ленин. Крупный успех Китайской республики, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 28—29.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 140.

²⁰ Там же, стр. 3.

²¹ Там же.

²² «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г.», М., Политиздат, 1972, стр. 6.

Сунь Ят-сен назвал Октябрьскую революцию в России «великой надеждой человечества». В телеграмме В. И. Ленину, которую он направил в 1918 г., говорилось: «Китайская революционная партия выражает свое глубокое почтение революционной партии вашей страны за ее тяжелую и несравненную борьбу и жаждет сплочения революционных партий Китая и России для совместного ведения борьбы»²³ (подчеркнуто мною. — Е. Б.).

Величайшая ленинская мудрость, проявившаяся в объективной оценке платформы китайских демократов во время Синьхайской революции 1911—1912 гг., нашла свое новое яркое выражение в инициативе В. И. Ленина по установлению после Великого Октября братских отношений между Советской Россией и правительством Сунь Ят-сена в Южном Китае. И в данном случае В. И. Ленин твердо и последовательно придерживался линии на соединение социалистической и национально-освободительной революции в единый поток мирового антиимпериалистического движения.

Сунь Ят-сен прекрасно понимал и высоко ценил ту роль, которую играл и продолжает в наши дни играть Советский Союз в борьбе народов Азии и других континентов за национальное и социальное освобождение.

Революционное движение в Китае после тяжелых и долгих испытаний завершилось в 1949 г. провозглашением Китайской Народной Республики. Перед Китаем наконец-то открылась реальная перспектива социалистического развития. В течение первого десятилетия своего существования КНР достигла в строительстве новой жизни больших успехов. В значительной мере эти успехи объясняются тем, что молодая республика в своем развитии опиралась на дружбу с СССР, со всеми социалистическими государствами, на международную пролетарскую солидарность.

Нормальный ход социалистического строительства в КНР прекратился, как только руководители КПК порвали с марксизмом-ленинизмом, с международным коммунистическим движением и противопоставили себя Советскому Союзу и другим странам социализма. Это явилось неизбежным результатом перехода маоистов на позиции великодержавного, великоханьского шовинизма и гегемонизма.

Действия маоистов на международной арене направлены на подрыв единства сил социализма и национально-освободительного движения. В этой обстановке статьи В. И. Ленина о Китае и других странах Востока, опубликованные 60 лет тому назад, оказывают огромную помощь коммунистическим партиям в борьбе с маоистскими раскольниками. Статьи В. И. Ленина особенно ценны для успешной деятельности социалистических государств по укреплению их связей с афро-азиатскими странами, вступившими на некапиталистический путь развития. Сейчас крайне важно использовать ленинские идеи и традиции пролетарской солидарности в отношениях с революционными демократами наших дней. Развитие связей с ними является в современных условиях крайне важным моментом в процессе укрепления всего антиимпериалистического лагеря. Статьи В. И. Ленина — это могучий призыв к единству и сплоченности всех революционных сил современности.

²³ «Дружба», Пекин, 28.XI.1956.

Великий подвиг советского народа на Дальнем Востоке

*А. Т. Якимов,
кандидат исторических наук*

Автор данной статьи — член КПСС с 1917 г., активный участник освобождения советского Дальнего Востока от белогвардейских банд и войск интервентов — Аристарх Тихонович Якимов был членом ЦИК Советов Сибири, депутатом Учредительного Собрания Дальневосточной Республики, заместителем начальника Политуправления Народно-революционной армии ДВР, принимал участие в боях под Волочаевкой и в Приморье.

25 октября 1972 г. советский народ отмечал 50-летие освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. В этот день 50 лет назад во Владивосток вступили наши революционные войска и последний солдат из войск японских интервентов покинул город. Так завершилась пятилетняя борьба трудящихся Дальнего Востока под руководством Коммунистической партии против интервентов и белогвардейцев.

Она началась боями с бандами атамана Семенова, сформированными и вооруженными японскими милитаристами в Маньчжурии и вторгнувшимися в январе 1918 г. в Забайкалье. В этих боях нашими войсками командовал С. Г. Лазо. Семеновцы были разбиты и бежали обратно в Маньчжурию под защиту своих японских хозяев. Но вскоре, в начале апреля 1918 г., семеновцы вновь вторглись в Забайкалье. Одновременно с этим произошло открытое вторжение империалистических войск во Владивосток, где 5 апреля был высажен японский, а затем английский десанты.

В. И. Ленин, получив об этом донесение, послал Владивостокскому Совету телеграмму, в которой дальневосточным большевикам давалась директива об организации борьбы с иностранной интервенцией. Он писал: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод ваго-

нов и локомотивов, готовыте мишные заграждения около Иркутска или в Забайкалье»¹.

Высадка десантов была первым актом интервенции.

Вскоре империалисты предприняли новый удар; они использовали в своих целях чехословацкий корпус бывших военнопленных, находившийся в Советской России. Этому корпусу Советским правительством была разрешена эвакуация на родину, и его эшелоны следовали по транссибирской магистрали на Владивосток, откуда чехословаки должны были морем следовать далее. В мае 1918 г. эшелоны корпуса растянулись по магистрали от Пензы до Владивостока. Пользуясь этим, командование корпуса по сговору с империалистами и по их указанию подняло в конце мая 1918 г. антисоветский мятеж и при поддержке местных белогвардейцев захватило ряд городов Урала и Сибири.

ЦИК Советов Сибири, находившийся тогда в Иркутске, организовал борьбу с белочехами и задержал их продвижение на восток в районе Нижнеудинска. Однако после полуторамесячных боев наши войска под давлением превосходящих сил противника отступили к Иркутску и 10 июля 1918 г. оставили его. Но продолжались бои в районе Байкала.

Боями на Прибайкальском фронте руководил П. К. Голиков. Одновременно с боями под Нижнеудинском и на Прибайкальском фронте велись сражения на Даурском фронте против атамана Семенова. Затем в связи с восстанием белочехов во Владивостоке Дальневосточный Совет народных комиссаров, находящийся в Хабаровске, организовал для борьбы с ними новый Уссурийский фронт под командованием В. В. Саковича.

Борьба на всех этих фронтах велась успешно. К 20 июля 1918 г. семеновцы были разгромлены и вновь бежали в Маньчжурию. На Уссурийском фронте наступление белочехов в конце июля было остановлено, и они были вынуждены отступить. Однако на Прибайкальском фронте продолжались ожесточенные бои. Трудящиеся Забайкалья и Дальнего Востока под руководством большевиков даже в условиях отсутствия связи с центром Советской России успешно сопротивлялись натиску белогвардейцев и белочехов. Учитывая это, империалисты решили непосредственно ввести в бой свои войска, начать прямую военную интервенцию.

3 августа 1918 г. во Владивостоке высадились английские войска, 8 августа — французские, 11 августа — японские, 15 августа — американские. Отряды интервентов сразу же направлялись на фронт против наших войск и были объединены под командованием японского генерала Отани. В боях участвовали две японские дивизии. Разоблачая разбойничьи действия империалистов, В. И. Ленин писал: «Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся (если верить французским газетам) до Никольска-Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса»².

После вступления в войну крупных контингентов хорошо обученных и вооруженных войск интервентов стало очевидным превосходство сил противника и нецелесообразность ведения фронтовой войны. В связи с этим Центросибирь и Дальсовнарком приняли в конце августа 1918 г. решение о переходе к партизанским методам ведения войны против

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 216.

² Там же, т. 37, стр. 38.

интервентов и белогвардейцев. Командиры и красноармейцы фронтовых частей, уйдя в тайгу, создали прочную боевую основу партизанских отрядов, формируемых подпольными парторганизациями.

Борьба против белогвардейцев и интервентов за власть Советов продолжалась. К 1920 г. на Дальнем Востоке действовало около 200 партизанских отрядов общей численностью до 50 000 человек. Партизанское движение приняло массовый характер, а в городах росло забастовочное движение рабочих; всей этой борьбой трудящихся руководили подпольные большевистские организации.

Надо отметить, что в партизанском движении и в подпольной работе активное участие принимали китайские и корейские трудящиеся, проживавшие тогда в Приморской и Амурской областях. Под руководством большевистских организаций был сформирован ряд китайских и корейских партизанских отрядов, успешно участвовавших в боевых операциях против интервентов и белогвардейцев. Дальневосточный подпольный комитет РКП(б) в докладе, посланном в январе 1920 г. в ЦК партии, особо отметил этот факт массовой пролетарской солидарности.

Местные малые народности также проявляли солидарность с русским народом в борьбе против оккупантов и белогвардейцев. Так, например, на съезде представителей гиляков (Приамурье) в числе 179 делегатов от 20 стойбищ 16 февраля 1920 г. было принято решение об усилении помощи партизанским отрядам. В решении говорилось: «Мы, гиляки, требуем, чтобы японские отряды не посещали наши стойбища и скорее оставили нашу землю, в которой устройство порядка принадлежит нам самим. Мы против непрошенных нами пришельцев будем делать вооруженное сопротивление вместе с русскими крестьянами и партизанскими отрядами» (см. Героические годы борьбы и побед. Москва, 1968).

Успехи Красной Армии по разгрому колчаковщины еще более активизировали борьбу советских патриотов на Дальнем Востоке, и вот в конце января 1920 г. партизанами были заняты Владивосток и другие города Приморья, а в феврале партизанами были освобождены от интервентов и белогвардейцев Прибайкалье и Амурская область.

Но белогвардейцы еще оставались в Чите и в восточной части Забайкалья. Ликвидация этого последнего оплота белогвардейцев не составила бы большого труда, хотя у Семенова и было около 35 000 солдат и казаков, но ему помогали японские войска, находившиеся тогда в Чите, в Забайкалье и в Приморье. Партизанам было не под силу изгнать их. Казалось бы, это могла сделать Красная Армия, уже находившаяся в Иркутске. Однако вступление Красной Армии в Забайкалье и столкновение с находившимися там японскими войсками привело бы к войне с Японией, чего нельзя было допустить.

Главная опасность Советской России тогда грозила со стороны буржуазно-помещичьей Польши, Врангеля и Деникина, и поэтому основные силы Красной Армии были сосредоточены на западе и юге страны. Одновременно с этим вступать в войну с Японией на востоке было невозможно. Поэтому было решено временно воздержаться от установления Советской власти на Дальнем Востоке и по предложению В. И. Ленина на территории этого края создавалась Дальневосточная республика в качестве временного государственного образования. Эта республика должна была играть роль буфера между РСФСР и Японией. В. И. Ленин, касаясь этого вопроса в докладе на заседании коммунистической фракции VIII съезда Советов, говорил: «...обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Даль-

невосточной республики... Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»³.

* * *

Создание буферного государства не означало отказа от борьбы за освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Борьба продолжалась, но без прямого участия в ней Красной Армии. В. И. Ленин заблаговременно дал указание частям Красной Армии не продвигаться на восток далее Иркутска. «Мы окажемся идиотами,— писал В. И. Ленин,— если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»⁴.

Образование Дальневосточной республики (ДВР) было провозглашено 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) на съезде представителей трудящихся Прибайкалья. В составе правительства ДВР, избранного на съезде, руководящая роль принадлежала коммунистам. В условиях формально буржуазно-демократической республики к участию в политической деятельности были допущены эсеры, меньшевики и другие мелкобуржуазные и буржуазные партии. Пользуясь этим, меньшевики и эсеры потребовали предоставления им мест в правительстве ДВР, однако их претензии были отвергнуты и представители этих партий были допущены лишь на второстепенные посты в министерствах, а не в органе власти, каким являлось правительство ДВР. 14 мая 1920 г. ДВР и ее правительство были официально признаны РСФСР.

Упомянутым Прибайкальским съездом было решено созвать Учредительное собрание ДВР для принятия конституции республики и для выборов постоянного правительства. Меньшевики, эсеры (и их хозяева — японские империалисты) надеялись, что на выборах в Учредительное собрание большевики потерпят поражение и они придут к власти в ДВР. Однако эти надежды не оправдались. Выборы, проведенные в январе 1921 г., дали победу большевикам: из 382 мандатов коммунистическая фракция и целиком поддерживавшая ее фракция трудящихся крестьян имели 275 мандатов, а эсеры и меньшевики — всего лишь 41 мандат (а вместе с поддерживающей их кулацкой группой крестьянства — 85 мандатов). Всей работой Учредительного собрания руководила большевистская фракция. Ее предложения принимались подавляющим большинством. Учредительное собрание закончило свою работу 27 апреля 1921 г. принятием конституции ДВР и избранием ее постоянного правительства, большевистского по своему составу.

Вторая Дальневосточная конференция РКП(б), состоявшаяся в начале февраля 1921 г. в Чите, при рассмотрении вопроса о задачах комфракции в Учредительном собрании ДВР указала, что главная задача состоит в том, чтобы «Учредительное собрание из орудия организации «демократии» против диктатуры пролетариата превратилось в свою противоположность — в орудие закрепления безусловного влияния РСФСР на Дальнем Востоке и организации трудовых масс для борьбы со всеми враждебными Советской республике силами, как внешни-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 93.

⁴ Там же, т. 51, стр. 137.

ми, так и внутренними»⁵. Эта задача коммунистами-депутатами Учредительного собрания ДВР была выполнена полностью. По принятой Учредительным собранием конституции ДВР являлась буржуазно-демократической, однако по существу ее правительство было органом диктатуры пролетариата и правящей партией были большевики.

Коммунистические организации Дальнего Востока были объединены под руководством Дальбюро ЦК РКП(б), которое направляло деятельность правительства республики в соответствии с указаниями и директивами ЦК партии и В. И. Ленина. О большом внимании ЦК партии к судьбе ДВР говорит тот факт, что за период 1920—1922 гг. было принято до 60 решений Центрального Комитета, относящихся к ДВР, к работе Дальбюро ЦК партии.

Одной из важнейших задач с момента образования ДВР было создание Народно-революционной армии республики. Она формировалась в основном на базе партизанских отрядов. Организационно-политические принципы НРА были аналогичны принципам Красной Армии. В НРА были институт комиссаров и политруков, политотделы, Военный совет. Первым командующим Народно-революционной армией являлся Г. Х. Эйхе, возглавлявший до этого 5-ю армию, находившуюся тогда в Иркутске. Фактически НРА была частью Красной Армии, ее передовым отрядом на Востоке. Командование НРА руководствовалось указаниями военачальников Красной Армии и опиралось на ее постоянную помощь. Народно-революционная армия была призвана охранять независимость ДВР и ликвидировать белогвардейские банды. Руководимая Коммунистической партией, НРА успешно осуществила эти задачи.

В октябре 1920 г. НРА и партизанские отряды разгромили крупные силы белогвардейцев в восточном Забайкалье и освободили г. Читу. Эта боевая операция, известная под названием — ликвидация «Читинской пробки», имела очень большое значение, так как с освобождением Читы открылось железнодорожное сообщение центра России с Амурской и Приморской областями. В Читу была перенесена резиденция правительства ДВР, Дальбюро ЦК партии и штаба НРА, она стала столицей ДВР.

Летом 1921 г. Народно-революционная армия ДВР участвовала в боях против банд Унгерна. Эти банды были сформированы из остатков отрядов атамана Семенова, разгромленных нашими партизанами и бежавших в Монголию. Там они были перевооружены японцами и во главе с генералом бароном Унгерном захватили город Ургу. В апреле 1921 года руководители революционного национально-освободительного движения за независимость Монголии во главе с Сухэ-Батором обратились к правительствам РСФСР и ДВР с просьбой оказать помощь в борьбе против японского агента барона Унгерна, оккупировавшего по заданию японских милитаристов своими войсками Монголию. Руководствуясь интернациональным братским долгом, а также учитывая, что замысел японских империалистов превратить Монголию в военный антисоветский плацдарм является непосредственной угрозой для советской Сибири и ДВР, правительства РСФСР и ДВР удовлетворили просьбу Временного народного правительства Монголии, и в конце июня 1921 г. части Красной Армии и НРА вступили на территорию Монголии и в тесном взаимодействии с революционными полками Монгольской народной армии, которой командовал славный сын монгольского народа Сухэ-Батор, нанесли бандам Унгерна сокрушитель-

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, ед. хр. 287, л. 2.

ный удар. Уже 6 июля 1921 г. была освобождена столица Монголии г. Урга (ныне Улан-Батор), и в числе первых в нее вступила 2-я Сретенская бригада НРА.

10 июля 1921 года было создано постоянное Народное правительство Монголии, а 11 июля на торжественном общегородском собрании жителей и войск Урги Сухэ-Батор от имени ЦК Монгольской народной партии и правительства провозгласил победу народной революции и установление в стране народной власти. Так благодаря помощи советского народа Монголия освободилась от ига иноземных захватчиков и монгольский народ завоевал независимость и свободу.

Второй крупнейшей победой НРА была легендарная Волочаевская битва в феврале 1922 г., о значении которой В. К. Блюхер, командовавший тогда НРА и руководивший штурмом Волочаевки, писал: «Под Волочаевкой, как и под Перекопом, революционная армия показала величайшие образцы героизма, преданности нашей партии и делу пролетарской революции. Как со взятием Перекопа был нанесен сокрушительный удар врангелевщине на юге, так и под Волочаевкой был нанесен окончательный удар белогвардейщине и интервенщине на Дальнем Востоке»⁶.

Затем последовала битва под Спасском, столь же знаменитая и воспетая в песнях, как и битва под Волочаевкой. Штурм спасских мощных укреплений происходил 7—9 октября 1922 г. под непосредственным руководством И. П. Уборевича, командовавшего тогда Народно-революционной армией ДВР. Победа под Спасском открыла нашей армии путь к Владивостоку. Разгромленные остатки «земской рати», как именовалась белогвардейская армия генерала Дитерихса, отступили в район Владивостока под защиту японских интервентов.

И. П. Уборевич вступил в переговоры с японским командованием о сдаче города, и было достигнуто соглашение об уходе японских войск из Владивостока 25 октября 1922 г. Народно-революционная армия не вступала в бои с войсками японских интервентов, но ее успешные действия против белогвардейцев оказывали давление на интервентов, и по мере разгрома белогвардейцев они вынуждены были отходить. После разгрома белогвардейцев под Спасском японским интервентам пришлось согласиться на полную эвакуацию своих войск из Приморья.

Когда последний японский солдат покинул нашу землю, части Народно-революционной армии под восторженные приветствия жителей вступили 25 октября 1922 г. во Владивосток. В телеграмме В. И. Ленину об освобождении Владивостока И. П. Уборевич писал: «Народно-революционная армия в радостные дни разгрома разбойничьих банд Дитерихса и освобождения Приморья от интервенции шлет пламенный привет в Вашем лице трудящимся России и героической, непобедимой Красной Армии. Да будет известно трудящимся России и Красной Армии, что НРА, проходя по селам, фабрикам, заводам и городам Приморья, нашла тысячи могил рабочих и крестьян, замученных интервенцией и черной русской согней... Измученные рабочие и крестьяне Приморья и г. Владивостока восторженно встречали полки НРА...»⁷.

В. И. Ленин горячо поздравил трудящихся Дальнего Востока, Красную Армию и ее славный отряд — Народно-революционную армию с победой, с освобождением Владивостока. В телеграмме правительству ДВР он писал: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очище-

⁶ В. К. Блюхер. Статьи и речи, М., 1963, стр. 167.

⁷ «Командарм Уборевич», М., 1964, стр. 136.

нию территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие Народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР»⁸. В своей речи на пленуме Московского Совета В. И. Ленин, касаясь освобождения Владивостока, с гордостью произнес: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький»⁹.

* * *

Наряду с вооруженной борьбой в освобождении Дальнего Востока сыграла важную роль и ленинская дипломатия, проводившаяся правительствами РСФСР и ДВР. В. И. Ленин указывал, что в освобождении Дальнего Востока «...сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия ... И если мы достигли того, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии»¹⁰.

Одним из важнейших элементов дипломатического аспекта борьбы за Дальний Восток была, как неоднократно указывал В. И. Ленин, необходимость учета и использования противоречий между империалистами Японии и США.

Правительство ДВР и Дальбюро ЦК РКП(б) свою внешнюю политику строили в полном соответствии с курсом правительства РСФСР и руководствовались указаниями ЦК партии.

Например, для использования противоречий между империалистами правительство ДВР практиковало заключение договоров с иностранными фирмами. Так, оно заключило договор с американской фирмой — Дж. С. Винтом о разработке золотых приисков в Амурском и Буринском горных округах, с английской фирмой «Видвелл, Купланди К^о» о поставке 1,2 млн. кубофутов пиленого леса и с рядом других американских и английских фирм. Эти контракты были экономически выгодны ДВР, но кроме того, они способствовали обострению противоречий между империалистами. Японские фирмы, стремившиеся к проникновению в экономику ДВР, были обеспокоены этими переговорами и соглашениями ДВР с американскими и английскими бизнесменами и требовали заключения соглашений с ними. Однако правительство отклоняло их требования, мотивируя тем, что концессии японцам не могут быть предоставлены, пока японские войска оккупируют территорию ДВР. В частности, 10 мая 1921 г. была отклонена просьба акционерного общества «Мицубиси К^о» о предоставлении концессии на лесные и горные разработки.

24 мая 1920 г. начались переговоры правительства ДВР с командованием японских интервенционистских войск на ст. Гонгота. Переговоры имели целью не допустить наступления японских войск из Читы, где они находились, на Прибайкалье. Переговоры закончились соглашением о заключении перемирия. В совместном коммюнике было записано, что наилучшим средством к «установлению спокойствия и порядка является образование буферного государства с единым правительством.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 236.

⁹ Там же, стр. 303.

¹⁰ Там же, стр. 245—246.

без вмешательства в дела этого государства вооруженной силой со стороны других государств». Заключение этого соглашения было существенным успехом ДВР, так как оно означало фактическое признание Японией правительства ДВР и устраняло опасность наступления японцев на Прибайкалье.

Делегация правительства ДВР во главе с тов. Петровым Ф. Н. также вела переговоры с представителями Японии на Дайренской конференции, начавшейся 25 августа 1921 г. В этих переговорах участвовал и представитель РСФСР. Делегация ДВР предъявила на конференции требование об эвакуации японских войск и при условии выполнения этого требования в месячный срок соглашалась предоставить Японии некоторые концессии. Японская делегация выдвинула в ответ наглые требования, сводящиеся к лишению ДВР суверенитета и к превращению ее в колонию Японии. В частности, японцы требовали отказа «на вечные времена» от введения в ДВР «коммунистического режима». Только при этих условиях японская делегация соглашалась на эвакуацию войск. Конечно, правительство ДВР не могло принять эти условия, и конференция закончилась безрезультатно. Однако провал переговоров из-за агрессивных захватнических требований Японии позволил разоблачить перед мировой общественностью захватнические планы японских империалистов. Одновременно с этим появилась возможность для популяризации миролюбия ДВР, ее стремлений к установлению с Японией мирных, добрососедских отношений.

В сентябре 1922 г. в Чаньчуне состоялась еще одна конференция, в которой приняли участие делегации ДВР и РСФСР, однако японская делегация и на этот раз предъявила ряд неприемлемых требований, конференция также окончилась безрезультатно.

Делегация ДВР прибыла в США на Вашингтонскую конференцию, но не была допущена к ее участию. Однако за время нахождения в Вашингтоне она установила связи с общественными и деловыми кругами и с прессой США. Делегация опубликовала ряд материалов, разоблачающих агрессивные планы и захватнические действия японских империалистов на русском Дальнем Востоке, опубликовала секретный договор между Японией и атаманом Семеновым, в котором Япония обязывалась снабжать Семенова и Унгерна оружием и деньгами, и ряд других документов.

Делегация опубликовала также свой протест против японской интервенции и требовала немедленного и полного вывода оккупационных войск из ДВР. Делегация ДВР внесла существенный вклад в пропаганду правды о РСФСР и ДВР, способствовала разоблачению интервентов и усилению движения прогрессивных кругов в Японии за прекращение интервенции в ДВР.

Надо отметить, что летом 1922 г. в Японии была создана «Лига борьбы против интервенции в России», и тогда же Компартия Японии отправила группу коммунистов для революционной пропаганды среди японских интервенционистских войск, находившихся в ДВР. Многие из этих товарищей были арестованы японской жандармерией и погибли. Центральный Комитет Коммунистической партии Японии в своем воззвании по случаю десятилетия партии отмечал в 1932 г.: «Товарищ Сато и другие японские товарищи, вступившие в партизанские отряды в Сибири, бесстрашно вели пропаганду и агитацию против войны внутри японской армии и умерли славной смертью, защищая отечество мирового пролетариата. Эти героические подвиги наших товарищей стимулировали бунты сотен японских солдат (в их числе было и несколько офи-

церов), отказавшихся сражаться против Советской России и повернувших штыки против микадо»¹¹.

Вождь японских коммунистов Сэн Катаяма уделял много внимания пропаганде среди японских рабочих и солдат правды о РСФСР и ДВР и организации протестов против интервенции. И эта работа японских коммунистов давала большие результаты.

Листовки и другие формы агитации оказывали воздействие на японских солдат: имели место отказы от участия в карательных экспедициях, были случаи братания с народоармейцами и партизанами. В результате пропаганды в полках японских интервентов имели место революционные выступления, а некоторые солдаты переходили на нашу сторону. По сообщению газеты «Красное Знамя» 28 февраля 1920 г. в районе Владивостока японским командованием была разоружена рота за невыполнение приказа, снятие погонов и прикалывание красных бантов. В газете «Правда» от 21 февраля 1920 г. сообщалось о переходе на сторону революционных войск команды японского санитарного поезда. О силе воздействия революционной пропаганды на японских солдат Сэн Катаяма писал: «Японские солдаты, вернувшиеся из Сибири, дали верное освещение революции, прямым результатом чего было то, что эти солдаты часто становились во главе крестьянского движения»¹².

Эта интернациональная солидарность также сыграла свою роль в борьбе с японским империализмом.

И вот длительная пятилетняя борьба дальневосточных трудящихся за освобождение этой обширной окраины нашей Родины завершилась славной победой. Дальний Восток вновь соединился со своей матерью — Советской Россией, и на берегах Тихого океана вновь и навсегда взвилось красное знамя социалистического государства. Подвиг советских патриотов на Дальнем Востоке явился важной частью революционной борьбы народов России за свою свободу и независимость. Газета «Правда» в номере за 11 ноября 1936 года писала: «Большевики Дальнего Востока вписали в историю пролетарской революции одну из наиболее ярких, наиболее героических страниц».

Среди славных имен на этих героических страницах история запечатлела и таких большевиков-дальневосточников, как П. П. Постышев, С. М. Серышев, Н. А. Кубяк, П. М. Никифоров, А. М. Краснощеков, М. И. Губельман, С. С. Вострецов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, вручая в 1966 г. орден Ленина Приморскому краю, говорил: «Советские люди навсегда сохраняют в памяти славные подвиги коммунистов, комсомольцев, всех тех, кто, не жалея самой жизни, бился на Дальнем Востоке с интервентами и белогвардейцами, отстаивая целостность и независимость Советской Родины»¹³.

Залечив раны гражданской войны, восстановив разрушенную интервентами и белогвардейцами экономику края, дальневосточные трудящиеся под руководством Коммунистической партии превратили Дальний Восток в мощный бастион социализма на берегах Тихого океана и ныне успешно претворяют в жизнь решения XXIV съезда КПСС по дальнейшему укреплению и развитию этого обширного, богатого неисчерпаемыми ресурсами края.

¹¹ «Коммунистический интернационал», № 33, 1932, стр. 55.

¹² «Пролетарская революция», № 2—3, 1927, стр. 36.

¹³ «Правда», 20.VI.1966.

«Историография» против истории

Современные американские историки о колониальной политике США в XIX веке

*А. А. Мурадян,
кандидат исторических наук*

Пожалуй, ни одной стране Дальнего Востока историки внешней политики США не посвятили столько книг, сколько Китаю. Этому есть объяснение. Как писал известный американский историк Ф. Р. Даллес, отношение США к Китаю является «ключом к нашим отношениям с другими странами Восточной Азии»¹. В последнее время в связи с поворотом политики США в отношении КНР в американской академической литературе и публицистике обострился интерес к проблемам американо-китайских отношений, их истории. Государственные деятели США сейчас усиленно популяризируют мысль о том, что их страна всегда «стояла за территориальную целостность Китая», о наличии у Китая и США «многих параллельных интересов». Так говорилось, например, во внешнеполитическом докладе президента США Р. Никсона конгрессу 9 февраля 1972 года. Чтобы подкрепить свой тезис, Никсон сослался на историю. «Не случайно,— заявил он,— история дружбы китайского и американского народов была такой продолжительной».

В таком же духе в последнее время выдержаны заявления и выступления в печати многих других ведущих государственных деятелей США. Так, председатель сенатского комитета по иностранным делам конгресса США Дж. Фулбрайт пишет в журнале «Нью-Йоркер» (в номере от 8 января 1972 г.): «Китай занимал особое место в наших сердцах. Мы оказывали ему особую благосклонность. Туда ездили наши торговцы и миссионеры, и мы проводили по отношению к нему политику «открытых дверей». Сенатор Фулбрайт вспоминает историю взаимоотношений США и Китая, проникнутую, по его словам, трогательной «заботой» заокеанских филантропов о «наших китайских любимцах».

Тезис об «исторической дружбе» США и Китая, «благожелательности» и «антиколониализме» американской политики по отношению к китайскому народу не является изобретением государственных деяте-

¹ F. R. Dulles. *China and America. The Story of Their Relations since 1784*, Princeton, 1946, p. V; A. D. Barnett. *Communist China and Asia*, New York, 1960, p. 1; «The United States and the Far East», Englewood Cliffs, 1964, p. 98.

лей и официальной пропаганды наших дней. Это традиционная концепция «официального» направления американской буржуазной историографии. Она не раз подвергалась критике в работах советских историков-марксистов².

Тот факт, что современная буржуазная историография и пропаганда США пытаются вновь гальванизировать эту концепцию, свидетельствует о глубоком кризисе внешнеполитической идеологии американского империализма, вынужденной брать на вооружение уже давно разбитые концепции. С другой стороны, очевидно стремление официальных кругов США подвести «историческое основание» под нынешнюю американскую политику на сближение с Китаем. Все это делает актуальной задачу сопоставления концепции «традиционной дружбы» США и Китая, развиваемую буржуазной историографией, с историческими фактами.

* * *

Действительно, имеются определенные исторические традиции политики США в отношении Китая, восходящие к событиям прошлого столетия. Как известно, коммерческие связи установились между этими странами еще в конце XVIII века. Живую заинтересованность в делах американских предпринимателей и купцов, подвизавшихся в «китайской торговле», проявил в то время конгресс США³.

Буржуазная историография, указывая на длительность коммерческих отношений США и Китая, пытается внушить мысль об их «особом» характере, будто бы отличавшемся от экономических отношений Китая с другими капиталистическими странами. В работах, опубликованных в XIX веке, и в книгах, изданных в США в период между двумя мировыми войнами и после второй мировой войны, буржуазные авторы развивают тезис о «равноправном» и «взаимовыгодном» характере экономических отношений Америки со странами Дальнего Востока вообще и Китая в частности. В одной из работ, опубликованной еще в середине прошлого столетия, описываются благородные деяния американских «сынов торговли» на поприще международной коммерции, которые, плаывая по тихоокеанским просторам, повсюду сеяли «человечность и мир»⁴.

В последующие десятилетия в работах историков-профессионалов прочно утвердился тезис о том, что целью американской политики на Дальнем Востоке и в Китае являлось «расширение торговли», «развитие дружеских отношений» с китайским народом и другими народами этого района⁵. «Наши новые корабли-клиперы, прекрасные, как архангелы, мчались вокруг земного шара с миссиями торговли и

² См.: Р. М. Бродский. Американская экспансия в Северо-Восточном Китае, 1898—1905, изд-во Львовского ун-та, 1965; С. Б. Горелик. Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей», М., 1960; А. Канторович. Америка в борьбе за Китай, М., 1935; А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей», 1895—1900, изд-во АН СССР, М.—Л., 1956, и др.

³ Уже первый конгресс на первой сессии заслушал петицию крупнейшего сейлемского торговца Э. Дерби об отсрочке пошлин на чай, а на второй сессии принял решение о 18-месячной отсрочке при уплате пошлин на чай («Debates and Proceedings in the Congress of the United States», vol. 11, Washington, 1834, p. 1703, 1711). На практике это решение конгресса вылилось в фактическое правительственное финансирование торговли с Китаем, приносявшей огромные прибыли купцам северо-восточных штатов.

⁴ «Lives of America Merchants». Vol. 1, New York, 1856, p. XL.

⁵ W. E. Griffis. America in the East, London, 1899; J. W. Foster. American Diplomacy in the Orient, Boston, 1926; T. Dennett. Americans in Eastern Asia, New York, 1922; S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States, New York, 1936;

дружбы», — рисует идиллическую картину Е. Огэр в монографии, посвященной истории американо-китайской торговли в прошлом столетии⁶.

В отдельных случаях буржуазные историки признают, что американскими «сынами торговли», устремлявшимися через океан к берегам дальневосточных стран, двигала погоня за барышами, но они тут же спешат сделать оговорки. «Я уверен, что Восток извлечет больше выгоды, расширяя отношения с нами, чем мы из отношений с ним», — оправдывал энергичную экспансию своей страны на Дальнем Востоке Т. Миллард⁷.

Американские историки подчеркивают «специфический» характер американской политики в отношении Китая, преимущественное внимание со стороны государственных деятелей и торговцев США к «взаимовыгодной» и «равноправной» торговле и «отсутствию» у них притязаний политического характера, столь типичных для европейских держав. «В отличие от европейских держав Соединенные Штаты... желали лишь наибольшего благоприятствования в торговле», — уверяет своих читателей Ф. Р. Даллес⁸.

По словам американских буржуазных историков, «традиционная дружба» между Китаем и США и «традиционная» американская политика в отношении этой страны зародились еще в конце XVIII века, когда было завоевано «доверие китайцев»⁹. С тех пор эта традиция не претерпевала изменений в течение всего прошлого столетия. «Американская политика в Азии была развитием политики ранних американцев», — писал Т. Деннет, пытаясь наделить политику США на Дальнем Востоке, и прежде всего в Китае, такими положительными качествами, как взаимовыгодность и равноправность в торговле, отсутствие помыслов колониального грабежа и эксплуатации народов этого района, терпимость, миролюбие и т. п.¹⁰. С. Бемис также подчеркивает «традиционное дружелюбие» американо-китайских отношений: «Это была политика бывших торговцев в Кантоне, тщательно разработанная в договоре Ванся (неравноправный договор экономического и политического характера, навязанный США Китаю в 1844 году. — А. М.), политика умиротворения и моральной поддержки целостности Китая в отличие от европейской политики запугивания и расчленения»¹¹.

На политических аспектах американо-китайских отношений мы еще остановимся ниже, а сейчас попробуем обратиться к историческим фактам, чтобы установить, что же собой представляла коммерческая деятельность американских «торговцев в Кантоне».

«Восточным Эльдорадо» называли американские торговцы страны Дальнего Востока в прошлом столетии. Если в производстве льняного полотна в США в 90-х годах XVIII века прибыль на вложенный капитал составляла 10—25 процентов, то перепродажа восточных товаров (китайского чая, шелка, фарфора, перца с Суматры и т. д.) приносила 300—400 процентов прибыли. В отдельных случаях она достигала баснословных размеров — нескольких тысяч процентов на первоначально

F. R. Dulles. *America in the Pacific*, Boston, 1938; F. Tannenbaum. *The American Tradition in Foreign Policy*, Norman, 1955; D. Perkins. *The American Approach to Foreign Policy*, Canberra, 1954.

⁶ H. Augur. *Tall Ships to Cathay*, New York, 1951, p. 11, 12.

⁷ T. F. Millard. *The Far Eastern Question*, London, 1909, p. 532.

⁸ F. R. Dulles. *Prelude to World Power*, New York, 1965, p. 94.

⁹ J. K. Fairbank. *The United States and China*, Cambridge (Mass.), 1958, p. 1, 307; F. R. Dulles. *The Old China Trade*, Boston, 1930, p. 138.

¹⁰ T. Dennett. *Op. cit.*, p. 3.

¹¹ S. F. Bemis. *Op. cit.*, p. 347.

вложенный капитал¹². Несколько удачных рейсов к берегам Китая делали судовладельца богатым человеком.

Восточная торговля стимулировала судостроение в США и, по выражению известного американского историка, «положила начало золотому веку американского судоходства»¹³. Хотя китайский чай, шелк и фарфор в первые десятилетия американо-китайской торговли являлись предметами роскоши, они находили широкий спрос в США.

Острой была проблема платежных средств: китайцы принимали ограниченный ассортимент товаров в качестве платы — звонкую монету (серебро), женьшень, меха, сандаловое дерево. Но именно честную торговлю с Китаем с оплатой китайских товаров звонкой монетой и не хотели вести американские дельцы. Они искали более выгодные средства платежа и нашли их. Американские предприниматели обнаружили женьшень в Массачусетсе, Коннектикуте и некоторых других местах и с помощью индейцев поставили его заготовку на широкую ногу. Поскольку с индейцами американские торговцы расплачивались бездельюшками и виски, фунт женьшеня в Нью-Йорке (порт отправки) стоил 20 центов, а в Гуанчжоу он продавался по 3,5 долл., то есть в 17 раз дороже¹⁴.

Примерно таким же образом приобретались меха. Доверчивые индейцы отдавали драгоценные шкурки морской выдры или речных бобров за виски, пригоршню разноцветных стекляшек или гвоздей. Сандаловое дерево приобреталось на островах Океании. За несколько десятков бутылок виски местные вожди отправляли сотни своих подданных в горы на заготовку и транспортировку сандала к побережью. Фунт ароматной древесины обходился американцам в один цент, а в Гуанчжоу они брали за него 34 цента¹⁵. В дневнике одного из американских торговцев сандалом описывается рейс на острова Фиджи, где он приобрел 250 т сандала за побрякушки и гвозди, стоившие 50 ф. ст., а в Гуанчжоу цена груза составила 20 тыс. ф. стерлингов¹⁶.

Таким образом, в основе ранней американо-китайской торговли лежал хищнический грабёж и безжалостная эксплуатация американских индейцев (поставлявших женьшень и меха) и жителей островов Тихого океана (добывавших сандал, трепангов, черепаховые панцири для американских торговцев). Жертвой рыцарей наживы из США оказался и китайский народ. В качестве средства платежа, способного заменить звонкую монету (серебро), американские торговцы вскоре стали ввозить в Китай опиум. Это была контрабандная (т. е. беспошлинная) и весьма прибыльная для американцев торговля. Например, ящик опиума, приобретенный в Турции за 150 долл., перепродавался в Гуанчжоу за 500 и даже за 1000 долларов¹⁷.

¹² В 5-томном отчете Ч. Уилкеса об американской экспедиции в Тихий океан в 30—40-х гг. прошлого столетия содержатся интересные данные о торговых операциях капитана Иглстоуна в Китае. Приобретая на островах Океании трепангов за бесценок у местных жителей, Иглстоун перепродавал их в Гуанчжоу с прибылью от 400 до 1500 процентов (по данным пяти рейсов, приведенным у Ч. Уилкеса, средняя прибыль составляла 1000 процентов). Последующая перепродажа китайских товаров в США доводила чистую прибыль Иглстоуна до 5 тыс. процентов (см.: С. Wilkes. Narrative of the United States Exploring Expedition During the Years 1838—1842, vol. III, Philadelphia, 1945, p. 222).

¹³ Г. Фолькнер. История народного хозяйства САСШ, М.—Л., 1932, стр. 168.

¹⁴ D. Henderson. Yankee Ships in China Seas, New York, 1946, p. 68.

¹⁵ F. R. Dullies. The Old China Trade, p. 92.

¹⁶ «The Journal of William Lockerby, Sandalwood Trade in the Fijian Islands During the Years 1808—1809», London, 1825, p. 82.

¹⁷ D. Henderson. Yankee Ships in China Seas, p. 154.

Торговля опиумом порождала спрос на специальные быстроходные, хорошо вооруженные суда — опиумные клиперы. Верфи северо-восточных штатов успешно удовлетворяли этот спрос. Даже по внешнему виду, мореходным качествам и вооружению эти суда не всегда можно было отличить от кораблей военно-морского флота США.

Правительство Китая и местные китайские власти были, по существу, бессильны задержать великолепно вооруженные опиумные клиперы, располагая для борьбы с ними лишь весельными лодками. О том, насколько эта борьба могла быть эффективной, можно судить по одному из рейсов клипера «Антилопа» под командованием капитана Уоткинса. Когда несколько длинных китайских лодок с солдатами приблизились на пушечный выстрел, Уоткинс обстрелял их из пушек, затем нападающих встретили pistolетным огнем. После этого, развернув абордажные сетки, американцы отразили попытку взять судно приступом. «Здесь сражение в течение нескольких минут было ожесточенным, китайцы, проделав дыру в абордажной сетке, бросались к ней как тигры, но, как только они приближались, их прокалывали пиками и отбрасывали назад», — повествуется в отчете об этой стычке. Попытка китайских властей задержать Уоткинса в следующий раз обошлась им еще дороже. Бравый капитан без труда перевернул две китайские лодки и утопил их экипажи, а затем продолжил свой путь в Аомынь, «имея по китайцу, повешенному на каждой нок-рее в качестве предостережения»¹⁸.

Подобные сражения являлись повседневными эпизодами в деятельности американских опиумоторговцев. Б. Лаббок, автор одной из специальных работ по этой теме, констатирует: «И только в редких случаях грузы доставлялись без сражения с властями в лице чиновников-мандаринов»¹⁹. Для китайских властей борьба с опиумной контрабандой осложнялась еще и тем, что в ней оказались замешанными американские консулы.

Доля опиума, ввозимого американцами в Китай, была весьма значительна²⁰. Что касается огромного вреда, который наносило китайскому народу опиумокурение, то он признавался самими американцами — очевидцами событий. В одном из номеров журнала «Чайниз рипозитори», издававшемся американцами в Гуанчжоу с 1832 по 1851 г., содержалось признание, что «последствия опиумокурения для его жертв хуже, чем любое рабство». Х. Малколм, автор этого высказывания, видевший собственными глазами все ужасы, причиняемые опиумоторговлей, писал: «У нас мало оснований удивляться нежеланию Китая расширять связи с иностранцами. Почти все такие связи приносят ему эпидемии, бедность, преступления и беспорядки»²¹.

Современные американские буржуазные историки, безусловно, располагают источниками, содержащими подобные оценки, однако их не встретишь в книгах и статьях, издаваемых в США. Не часто встретишь в работах буржуазных авторов упоминания о том, что торговля с Китаем и другими странами Востока заложила основы легендарных миллионных состояний Дж. Астора, Ст. Жирара, Дж. Пибоди и других

¹⁸ В. Л и б б о c k. The China Clippers, Glasgow, 1929, p. 26—29.

¹⁹ Ibid., p. 33.

²⁰ См.: Ма о С и. Опиумная агрессия США в Китае в XIX веке, Пекин, 1953, стр. 33 (на кит. яз.); Н. В. М о r s e. The International Relations of the Chinese Empire, vol. I, London, 1910, p. 209.

²¹ Н. М а л к о л м. Travels in South-Eastern Asia, London, 1839, p. 188.

коммерсантов, впоследствии вложивших награбленные средства в хлопчатобумажную промышленность, железные дороги, банки и страховые предприятия собственной страны²². Разоблачая грабительский колониальный характер ранней торговли США с Китаем, китайские историки справедливо заявляли, что «первоначальное накопление капитала в США языком «крови и огня» вписано в историю китайского народа»²³.

Так началась эра взаимоотношений американской буржуазии с китайским народом в конце XVIII — первой половине XIX века. Но и продолжение этих отношений также не имеет ничего общего с идиллической картиной, изображаемой буржуазной историографией.

В середине XIX века в связи с открытием золота в Калифорнии, быстрым заселением Тихоокеанского побережья США и железнодорожным строительством в этом районе американские предприниматели испытывали нужду в большом количестве дешевых рабочих рук. Неразборчивые в средствах наживы американские дельцы занялись поставкой кули из Китая. Контрактование фактически являлось обыкновенной покупкой кули, как правило, даже не представлявших себе содержание договора, к тексту которого их заставляли приложить большой палец вместо росписи. Трагический путь кули через Тихий океан в тесных трюмах можно было сравнить лишь с аналогичной транспортировкой африканских негров-рабов в США. Сотни несчастных погибали во время переезда от бесчеловечного обращения надсмотрщиков и экипажа.

Бывший посланник США в Китае Дж. Сьюорд в своей книге «Китайская иммиграция» описал один из таких случаев. «Американский корабль «Уэйверли», груженный кули, вошел в порт Манилу. Несколько китайцев попросились на берег. Вспыхнула ссора, во время которой один китаец был застрелен, а остальных загнали вниз, в трюм, и задраили люки. Люки были закрыты до следующего утра, а когда их открыли, то 241 кули оказались мертвы»²⁴.

Многие сотни законтрактованных китайских рабочих погибали во время восстаний, при попытке освободиться во время рейса. Доставленные на Тихоокеанское побережье США кули перепродавались американским подрядчикам, которые обращались с ними как с рабочим скотом.

По мере развития американского капитализма и перерастания его в империалистическую стадию предпринимательские круги США все больше начинают рассматривать Китай как потенциальный рынок сбыта промышленных изделий и сферу приложения финансового капитала. Именно этими корыстными соображениями была продиктована поддержка большим бизнесом США доктрины «открытых дверей» в Китае. Американские предприниматели считали, что такая политика способна защищать там их «жизненные интересы».

Красноречивым свидетельством позиции влиятельных кругов делового мира США в этом вопросе является письмо группы текстильных фабрикантов из штата Южная Каролина, которое было направлено в

²² Подробнее см.: А. А. Мурадян. Колониальная торговля с Востоком как один из источников первоначального накопления капитала в США. «Народы Азии и Африки», № 6, 1964, стр. 58—68.

²³ Цин Жу-цзи. История американской агрессии в Китае, т. 1, Пекин, 1953, стр. 40 (на кит. яз.).

²⁴ Цит. по: W. A. P. Martin. A Cycle of Cathay or China, New York, 1896., p. 32—33.

конгресс в октябре 1899 года. Они, в частности, писали: «...производство хлопчатобумажных тканей имеет чрезвычайное значение для предпринимательской деятельности в штате. Вслед за сельским хозяйством оно является главным занятием для нашего населения. ...Большое количество фабрик в нашем штате производит товары для торговли с Китаем или Востоком. Если этот спрос по каким-либо причинам был бы прекращен, фабрики были бы вынуждены закрыться либо вступить в прямую конкуренцию с другими предприятиями, которые производят товары для внутреннего потребления. Таким образом, вы можете видеть, какое значение для нас имеет китайская торговля; для нас это все. Процветание хлопчатобумажного производства Южной Каролины зависит, по нашему мнению, от торговли с Китаем»²⁵.

Это и другие многочисленные свидетельства говорят о том, что и в конце XIX века «традицией» американо-китайских экономических отношений оставалась погоня предпринимателей из США за прибылями, стремление эксплуатировать китайский народ. Дельцов из США несколько не интересовал вопрос о том, что вторжение американского торгового и промышленного капитала оказывает пагубное влияние на китайскую экономику, разрушает китайское ремесленное и сельскохозяйственное производство, подавляет развитие национальной промышленности, обескровливает национальную экономику и так далее. Исторические факты опровергают тезис буржуазной историографии о «взаимовыгодности» американо-китайских экономических отношений. Это был односторонний колониальный грабёж китайского народа в течение всего прошлого столетия со стороны американской торгово-промышленной буржуазии; менялись лишь его формы, но не экономическое содержание.

Но может быть, в области политики и дипломатии для отношений США с Китаем были характерны «дружба» и «сотрудничество»?

Буржуазные авторы приписывают американской политике готовность выступить «против любой нации, которая нарушила бы независимость, суверенитет, территориальную и административную неприкосновенность Китая»²⁶. Американские историки проповедуют мысль о том, что США якобы выступали единым фронтом с Китаем против политики западных держав, и прежде всего Англии, направленной на его колониальное подчинение. Так, Т. Деннетт, например, заявляет: «Перед лицом британского высокомерия и агрессии китайцы и американцы были союзниками»²⁷.

На естественный вопрос, как случилось, что Китай, несмотря на американскую защиту и «чувствительную симпатию»²⁸, оказался на положении полуколонии, буржуазные ученые отвечают двояко: одни обвиняют самих китайцев, другие — западных партнеров США по колониальной политике на Дальнем Востоке, и прежде всего Англию. Тот же Т. Деннетт, например, писал, что «ни сэру Генри Поттингеру, ни коммодору Керри, но самим китайцам принадлежит честь превращения их портов в открытые для других наций»²⁹. Ту же мысль повторяет С. Ф. Бемис: «...именно сам Китай первым заложил принципы, из которых позднее выросла и развилась доктрина «открытых

²⁵ Congressional Record, 56-th Congr., 1-st Sess., Washington, 1900, p. 2384.

²⁶ V. S. Sweedlun, G. M. Grawford. Man in Society, vol. II, New York, 1956, p. 444.

²⁷ T. Dennett. Op. cit., p. 53.

²⁸ S. F. Bemis. Op. cit., p. 347.

²⁹ T. Dennett. Op. cit., p. 110.

дверей»³⁰. Аналогичный тезис присутствует в работах многих других американских историков³¹.

В книгах американских авторов нет недостатка и в обвинениях по адресу агрессивных действий англичан в Китае. Такие обвинения можно обнаружить и в официальных документах, например в протоколах американского конгресса. Когда в марте 1840 г. в палате представителей обсуждался вопрос об отношении США к событиям в Китае, К. Кушинг (будущий руководитель военно-дипломатической миссии в эту страну) гневно и «самым решительным образом» осуждал агрессивную политику англичан, развязавших «опиумную» войну против китайского народа. «Боже упаси,—воскликнул американский конгрессмен,—чтобы я разделял идею сотрудничества с британским правительством», и красноречиво клеймил «безобразные бесчинства» англичан в Китае³². На такие официальные декларации и ссылаются буржуазные историки, развивающие официальную концепцию об американском «антиколониализме» на Востоке.

Но имеются документы, говорящие о подлинном отношении Кушинга, как представителя американского правительства, к английской политике в Китае. В одном из номеров американского миссионерского журнала в Китае за 1845 год было опубликовано письмо Кушинга государственному секретарю Дж. Нелсону. Отправляя в Вашингтон 5 июля 1844 года из Аомыня текст договора Ванся, он писал: «Я очень высоко ценю способности, проявленные сэром Генри Поттингером в Китае, и успех, который сопутствовал его переговорам; я признаю, что Соединенные Штаты и все другие нации должны быть благодарны Англии за то, что она совершила в Китае. Соединенные Штаты извлекли из этого для себя много пользы. Но в свою очередь договор Ванся своими новыми статьями предоставляет огромные выгоды для торговли Британской империи, поскольку дополнительный английский договор предусматривает, что любые новые привилегии, дающиеся Китаем другим странам, будут также распространяться на Англию...»³³.

Упоминания об этом документе нет ни в одной работе американских историков, придерживающихся «официальной» концепции. Лицемерие буржуазной историографии состоит в том, что, широко воспроизводя «антиколониальные» декларации государственных деятелей США, она уклоняется от объективных комментариев по поводу официальных инструкций американским дипломатическим представителям в Китае, в которых последним предписывалось «консультироваться и сотрудничать по всем вопросам» с дипломатами западных держав. В настоящее время историки располагают значительными по количеству публикациями подобных документов³⁴.

Одним словом, исторические факты свидетельствуют о том, что США своими военно-дипломатическими действиями в Китае в XIX веке внесли немалый вклад в политическое подчинение этой страны империалистическими державами. Причем США выступали фактически

³⁰ S. F. Bemis. *Op. cit.*, p. 345.

³¹ O. W. Griswold. *The Far Eastern Policy of the United States*, New Haven, 1962, p. 6; R. Bartlett. *Policy and Power*, New York, 1963, p. 94—95; Tang Tsou. *America's Failure in China*, Chi., 1963, p. 4.

³² Congressional Globe, 26-th Congr., 1-st Sess., p. 275.

³³ Chinese Repository. Vol. XIV, Canton, 1845, p. 555—557.

³⁴ См.: «American Foreign Policy. A Documentary Survey». Edd by D. B. Goebel. New York, 1961, p. 109; «American Foreign Policy». Comp. by W. L. Godshall. Ann Arbor, 1937, p. 327; «A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789—1897», vol. IV, Washington, 1896, p. 446—447.

единым фронтом с другими странами капиталистического Запада, в тесном сотрудничестве с ними.

В 1856 году, когда англичане приступили к военным действиям в Китае, капитан американского фрегата «Портсмут» Эндрю Фут подверг бомбардировке один из фортов Гуанчжоу. Через несколько дней бомбардировка была повторена силами эскадры из трех кораблей. Затем Фут высадил десант, захватил форт и уничтожил его гарнизон³⁵. В 1859 г. американские корабли под командованием коммодора Тэтнела принимали участие в военных операциях англичан против Тяньцзиня.

В период Тайпинского восстания «прославилась» жестокостью своих карательных операций против восставших банда иностранных наемников под командованием американца Ф. Уорда. Например, захватив в начале 1862 г. город Каочжао, каратели Уорда уничтожили 10 тыс. повстанцев, а оставшихся несколько сот пленников передали шанхайским властям для казни. Захватив в том же году город Цзиньпу, Уорд учинил поголовную резню его жителей. Участник этой бойни Э. Форрестер писал в своих мемуарах: «Последовавшая сцена не поддается описанию. Столько сотен людей было обезглавлено, что улицы опять наполнились кровью...»³⁶

Взаимодействуя с батальонами морской пехоты, высаженными с английских и французских кораблей, карательная армия Уорда (после его гибели наемников возглавил американец Г. Барджевайн, а затем английский майор Ч. Гордон) в немалой степени способствовала подавлению Тайпинского восстания. Американский историк У. Хэйл дал следующую оценку вклада воинства Уорда в разгром восстания: «Их вмешательство в сочетании с интервенцией иностранных солдат и матросов спасло Шанхай от захвата тайпинами, и это в свою очередь обеспечило Ли Хун-чжану доходы, чтобы заплатить своим солдатам. Когда мы оценим все факты, то не сможем отрицать, что их помощь была в высшей степени полезной, если поистине не жизненно важной»³⁷.

Особенно велика была «роль» основателя этой банды наемников — Уорда. Официальный Вашингтон чрезвычайно гордился этим обстоятельством. Так, например, государственный секретарь У. Сьюорд называл его «наш выдающийся согражданин» и, отвечая на письмо посланника США в Китае Э. Берлингейма, писал: «Американский народ будет глубоко скорбеть о его слишком преждевременной смерти»³⁸. Эссекский институт в Сейлеме, выпустив в свет книгу о тайпинах и высоко оценивая роль Уорда в подавлении восстания, не постеснялся сравнить его с Жанной д'Арк³⁹.

Позже американские буржуазные авторы предприняли попытку затушевать связь Уорда и его преемника на посту командующего армией иностранных наемников Барджевайна с правительством США, представить их как частных лиц, действовавших на свой страх и риск. Между тем сам Уорд в беседе с Берлингеймом говорил, называя себя «лояльным американцем», что он «больше всего желает, чтобы его страна имела неоспоримое влияние в делах Китая»⁴⁰.

³⁵ См.: D. Henderson. Op. cit., p. 167.

³⁶ H. Cahill. A Yankee Adventurer. The Story of Ward and Taiping Rebellion, New York, 1930, p. 207.

³⁷ W. J. Hall. Tseng Kuo-Fan and the Taiping Rebellion, New Haven, 1927, p. 268.

³⁸ H. Cahill. Op. cit., p. 229.

³⁹ «In the Days of the Taipings», Salem (Mass.), 1927, p. 1.

⁴⁰ D. Henderson. Op. cit., p. 230.

У буржуазных историков нет никаких оснований говорить о «традиционной дружбе» США с китайским народом: во время крупнейшего народного восстания в Китае против ненавистной маньчжурской Циньской династии американское правительство вместе с другими западными державами активно поддержало императорское правительство в Пекине против восставшего народа.

Исторические факты свидетельствуют о том, что и доктрина «открытых дверей», провозглашенная якобы во имя «защиты» территориальной целостности Китая от покушений западных держав, на самом деле преследовала корыстные интересы самих США. Историки располагают убедительными доказательствами того, что вскоре после провозглашения этой доктрины в правящих кругах США поднимался вопрос о фактическом отказе от нее и установлении в Китае собственной американской «сферы влияния». Наиболее подходящими районами в Китае для этой «сферы» назывались провинция Чжэцзян с портами Нинбо и Ханчжоу и северная часть провинции Гуандун с портом Сватоу⁴¹.

Однако эта идея была в конце концов отвергнута. Доктрина «открытых дверей» была признана более приемлемой для интересов Вашингтона, поскольку позволяла с помощью антиколониальной фразеологии замаскировать экспансионистские замыслы США в отношении всего Китая в целом. Монополистическая буржуазия США стремилась сохранить весь Китай, а не отдельные его районы в качестве объекта эксплуатации, чем и объяснялись возражения американской дипломатии против раздела другими империалистическими державами страны на «сферы влияния», в которые был бы закрыт доступ американскому капиталу.

Развивая тезис о «традиционной американской дружбе», буржуазная историография неизменно вспоминает о деятельности в Китае в прошлом столетии миссионеров из США.

Действительно, большая часть американских миссионеров, посланных в страны Дальнего Востока в прошлом столетии, работала в Китае. К началу XX века в этой стране находилось свыше тысячи трехсот миссионеров (из примерно двух тысяч, отправленных в страны Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании), представлявших 31 американскую религиозную организацию⁴².

Буржуазные историки утверждают, что американские миссионеры с помощью «божьего слова» и гуманных, просветительских методов внесли «вклад» в «цивилизацию» китайского народа, сыграли прогрессивную роль в истории Китая, способствуя распространению в этой стране политического и идеологического влияния США.

Однако факты говорят о том, что миссионеры всегда были сторонниками применения насильственных средств распространения западного политического и идеологического влияния в Китае. С момента появления здесь они выступали за применение военных средств давления на императорское правительство. Так, в мае 1840 года миссионеры одобрительно отнеслись к тому, что англичане начали военные действия против Китая и поощряли свое правительство к вмешательству в дела этой страны. Миссионерский журнал, издававшийся

⁴¹ D. C. Boulger. *America's Share in a Partition of China*, «North American Review», VIII.1900, p. 173-181; M. B. Young. *The Rhetoric of Empire. American China Policy 1895—1901*, Cambridge (Mass.), 1968, p. 115—218.

⁴² См.: А. А. Мурадян. *Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX веке*. М., 1971, стр. 63.

в Гуанчжоу, в этой связи заявил: «Пришло время, когда Китай должен согнуться или быть сломленным»⁴³.

Миссионеры поддерживали военные операции западных держав во время «опиумных» войн не только морально, но и практически. Они одобряли жестокое избиение китайцев войсками западных держав.

Этот взгляд был полностью воспринят и буржуазной историографией. Применение или угроза применить силу рассматривались буржуазными историками как фактор, способствующий распространению влияния Запада, и в частности христианства. Американские авторы одобрительно отзывались о действиях германского императора в Китае в конце XIX века, захватившего Цзяочжоу после убийства немецкого миссионера в Шаньдуне. Например, П. Биглау писал, что хотя подобная акция Германии противоречила «нормам международного права, но при существующих обстоятельствах явилась уроком Китаю, который он заслужил. Этот урок,— продолжал П. Биглау,— следует повторять при каждом удобном случае, так как в течение трех последних столетий это единственный урок, который пошел на пользу китайцам при контактах с белым человеком»⁴⁴.

Исследование деятельности американских религиозных организаций в Китае в прошлом веке, предпринятое советскими историками-марксистами, свидетельствует о том, что миссионеры, по существу, выполняли роль идеологического авангарда американских экспансионистов в Китае. Исторические факты подтверждают правоту ленинского вывода о том, что колонизаторы «лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства»⁴⁵. Американские миссионеры в этом отношении не составляли исключения.

Таким образом, попытки буржуазных историков «переписать» историю взаимоотношений США с Китаем в прошлом столетии, наделить американскую политику такими чертами, как «дружелюбие» и «благожелательность» по отношению к китайскому народу, абсолютно беспочвенны. К какой бы сфере этих отношений мы ни обратились — экономическим связям или торговле, дипломатии или деятельности миссионеров,— исторические факты говорят о том, что политика США преследовала собственные корыстные цели, не имеющие ничего общего с интересами китайского народа. «Исторической традицией» политики США на Дальнем Востоке является стремление эксплуатировать китайский народ, использовать Китай для различных внешнеполитических комбинаций во имя интересов американской буржуазии.

⁴³ Chinese Repository, Canton, 1840, vol. 1X, p. 2.

⁴⁴ North American Review, № 524, 1900, p. 35.

⁴⁵ В. И. Ленин и Китайская война. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 379.

«Подземное небо. Вьетнамский дневник, 72»

Блага Димитрова

Известная болгарская писательница Блага Димитрова несколько лет назад побывала во Вьетнаме. В результате этой поездки появилась книга — роман «Страшный суд», который вскоре был переведен на русский язык.

Спустя пять лет, в 1972 г., Блага Димитрова вновь едет в сражающийся Вьетнам и создает новую книгу, «Подземное небо. Вьетнамский дневник, 72». «Эта книга,— говорит писательница в предисловии,— родилась внезапно вопреки всем моим планам и привычкам в почти пустом отеле в тревожном Ханое, под ежеминутные предупреждения по радио о движении к Северу новых и новых стай американских тяжелых бомбардировщиков «В-52».

Я почувствовала, как раскаленная атмосфера времени неумолимо заставляет писать, спешить, как никогда, чтобы успеть сказать свое слово свидетеля».

Мы публикуем отрывок из «Вьетнамского дневника» Благы Димитровой.

16 апреля 1972 года, воскресенье, Ханой

Поразила меня в Ханое не сирена воздушной тревоги, не свист бомб, не грохот американских сверхзвуковых самолетов. Для меня казался невероятным монотонный спокойный рокот самолета «ИЛ-18», который вчера доставил меня сюда. Он пересек солнечное небо над Софией, тягучие облака над Киевом, сонную дымку над Москвой, весну Ташкента, зной Бомбея и Калькутты, пестроцветье Рангуна, испепеляющую жару Вьентьяна и, наконец, окунулся в нежную влажную улыбку вьетнамской зелени. Почему именно на эту благословенную природой страну, где живут самые добродушные, трудолюбивые и скромные люди из всех, которых я когда-либо видела, должна была опрокинуться самая многотонная жестокость века? Одного дня мне не хватило, чтобы понять это.

Первый день в Ханое. Рано утром я отправилась к озеру неподалеку от отеля. Воскресное утро, напоенное запахом трудовых будней. И все же чувствуется праздничный день. Не могу понять почему. Неумоимо шуршат велосипеды, с легкой поспешностью скользят по мокрой мостовой. Женщины с сумками в руках спешат на рынок. Магазины открыты и предлагают свой скромный выбор — как мало нужно человеку для существования. Дети играют в те же игры моего далекого по пространству и времени детства — в «классики», в прыгалки и пр. А, вот почему чувствуется воскресенье — все дети на улице. Нет занятий. Их блаженная свобода витает в воздухе и передается даже мне, осужденной вечно ходить в школу, день и ночь учить трудно усваиваемые уроки жизни.

В 9 часов вой сирен. Мы только что разговаривали в отеле с поэтами Хюи Кан и Суан Шань. Только что они перечисляли мне, что они написали, что пережили — для них это одно и то же, — и вой вернул нас с облаков под землю, в убежище. Я подумала о женщинах на тонких каблучках, успели ли они добежать до ближайшего убежища, вскочить в глубокую яму, полную воды от вчерашнего тропического ливня, или помчались домой, чтобы их дети не остались одни под бомбами.

Мы спускаемся по лестничке вниз, в неведомое для меня убежище от последних типов американских бомб — коридорчик, вереница клетушек. Современный лабиринт. Мы еще не достигли дна, как послышался грохот разрывов. Седая женщина держит за ручки двоих детей, рассказывает им что-то удивительно спокойным голосом. Если бы не эти двое маленьких внучат, вид бы у нее был, наверное, испуганным. Она должна быть спокойной ради них. И каждый из людей вокруг меня, разных по

национальности, возрасту и профессии, несет что-то с собой или в себе, что заставляет его быть мужественным. Улыбаются, пытаются разговаривать о чем-то повседневном и вдруг умолкают и вслушиваются в нарастающий грохот. Все знают, что это значит. Два французских кинооператора, прилетевшие вчера на том же самом мирном самолете, сейчас, повесив на плечо киноаппараты, на слух определяют тоннаж бомб и число самолетов...

Нет ничего страшнее этого беспомощного ожидания со скрещенными руками и с опущенной головой.

Мои вьетнамские друзья стремятся рассеять гнетущий грохот приятными новостями: наступление в Южном Вьетнаме идет от победы к победе. Энергичному Хю Кану не сидится на месте. В промежутке между двумя волнами бомбардировщиков он выскакивает наверх что-то разузнать. Долгое время его не было. Мы уже начали беспокоиться. Вновь загрохотали взрывы. Кан появился с улыбкой, от которой даже под землей стало светло. Он только что узнал: рано утром в 2 часа на Хайфон налетели 200 американских сверхзвуковых самолетов, 20 из которых «В-52». Было сбито по первым сведениям 5, а может быть, и больше бомбардировщиков, из которых один «В-52»... Я спросила, есть ли жертвы среди населения. Скорбная улыбка поэта простила мне мой наивный вопрос. Бомбардировке подвергся густонаселенный, второй по величине город Вьетнама, международный порт. Как же не быть жертвам? Но сведений пока нет.

Целый час длилась бомбардировка Ханоя. Наконец в 10 часов — отбой.

Отбой. Если бы у меня был талант композитора Родиона Щедрина, я бы написала симфонию об эхе этих воющих тонов в человеческой душе...

После отбоя меня провели по свежим следам преступления. Стрелой пронеслась машина «скорой помощи», машины с красным крестом, носилки, санитарки с сосредоточенными лицами. А город уже обрел свой спокойный ход велосипедных колес. Небо невыносимо голубое. Нет и тени от прочертившего его ужаса. Как быстро забывает небо! А земля обезображена ранами. В какой-то старый дом попала американская ракета «воздух — земля». От воздушной волны скромное кафе, где в душный зной наслаждались пивом несколько человек, превратилось в их братскую могилу. Среди пострадавших и сын старой служащей болгарского посольства. 16-летний школьник тяжело ранен, его жизнь в опасности. У большого озера также разорвалась ракета. Обстреляна так называемая «дорога молодости», где обыкновенно гуляют влюбленные. В городе говорят о случае с учительницей Хоан Тхи Лить. Двое ее детей ранены осколками разорвавшейся ракеты, сама она тоже ранена в руку, на которой держала грудного ребенка...

А заботливые вьетнамки уже опять спешат на рынок. Надо выбрать что-нибудь повкусней. Ведь сегодня воскресенье...

Как будто и не было многотонной автоматизированной смерти.

17 апреля 1972 года, понедельник, Ханой

День пришел, чтобы рассеять меня своими яркими красками и одновременно подтвердить мои самые мрачные предположения.

Утро до того спокойное, что это вызывает тревогу. Уж не приснились ли мне бомбардировки, разрушения, кровь? Рано утром я окунулась в велосипедный поток города. Смотрю в глаза людей. Пытаюсь понять их. Ищу в них тревогу или какую-нибудь перемену. И не нахожу — как будто и не было вчерашнего кошмарного дня. А забот у них прибавилось неизмеримо. Нужно готовиться к эвакуации. И прежде всего подготовить детей к дальней дороге, куда-то в джунгли.

Второй день в Ханое.

Только теперь я начинаю воспринимать злодеяние в его полном размере. Погибли преимущественно старики и дети. Старая служащая болгарского посольства Ань, тихая и прилежная, как пчела, вьетнамка, пришла сегодня на работу какой-то другой, хмурой. Скрывает свой взгляд. Ее шестнадцатилетний сын, готовящийся к последним выпускным экзаменам, был тяжело ранен ракетой «воздух — земля», которая врезалась в пальму, взорвалась, разрушила несколько домов, убила и ранила многих на улице. Среди них был и юноша с учебниками и тетрадками в руках. Он до сих пор не приходит в сознание. Ему сделали тяжелую операцию — вынули осколки, застрявшие в животе и в костях. Жизнь его висит на волоске. Ань решительно отказалась уйти с работы и пойти в больницу к своему сыну. Она целиком отдалась работе. Может быть, это в какой-то степени ее поддерживает. Два ее старших сына на фронте. Третий, младший, еще не вышедший из-под материнской опеки, стал мишенью слепой американской ракеты. «Война есть война!» — говорит Ань. Ее соседка до сих пор ищет своего ребенка. Он пропал во время бомбардировки. Соседи его больше не видели. У матери нет никакой надежды обнять его — теплого, живого.

родного. «Война есть война!» Тихая Ань даже не хочет с гневом уточнить: «Война американских агрессоров!» Это разумеется само собой. И гнев, и недоумение!..

В 8 часов утра я пошла на пресс-конференцию, на которой предстанут американские летчики, попавшие в плен вчера. Эту необычную пресс-конференцию кратким вступительным словом открыла Нго Дием: «...Последние данные: над Ханоем и Хайфоном во время вчерашних бомбардировок сбито в общей сложности 16 самолетов (10 над Хайфоном, 6 над Ханоем), из которых один «В-52» над Хайфоном. Сегодня вы увидите одного из исполнителей этого варварского злодеяния».

Кинокамеры и фотоаппараты нацелились на дверь, откуда должен войти непростенный гость, свалившийся с неба. Все встали, чтобы увидеть его всего, не пропустить ни одного движения сеятеля страшной смерти. И если можно, понять, что это за человек.

Медленно входит остриженный наголо великан прекрасной упитанности. На нем широкая пижама, какая дается разве что в санатории. Вьетнамцы рядом с ним кажутся по-юношески маленькими. Глаза опущены, смотрят вниз. Точно так же они смотрели сквозь бомболюк вниз, когда сбрасывали смертоносный груз. На его лице — ни единой царапины. Его могучий торс также не тронут. Катапультировался, спустился на парашюте — и земля приняла его мягко, почти бережно. А ведь, может быть, именно он принес смерть тем добродушным людям в кафе, которые наслаждались столь приятным в зной летящим пивом и говорили доверчиво: «Зачем нам прятаться в укрытие? Незачем бомбить Ханой, тем более такой мирный квартал!» Летчик не поднимает глаз. Щелкают блицы фотоаппаратов. Я хочу запомнить это лицо. Вчера, загнанная в лабиринт бомбоубежища, вслушиваясь в рев бомбардировщиков, я не могла себе представить, что за этим грохотом и реактивным ревом стоит лицо человека. Вот оно. Может быть, и он не мог себе представить, что внизу под красными крышами города — бесчисленное количество человеческих лиц? И вслепую выбрал среди тысячи детских лиц сына тихой Ань. А ведь с таким же правом слепой наглости он мог бы выбрать и моего ребенка. Впрочем, этот пилот, посланный сверху ракету, и сейчас предпочитает оставаться слепым — он не смотрит в лицо людям, к которым пришел, чтобы сеять смерть и страдания.

Человека натравили на человека.

Кто же этот «марсианин» гигантских размеров?

За этот воскресный полет он получил самый высокий гонорар и чуть не лишился жизни.

Подполковник, сбит на самолете «Ф-4Е». Он 1938 г. рождения.

Родился накануне второй мировой войны. Ему еще нет 34 лет, а на нем — бремя самого тяжкого преступления века. Можно ли его оправдывать? Мне становится мучительно жаль этого молодого полумужчину-полукота, на которого накинули какую-то невидимую узду и повели в расцвете сил играть кровавую игру, где он должен своей соборной лапой попытаться заколотить целые города.

Вьетнамцы остаются верными принципам гуманного обращения с пленными: они их не оправдывают, но и не мстят им. Они просят пилота прервать свое молчание и отвечать на вопросы. Дают ему микрофон, чтобы он мог сказать несколько слов для своей семьи. Не поднимая глаз, не поднимая опущенной, словно под грузом сброшенных им бомб, головы, он с трудом пробормотал:

«Я прошу передать моей семье, что я здоров и нахожусь в хороших условиях. Передайте привет всем близким. Благодарю за доверие к моим словам. Еще раз благодарю!».

Только когда слышишь его голос, можно понять, что творится в его душе. Я вдруг почувствовала тот страх, который овладел этим великаном, похожим на ребенка, поскольку только ничего не смыслящий ребенок может быть таким жестоким, безответственным и испуганным...

В большом универсальном магазине в центре города в жару прохладно, тихо и немногочисленно. Нет даже намека на панику среди покупателей. По сравнению с прошлым на витринах больше разнообразных товаров. Я ждала очередей, жаждущих запасть впрок, исчезновения спичек, соли, мыла, продуктов питания, как это могло бы быть в любой другой столице после такой бомбардировки, как вчерашняя. Ничуть не бывало. Хозяйки подолгу выбирают, разговаривают с продавцами, уходят домой посоветоваться. словно это обычный день в одном из мирных городов мира. Я отказываюсь понимать этот народ. Я его не идеализирую, не сравниваю с другими — я его уважаю. Он совсем иной, чем я его себе представляла, он постоянно ошеломляет меня и заставляет принять таким, каков он есть, — необъяснимым...

Программа моего пребывания выполнялась с неизменной точностью независимо от чрезвычайного положения в городе. Мои друзья еще вечером извинились, что они весь следующий день будут заняты и не смогут уделить мне должного внимания. Одни направлялись в провинцию в самые опасные зоны со специальным заданием, другие загружены ответственной организационной работой, третьи должны быть на важном, по-настоящему важном заседании, где будут решаться вопросы обороны города и эвакуации детей. А мой неизменный спутник, согласно намеченной про-

грамме, ведет меня на выставку. Приятно хоть на час почувствовать себя туристом и забыть, что вчера в это же время ты спускалась в бомбоубежище под рев реактивных самолетов, нагруженных смертью. В эти украденные от войны мирные мгновения особенно остро чувствуешь сладость жизни. Какое блаженство бродить по выставке современных вьетнамских художников и рассматривать их картины, хотя в некоторых из них есть элементы несовершенства и наивности. Одно меня поразило — широта тематики, интимность трактовки, нежность колорита. Во время самой остревенелой войны, какую когда-либо знала история, вьетнамские творцы не страшатся рисовать цветы и натюрморты, пейзажи, портреты обычных людей, а не только героев, изображать повседневный труд на полях, интерьеры вьетнамских домов, игры детей, рисовать нежные акварели в традиционном стиле, пытаться знести новые цветовые сочетания и среди бесчисленных «мирных» сюжетов изобразить войну, но не плакатно, а раскрывая ее трудовую повседневность, которая, по существу, и есть огромный всенародный подвиг, мобилирующий вся и всех — от буйвола до ребенка и старика, от бамбука до рисового зернышка, от моря и реки до глубин земли.

С этой выставки я вышла еще более уверенная в силе и твердости духа вьетнамского народа. Не бояться в столь суровый момент быть нежным — для этого надо быть сильным...

21 апреля 1972 года, пятница, Хайфон

Рано утром мы отправились на машине, опутанной камуфляжной броней из зеленых веток, в Хайфон. По пути обгоняли грузовики, нагруженные скудными пожитками. Народ эвакуировался. Основной транспорт — велосипед.

Никогда не изгладится из моей памяти такая картина: мать посадила ребенка на багажник велосипеда, впереди она одной рукой придерживает грудного ребенка, а на спине — котомка с самым необходимым. Она едет на велосипеде по изрытой воронками дороге, и все же у нее хватает сил улыбнуться неизвестной иностранке, удобно расположившейся в машине.

Если бы мне даже не сказали, я бы сразу поняла, что перед нами Хайфон. Вот таким любители военных авантур хотят видеть будущее всего нашего мира. Масшированные бомбардировки воздушных крепостей «В-52». Огромная площадь вокруг бензохранилищ превращена... во что? Нет никакого сравнения. Пустыня выглядит намного приветливей. Перед моими глазами расстилается перепаханная пустота. То тут, то там еще вырываются языки пламени и густо дымят. Ветер доносит сухой запах гари. Рядом с городом таким вот варварским способом было уничтожено несколько сел. Вызывает по меньшей мере недоумение — неужели для тростниковых хижин, покрытых пальмовыми листьями, и были сконструированы могучие бомбардировщики «В-52», чудовища современной американской техники?!

Машина медленно въезжает в город, который, казалось, пострадал от страшного землетрясения. Целые жилые районы, которые были густо населены, превращены в груды развалин. Кое-где висят таблички — бомбы замедленного действия. В городе еще гремят взрывы. Дальше на машине уже невозможно проехать, и мы выходим. Вблизи развалины производят еще более тягостное впечатление. Здесь был район школ. Мы проходим мимо трех разрушенных школьных зданий. Дальше — рабочие общежития. И они разрушены до основания. Вокруг них бродят бывшие обитатели в надежде отыскать что-либо из своих вещей. А это опасно — повсюду еще много неразорвавшихся бомб. Рыбконсервный завод сравняли с землей. Ищу улицу Дьенбьенфу. Там нет ни одного здания, на котором можно было бы прочесть название улицы. А ведь об этой улице мне так много рассказывал вьетнамский мальчик. Это была зеленая улица с густыми кронами пальм и множеством цветов. Сейчас вместо домов — закопченные стены с пустыми глазницами окон, пальмы лежат с вывороченными корнями, а вместо цветов — железные остатки ракеты, зарывшейся в землю. Под развалинами, наверное, засыпаны те самые соседские ребятишки, о которых рассказывал вьетнамский мальчик...

Но нужно спешить. По радио опять передали сигнал тревоги — на юго-восток летят вражеские самолеты. На меня одели тяжелую каску. Мы двинулись к порту. Огромный продуктовый склад разрушен. Горят мешки с пшеницей. Пахнет горелым хлебом. Ветер черный, обугленный. Горят вагоны, нагруженные хлебом. Пожарную команду, прибывшую гасить пожар, обстреляли американские стервятники в тот момент, когда она пыталась спасти раненых. Вот огромный немецкий пароход «Халберштадт». Бомба угодила прямо в середину его корпуса. Там зияет черная глубокая язва. В английский торговое судно также попала бомба. Вот белоснежный советский корабль «Симферополь». Его обстреляли и попали в то место, где находится санчасть. Есть раненые. Боцман погиб.

Мне показывают новые чудовищные бомбы: ребристые осколочные, бомба-перфоратор, которая просверливает бетон и взрывается непосредственно в бомбоубе-

жище, где скрываются дети, женщины, старики. И самое отвратительное новое изобретение: веерообразная бомба, обладающая таким термическим зарядом, который достигает при сгорании 1500—2000 градусов. В ее контейнере находится 247 отдельных веерообразных бомб, каждая из которых обладает зажигательным и разрушающим свойством. От жертв этой бомбы не останется ничего, кроме кучки пепла. Новый фашистский крематорий.

На город было сброшено 2900 бомб самых различных типов. Огромное количество снарядов выпустил по городу 7-й американский флот США.

Число жертв еще не уточнено. Вся семья Чуан Ван Хунга погибла. В семье Ле Ба семь убитых. Со своим двухлетним ребенком погибла Тхи Чиен. Двадцатидвухлетняя Нгуен Ван Лин страшно изуродована. Больницы переполнены ранеными. Среди них много женщин, стариков и детей.

Сейчас город почти целиком эвакуирован. На дверях домов висят замки. Вьетнамцы никогда не запирают свои квартиры. Двери всегда широко открыты, и на пороге играют дети. И эти замки производят жуткое впечатление.

И все же в Хайфоне многолюдно. Здесь остались защитники героического города, те, которые сбили 10 американских самолетов, среди них один «В-52», повредили 13 американских кораблей пресловутого 7-го флота, расположившегося в чужих водах за тысячи километров от США...

2 мая 1972 года, вторник

...Ханой остался далеко позади. Пришло время выяснить, куда и зачем мы едем. Нгуен не любит играть в загадочность. Вообще каждый вьетнамец по-своему разбивает наивное представление об азиатах. В голосе моего спутника появились радостные нотки от того, что он мне может сообщить:

— Ты первая иностранка, которая встретится с офицером сайгонской армии, перешедшим на нашу сторону!

Я слышала о подполковнике, который со всей своей частью перешел на сторону патриотов. Многие из журналистов могли бы мне позавидовать. А я бы многое отдала, чтобы эта война исчезла, как дурной сон, чтобы я могла заполнять свой дневник не военными сенсациями, а стихами о хризантемах и цветущих деревьях. Нет ничего более прекрасного на горящей планете, чем зеленое, вознесшееся в бездну неба цветущее дерево. Тень от него — нежнейшее объятие, раскрытое для всего живого. Стыд и боль душат меня при виде мученических останков целых рощ, уничтоженных и обезображенных кощунственной рукой, дерзнувшей бросить бомбы и огонь на лучшего друга человека.

— А могу я поговорить с ним?

— Сколько угодно!

— И задавать вопросы?

— Какие хочешь!

— Что за птица этот офицер?

— Увидишь сама...

3 мая 1972 года, среда

...Джип двигался на юг, по направлению к отдаленному грохоту. Через некоторое время мы оставили джип в небольшой долине и углубились в какой-то странный лес с высокими стройными деревьями, неизвестными мне ни по виду, ни по шороху листьев — ветер не поет в них, не шелестит, а как-то мурлычет.

Внезапно я услышала какой-то странный звук, как будто била тяжелыми крыльями большая птица. Я подняла голову и увидела парашют, огромный белый парашют, растянутый среди деревьев. Он был похож на какой-то фантастический сказочный шатер.

— Под этим американским парашютом ты встретишься с подполковником Фан Ван Динем из марионеточной сайгонской армии, перешедшим на сторону патриотов! — торжественно сообщил мне Нгуен.

Мы подошли. Вблизи парашют казался еще больше. Я представила себе, каким бы отличным зонтом был бы этот парашют в отставку в мирное время над каким-нибудь открытым кафе в Сайгоне или Ханое. Но сейчас среди грохочущего горизонта, в тревожном лесу шелест плененного американского парашюта звучал зловеще.

Я села за стол, поставленный прямо под парашютом. Вошла группа людей. Среди них я увидела подполковника сайгонской армии. Высокий, молодой, округлый, более смуглый, чем мои спутники, в голубовато-серой военной форме...

— Почему вы избрали военную профессию?

— Я был взят в сайгонскую армию, еще когда был студентом. Я изучал литературу,— с оттенком тоски сказал Фан Ван Динь.

— Выходит, мы коллеги.

— Меня насильно заставили стать офицером резерва двенадцать лет назад. Сейчас мне 34 года. В январе 1969 г. присвоили звание подполковника.

— При каких обстоятельствах вы перешли на эту сторону?

— В 1971 г. я был назначен командиром 56 полка. 30 марта 1972 г., когда началось наступление, мне было приказано защищать базу, названную американцами «Кэрол». У этой местности есть и вьетнамское название, но они назвали ее так, и мы к этому привыкли.

Я посмотрела на купол парашюта. Американец, ты спускаешься на этом парашюте на вьетнамскую землю! Почему же ты не удосужился хотя бы выучить вьетнамские имена, а прилагаешь такие отчаянные усилия, чтобы покорить этот народ? Среди прочего вьетнамцы не простят тебе и этого: ты навязываешь им свои банальные названия вместо их поэтических, веками сохранявшихся названий, которые подходят к их великолепной природе и к их самобытным нравам.

Подполковник ждал, когда я вновь вернусь к блокноту.

— Части вокруг моей базы были атакованы и уничтожены. С 30 марта по 2 апреля база не снабжалась ни продовольствием, ни боеприпасами. Отсутствовала какая-либо медицинская помощь. У нас было около 50 убитых и раненых. До 2 апреля мы подвергались только обстрелу, но вскоре следовало ждать атаки пехоты. Я прикинул все возможности. Если продолжать сопротивление, будет много напрасных жертв как с нашей стороны, так и со стороны патриотических сил. Кровопролитие я считал излишним. Так же думали и многие офицеры. Мы собрались вместе с солдатами и решили перейти на сторону армии освобождения. Нас было 500 человек. Это произошло в 14 часов 2 апреля.

— Как вас приняли?

— Очень хорошо! — вьетнамец впервые улыбнулся за все время своего рассказа.

— Как вы чувствуете себя сейчас?

— Я обрел самое дорогое — спокойную совесть!

— Что вы думаете о вьетнамизации? — задала я главный вопрос.

— По-моему, вьетнамизация потерпит провал и уже терпит по следующим причинам: с 1965 по 1970 г. сайгонская армия насчитывала миллион человек, а американская — 600 000. И все же им не удалось победить с такими силами...

Сайгонская армия борется за чужое, несправедливое дело, у нее очень низкий моральный уровень. Солдаты и офицеры не понимают, за что должны проливать свою кровь... А командование находится в тесной зависимости от американского. Но мы не любим войн, тем более таких, которые навязаны нам извне, за чужие интересы. Мы жаждем мира. И думаем, что, несмотря на различия во взглядах, между нами, северными и южными вьетнамцами, мы можем прийти к соглашению путем переговоров...

— Ваш вывод?

— Несмотря на численность, подготовку и расходы на вооружение миллионной сайгонской армии, в которой отсутствует дух борьбы, сайгонское правительство потерпит поражение.

— Каковы ваши впечатления о силах патриотов?

— Армия освобождения борется за справедливое дело. Здесь между солдатами и офицерами есть братское взаимопонимание, а в сайгонской армии, наоборот, большие различия. Высшее начальство гонится за прибылью. В случае поражения им обеспечено бегство за границу. Сейчас, при все более мощном наступлении армии освобождения, в рядах сайгонской армии царит полное разложение.

— Не сомневаетесь ли вы в правильности сделанного шага?

— Я все больше и больше убеждаюсь, что мое решение было правильным. Новые победы патриотов, новые встречи, какие у меня были (он посмотрел в сторону Нгуена), все больше убеждаюсь, что я избрал верный путь.

— Что бы вы хотели для будущего Вьетнама?

— Я хотел бы, чтобы война скорее кончилась, как можно скорее! Поэтому американцы должны прекратить свое вмешательство во вьетнамские дела. Вместо умиротворения, о котором они без конца твердят, на деле они лишь разжигают братоубийственную войну. Я против американского вмешательства во Вьетнам!..

Американский парашют плещется все сильнее. Ветер растет, как говорят вьетнамцы. Под этим нейлоновым небом, раскинутым над истерзанной вьетнамской землей, Нгуен и подполковник долго жмут друг другу руки. Хотя эти два человека шли разными путями, все же они братья, которых не может разделить это нейлоновое небо, навязанное им извне. Так и должно быть.

Перевел с болгарского В. Ерунов

К сорок пятой годовщине Кантонской коммуны

Сорок пять лет назад, 11—13 декабря 1927 г., на юге Китая, в Гуанчжоу (Кантон), произошло вооруженное восстание рабочих, солдат и крестьян, известное в истории как Кантонская коммуна.

Восстание началось в условиях спада революции и фактически завершило собой крупные арьергардные бои китайской революции 1925—1927 гг.

17 ноября 1927 г. ЦК КПК принял решение об организации вооруженного восстания в Гуанчжоу¹, и 28 ноября Гуандунский провинциальный комитет КПК выпустил обращение к народу с призывом свергнуть власть гоминьдана и установить в Гуанчжоу советскую власть².

11 декабря в 3 часа 30 мин. по заранее разработанному плану восстали 7 отрядов рабочей Красной гвардии и учебно-инструкторский полк войск гоминьдановского генерала Чжан Фа-куя; две трети его командного состава (офицеры и унтер-офицеры) составляли коммунисты³. В ходе восстания к ним примкнули жители Гуанчжоу, солдаты, освобожденные из тюрьмы политзаключенные и крестьяне окрестных деревень. Руководство восстанием осуществлял Военно-революционный комитет во главе с видным

¹ Дэн Чжун-ся. Китайская коммунистическая партия в кантонском восстании. «Кантонская коммуна» (к сорокалетию восстания в Гуанчжоу), М., 1967, стр. 94.

² Русский текст обращения см.: «Кантонская коммуна», стр. 202—206. Дэн Чжун-ся датирует этот документ 26 ноября 1927 г. (там же, стр. 98).

³ «Новейшая история Китая», 1917—1970 гг., М., 1972, стр. 119.

революционером, членом Политбюро ЦК КПК, секретарем Гуандунского провинциального комитета КПК Чжан Тай-лэем.

Восставшие, овладев рядом жизненно важных центров города, в 5 часов утра официально провозгласили советскую власть в Гуанчжоу. К вечеру этого же дня было учреждено советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Су Чжао-чжэном (избран заочно, так как его не было в городе), обязанности которого исполнял Чжан Тай-лэй — народный комиссар по военным и морским делам нового правительства.

Советское правительство приняло текст «Манифеста к рабочим, крестьянам и солдатам Китая и к пролетариату всего мира» и программу, основными положениями которой были: провозглашение власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, свобода деятельности КПК и объявление гоминьдана вне закона, свобода слова, печати, собраний, организация рабоче-крестьянской Красной армии; конфискация имущества крупных капиталистов, введение рабочего контроля над производством, 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы всем рабочим; национализация всей земли и передача ее крестьянам и др.

В области внешней политики программа предусматривала свержение империализма и союз с СССР и пролетариатом всего мира. Большую часть декларируемых в программе мероприятий Кантонская коммуна не успела провести в жизнь за 58 часов своего существования. Уже на второй день восстания контрреволюционные генералы Чжан Фа-куй и Ли Цзи-шэнь, прекратив междоусобную войну, двинули свои войска против восставшего Гуанчжоу. Их поддержали французские и японские канонерки, обстрелявшие город со стороны реки Чжунцзян, и английский десант.

13 декабря объединенными усилиями внутренней контрреволюции и внешней реакции восстание в Гуанчжоу было подавлено. Захватившие город контрреволюционеры обрушились на участников восстания с жесточайшими репрессиями, сопровождавшимися массовыми казнями и расстрелами.

Вместе с китайскими революционерами жертвами разгула контрреволюции стали сотрудники советского консульства в Гуанчжоу, пятеро из которых — В. А. Уколов, Ф. И. Попов, П. П. Макаров, К. С. Иванов и 33-летний вице-консул А. И. Хассис — были зверски убиты.

23 декабря 1927 г. народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин опубликовал заявление, в котором от имени Советского правительства заявил перед всем миром протест против бесчинств китайской контрреволюции.

Вместе с тем Г. В. Чичерин выражал глубокую надежду, что «освобожденный китайский народ не забудет погибших от руки его угнетателей советских друзей, память которых свяжет еще крепче спаянные кровью народы двух великих государств»⁴.

Советский народ горячо приветствовал победу вооруженного восстания в Гуанчжоу и с пристальным вниманием следил за судьбой Кантонской коммуны.

13 декабря в передовой статье «Рабоче-крестьянский Кантон!» газета «Правда», особо отметив, что восстание в Гуанчжоу «было поднято не только крестьянами и солдатами, но и рабочими, назвала его «исторически бессмертным»⁵.

Буквально в первые же дни после поражения Кантонской коммуны «Правда», извлекая уроки из восстания в Гуанчжоу, отмечала, что лозунг Советов должен стать основным лозунгом китайской революции в последующий период. «Великая историческая инициатива кантонских рабочих не пройдет бесследно, — писала «Правда» в передовой статье «Кантон — Лондон — СССР». — Растерзанный кровожадными палачами советский Кантон возродится вновь. Вся дальнейшая борьба китайских рабоче-крестьянских масс пойдет под лозунгом советов»⁶.

Жесточайшие репрессии, с которыми обрушилась контрреволюция на участников Кантонской коммуны, вызвали у советских людей гневное возмущение и справедливое осуждение. Массовые собрания и митинги протеста волной прокатились по Советскому Союзу. 10 января 1928 г. в Колонном зале Дома Союзов состоялся большой митинг протеста против белого террора в Китае, организованный обществом «Руки прочь от Китая!» и московским комитетом МОПР, на котором с докладом выступил С. А. Лозовский. Встреченный бурными и продолжительными аплодисментами член Исполкома МОПР Сэн Катаяма выразил решительный протест против террора контрреволюции в Китае и указал на то, что долг рабочих всего мира — помочь китайской революции. В заключение митинга была единогласно принята резолюция с призывом оказать помощь китайским революционерам⁷.

Моральная поддержка советского народа участникам восстания в Гуанчжоу подкреплялась материальной помощью. Рабочие ряда предприятий страны организовывали сборы средств по подписке, отчисляли один

процент своей зарплаты или однодневный заработок в пользу семей революционеров, убитых во время восстания и в дни белого террора в Гуандуне⁸.

В защиту Кантонской коммуны выступили Коммунистический Интернационал, Красный Интернационал Профсоюзов и Международная организация помощи борцам революции (МОПР).

15 декабря 1927 г. на весь мир прозвучало обращение Исполкома Коминтерна «Ко всем рабочим, ко всем угнетенным, ко всем солдатам капиталистических армий». В обращении говорилось, что «беспримерное мужество кантонских рабочих является актом величайшего, подлинно мирового значения»⁹. Обращение заканчивалось призывом оказать помощь китайской революции: «Спешите ей на помощь! Спешите на помощь китайским советам! Не давайте отправлять ни одного солдата, ни одного матроса, ни одной пушки, ни одного ружья для удушения китайской революции. Откажитесь грузить пароходы с военным снаряжением! Мобилизуйте свои силы! Требуйте немедленного удаления империалистических войск из Китая!»¹⁰.

Героизм участников восстания в Гуанчжоу получил высокую оценку не только в этом обращении, но и в последующих документах IX пленума ИККИ и VI конгресса Коминтерна. «Кантонское восстание вошло в сознание трудящихся как образец величайшего героизма китайских рабочих», — отмечалось в воззвании VI конгресса Коминтерна к рабочим и трудящимся Китая¹¹.

14 декабря 1927 г. Исполбюро Профинтерна также выпустило воззвание «На помощь китайской революции», в котором призывало создать «единый фронт трудящихся всего мира для защиты наших китайских братьев»¹². А 20 декабря в воззвании «Против убийц трудящихся Китая» Профинтерн призвал рабочих всех стран: «Пусть каждый отряд всемирной армии труда не остановит ни на день, ни на час своей борьбы со своим капитализмом, со своей буржуазией. Пусть гонят из своей среды прислужников капитала, это — лучшая помощь, которую мы можем оказать нашим китайским братьям»¹³. Исполком МОПР обратился с призывом немедленно оказать семьям китайских революционеров материальную помощь¹⁴.

17 января 1928 г. Исполком МОПР обратился с воззванием ко всем трудящимся Советского Союза с просьбой оказать брат-

⁸ Там же, 24.XII.1927; «Известия», 24.XII.1927.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, 15.XII.1927.

¹¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, М.—Л., 1929, вып. 6, стр. 190.

¹² «Красный Интернационал Профсоюзов», № 1, 1928, стр. 107.

¹³ Там же, стр. 108; «Известия», 21.XII.1927.

¹⁴ «Правда», 18.XII.1927.

⁴ «Правда», 23.XII.1927; «Известия», 23.XII.1927.

⁵ Там же, 13.XII.1927.

⁶ Там же, 23.XII.1927.

⁷ Там же, 11.I.1928.

скую помощь рабочему классу и крестьянству Китая. «Мы уверены, — говорилось в воззвании, — что ваша помощь Китаю окажется достойной ваших великих традиций международной солидарности»¹⁵. В начале 1928 г. МОПР развернула широкую интернациональную кампанию помощи жертвам белого террора в Китае. Состоявшийся в апреле 1931 г. III пленум Исполкома МОПР вынес постановление считать 12 декабря днем Кантонской коммуны — вторым днем МОПР, международным днем солидарности трудящихся всех стран с угнетенными народами колоний, что служит свидетельством высокой оценки международным революционным движением значения Кантонской коммуны и героизма ее участников.

Кантонская коммуна явилась яркой страницей в истории китайской революции, од-

ним из ее самых героических эпизодов. Советский народ сегодня, как и 45 лет назад, восхищается этой «героической попыткой пролетариата организовать советскую власть в Китае»¹⁶ и с чувством безграничного уважения чтит память героев, погибших в боях за коммуны и в дни белого террора, последовавшего за разгромом восстания.

Ниже мы публикуем несколько документов Профинтерна, посвященных Кантонской коммуне.

Встречающиеся в документах китайские имена собственные и географические названия даются в современной транскрипции, кроме «Кантонская коммуна» — устоявшегося в исторической литературе названия, а также города Кантона.

А. С. Ипатов,
кандидат исторических наук

НА ПОМОЩЬ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К рабочим всех стран

МОСКВА

14 ДЕКАБРЯ 1927 г.

Товарищи! В Кантоне произошло победоносное восстание рабочих, солдат и крестьян. Власть генералов и буржуазии свергнута, образовано рабоче-крестьянское правительство, во главе которого стал председатель Всекитайской Федерации Профсоюзов и руководитель полуторagodичной кантонско-гонконгской забастовки Су Чжао-чжэн. Все силы феодально-буржуазной реакции брошены против революционного Кантона. Внутри самого Кантона под предлогом охраны иностранной концессии (Шамянь) находятся французские и японские миноноски, а у устья Жемчужной реки стоит английская крепость [Гонконг], пушки которой направлены против восставших трудящихся масс южного Китая. Таким образом, китайские генералы, помещики, компрадоры, промышленники, финансисты, правые и левые гоминьдановцы вместе с японскими, английскими и французскими вооруженными силами окружают железным кольцом рабочих и крестьян Гуандуна, для того чтобы потопить в крови это восстание рвущихся к национальному и социальному освобождению трудящихся масс.

Всем известна беззаветная преданность рабочих и крестьян Китая в борьбе. Уже самый факт захвата власти в Кантоне свидетельствует об исключительном героизме трудящихся масс. Они борются против могущественных внутренних и внешних врагов и имеют право рассчитывать на солидарность и поддержку рабочих всего мира, ибо борьба рабочих и крестьян Кантона есть дело всех трудящихся, дело эксплуатируемых всего мира. Враги китайской революции обрушились объединенным фронтом против восставших рабочих и крестьян Гуандуна — создадим же единый фронт трудящихся всего мира для защиты наших китайских братьев!

**Все на помощь рабоче-крестьянскому правительству Кантона!
Долой душителей китайской революции — интервентов!
Да здравствует Кантонская коммуна!**

Исполбюро Красного Интернационала
Профсоюзов

(«Красный Интернационал Профсоюзов»,
1928, № 1, стр. 107)

¹⁵ «Известия», 17.I.1928.

¹⁶ Резолюции и постановления девятого пленума Исполкома Коминтерна (9—25 февраля 1928 г.), М.—Л., 1928, стр. 71.

ПРОТИВ УБИЙЦ ТРУДЯЩИХСЯ КИТАЯ**В защиту китайской революции
К рабочим всех стран!**

МОСКВА

20 ДЕКАБРЯ 1927 г.

В своей борьбе с эксплуататорами и угнетателями всех видов рабочий класс несет неисчислимые жертвы. Каждая отвоеванная от капитализма пядь земли напоена пролетарской кровью. Но то, что творит сейчас остервенелая китайская помещичье-купеческая реакция при поддержке так называемых «цивилизованных» держав, беспримерно по своей жестокости и омерзительности.

Что же произошло на юге Китая! В ночь с 11 на 12 декабря в Кантоне произошло победоносное восстание рабочих и солдат. Восставшие при помощи крестьянских отрядов изгнали войска Чжан Фа-куя и провозгласили советскую власть в Кантоне. Во главе рабоче-крестьянской власти стал председатель Всекитайской Федерации Профсоюзов Су Чжао-чжэн, а министрами были назначены виднейшие коммунисты и революционные профработники Китая. Рабочие и крестьяне захватили власть под лозунгом «пашни — крестьянам, рис — рабочим». Голодные, истощенные кантонские кули дрались как львы против вооруженных солдат и чуть ли не голыми руками захватили город. Но советская власть в Кантоне продержалась всего лишь два дня. Опираясь на поддержку империалистов, войска Чжан Фа-куя и Ли Фу-линя снова захватили город. Кантонская коммуна раздавлена. Тысячи лучших пролетарских бойцов погибли. Победившая реакция под крылышком «цивилизованных» европейцев и американцев, пославших туда свои крейсера и миноноски, совершает неслыханные варварства: пленных связывают пачками и, обливая бензином, сжигают на улице. За коммунистами охотятся, как за дикими зверями, кровь льется рекой. Превзойдены ужасы белого террора Болгарии, Финляндии, Румынии, Польши и фашистской Италии, и нет слов на человеческом языке, чтобы передать страдания революционных рабочих и крестьян, которых тысячами сжигают живьем, пытаются, вешают, душат и топят. Улицы Кантона устланы горами трупов замученных, растерзанных борцов рабочего класса. Все это творится руками разнузданной военщины, но ее руку направляет китайская буржуазия и мировой империализм, и впереди всех — правительство высококордных, христианнейших английских лордов, промышленников, фабрикантов и купцов. Та бешеная травля, которая ведется теперь в Китае против СССР, показывает, чью волю творит, чей приказ выполняет китайская военщина. Никогда и нигде омерзительное разбойничье лицо мирового империализма не проявлялось с такой ужасающей обнаженностью, как в последних китайских событиях.

Рабочие всех стран! Помните, дело китайских пролетариев — дело всего мирового пролетариата. Наши китайские братья гибнут не только за себя, не только за свое национальное и социальное освобождение, они борются с мировым империализмом — нашим общим врагом, они — лучшие солдаты всемирной армии труда. Пусть их беззаветное мужество, их героизм служат нам вдохновляющим примером. Пусть каждый отряд всемирной армии труда не оставит ни на день, ни на час своей борьбы со своим капитализмом, со своей буржуазией. Пусть гонят из своей среды прислужников капитала, это — лучшая помощь, которую мы можем оказать нашим китайским братьям.

Слава китайским коммунарам, павшим в боях!

Борьба на смерть с душителями китайского народа!

Да здравствует рабоче-крестьянский Китай!

Исполнительное Бюро Красного
Интернационала Профсоюзов

«Красный Интернационал Профсоюзов»,
1928, № 1, стр. 107—108»

Из истории китайской общественно-политической мысли нового времени¹

В. А. Неделин,
кандидат философских наук

В последнее десятилетие значительно возрос интерес к истории китайской общественно-политической и философской мысли нового времени. Обобщающие труды, посвященные этому периоду, представляли собой до 60-х годов в Китае, Европе и Америке сравнительно редкое явление². Более активно работали в это время японские исследователи истории китайской общественной мысли нового времени, создавшие ряд трудов обобщающего характера³.

Сравнительно немногочисленными были в этот период и монографические работы, по-

¹ А. Г. Крымов. *Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900—1917*, изд-во «Наука», М., 1972.

² В 1935 г. в Китае появилась книга Го Чжань-по «История китайской идеологии за последние 50 лет»; в 1940 г. вышла работа Тань Пи-мо «История идеологии Цинской династии»; в 1946 г. была издана книга Хоу Вай-лу «История китайских идеологических учений нового времени». В США Х. В. Крил в 1953 г. опубликовал работу «Китайская идеология от Конфуция до Мао Цзэ-дуна». В 1956 г. во Франции вышла книга С. Ж. Бриера «Пятьдесят лет китайской философии».

³ Сида Иосимура. «Исследование современной идеологии» (Япония и Китай), 1928; Отакэ Фумио. «Идеология современного Китая», 1939; Фудзиэда Такэо. «Различные направления в идеологии современного Китая», 1940; Сакаи Тарао. «Националистическая идеология китайской интеллигенции», 1941; Санэто Кэйсю. «Идеология современного Китая», 1942; Такэути, Ямагути и др. «Революционная идеология Китая», 1953, и др. работы.

священные отдельным китайским мыслителям нового и новейшего времени⁴.

С начала 60-х годов положение начало меняться. Все больше стало появляться монографических работ об отдельных китайских мыслителях нового времени. Вышли в свет книги о Хуан Синь⁵, Янь Фу⁶, Ли Да-чжао⁷, Сунь Ят-сене⁸ и других. Чаще стали публиковаться труды обобщающего характера по истории китайской общественно-политической мысли этого периода.

В последнее время появились книги Честера Тана «Китайская политическая мысль в XX веке», Ли Ю-нина «Введение социализма в Китай», А. Г. Крымова «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900—1917».

Работа обобщающего характера, посвященная общественной мысли Китая начала XX века, издана в нашей стране впервые и поэтому привлекла к себе внимание, тем более что она представляет собой первый марксистский труд на эту тему вообще. Ее появлению способствовало то, что в последние годы советские ученые-китаеведы создали многочисленные труды, помогающие понять обстановку, в которой развивалась общественно-политическая мысль Китая в новое и новейшее время. В этой связи следует назвать работы С. Л. Тихвинского, М. И. Сладковского, Н. Г. Сенина, Л. Д. Позднеевой, Л. П. Делюсина, Ю. М. Гарушянца, А. М. Григорьева, Ю. В. Чудодеева, Л. Н. Борх, В. И. Семанова, В. Ф. Сорокина, Д. Н. Зильберг, А. С. Костяевой, Е. А. Белова и других.

⁴ Шерман в 1934 г. издал в Англии работу «Сунь Ят-сен. Его жизнь и ее значение». В 1944 г. в Японии появилась книга о Сунь Ят-сене, написанная Тикахаси Юдзи. В 1956 г. вышла работа Н. Г. Сенина «Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ят-сена». В 1959 г. Левенсон выступил с работой о Лян Ци-чао. В 1959 г. был опубликован труд С. Л. Тихвинского «Движение за реформы в Китае и Кап Ю-пэй».

⁵ Сюэ Цюнь-ду. *Хуан Синь и китайская революция*, Стэнфорд, 1961.

⁶ Б. Шварц. *В поисках богатства и силы*, Гарвард, 1964.

⁷ Мейснер. *Ли Да-чжао и происхождение китайского марксизма*, Гарвард, 1967.

⁸ Шифрин. *Сунь Ят-сен и возникновение китайской революции*, Беркли, 1970.

Рост интереса к истории китайской общественно-политической и философской мысли в нашей стране и за рубежом не случаен. Он вызван в первую очередь стремлением разобраться в тех идеологических процессах, которые происходят в современном Китае, и в частности понять маоизм и идейные корни тех или иных отклонений от научного социализма на различных этапах истории Китая новейшего времени. Юность старшего поколения современных китайских руководителей приходится на первые десятилетия этого века. В то время складывалось мировоззрение и взгляды тех, кто сегодня стоит у руководства КНР и определяет его политику. Поэтому важно знать, какова была та идейная и психологическая атмосфера, в которой формировались установки и убеждения китайской молодежи первых десятилетий этого века. Исследования по истории общественно-политической мысли Китая нового и новейшего времени позволяют в известной мере воссоздать тот идеологический климат, в котором росло поколение, совершавшее китайскую революцию, и частично ответить на вопросы о том, почему национализм оказал столь сильное влияние на китайское революционное движение и что способствовало возникновению в Китае маоизма.

В книге А. Г. Крымова анализируются главным образом либеральное и буржуазно-демократическое течения общественной мысли Китая 1900—1917 гг., связанной непосредственно с политическими проблемами.

Рассматриваемые семнадцать лет в области китайской общественной мысли автор разбивает на следующие периоды: 1900—1905 гг. — период идейного преобладания взглядов реформаторов; 1905—1907 гг. — период формирования программы революционных демократов и острой полемики с конституционалистами; 1907—1911 гг. — период идейной борьбы либералов и революционеров накануне Синьхайской революции; 1911—1913 гг. — период идейной борьбы революционеров и либералов во время Синьхайской революции; 1913—1917 гг. — период, с одной стороны, засилья реакционной идеологии и, с другой — зарождения и раннего этапа Движения за новую культуру и идеологических перемен, связанных с влиянием Великой Октябрьской социалистической революции на Китай.

Такая периодизация истории общественно-политической мысли Китая, на наш взгляд, является оправданной как самим ходом исторического процесса, так и логикой ее внутреннего развития.

В книге дается развернутая характеристика взглядов реформаторов в первые годы XX века (Кан Ю-вэй, Лян Ци-чао, Янь Фу), а также идеологов революционной демократии (Сунь Ят-сена, Чжан Бин-линя, Цзоу Жуня, Чэнь Тянь-хуа, У Юэ). Автор показывает формирование программы революционных демократов и воздействие на нее русской революции 1905—1907 гг., а так-

же рассматривает общественно-политические взгляды конституционалистов, их полемику с революционерами и отношение к национальной революции, социальные теории и представления о будущем государственном строе Китая. В книге излагаются общественно-политические взгляды революционеров и их полемика с конституционалистами, а также говорится об отношении революционных демократов к вопросам национальной революции, борьбе против иностранного империализма, социальной революции, их представлениях о будущем государственном строе Китая, путях и методах политической революции.

Идейные позиции либералов и революционеров накануне и в период Синьхайской революции показываются автором путем анализа политических взглядов либеральных конституционалистов, представителей школы «Гоцуйпай» (школа национальных наук), анархистов, Хуан Сина и Сун Цзяо-жэня. А. Г. Крымов детально разбирает программные установки Сунь Ят-сена того времени, его учение о национализме, народовластии и народном благоденствии, знакомит нас со взглядами Цай Юань-пэя, «социалиста» Цзян Кан-ху и других деятелей и идеологов, проявивших себя в этот период.

После Синьхайской революции в истории общественно-политической мысли Китая временно усилилось влияние реакционных сил. Кан Ю-вэй, Лян Ци-чао, Янь Фу и другие представители китайского либерализма в это время становятся все более реакционными, ведут открытую борьбу против революции. Одновременно в Китае все шире распространяются западные буржуазные политические учения — позитивистская философия и социология, социал-дарвинизм, махуэизм, взгляды Бергсона, Шопенгауэра, Ницше.

Напору реакции в области общественно-политической мысли противостоял Сунь Ят-сен (продолжавший разрабатывать свою программу и искать пути спасения Китая; в 1917 г. он начал работать над «Планом национального строительства», который был закончен им в 1919 г.). Идеи Сунь Ят-сена были подхвачены и развиты революционно-демократической молодежью, начавшей движение за новую культуру. Эту молодежь возглавляли Ли Да-чжао, Чэнь Ду-сю, Лу Синь, У Юэ и другие. К ним присоединились Ху Ши и Фу Ши-нянь.

Книга заканчивается анализом идеологических перемен в Китае, вызванных влиянием Октябрьской социалистической революции, и показом содержания дискуссии об итогах второй мировой войны и двух возможных путях развития Китая — «русском» или «западном», пролетарском или буржуазном.

Книга позволяет проследить идейную эволюцию виднейших представителей китайской общественно-политической мысли первых десятилетий этого века — Сунь Ят-сена, Чжан Бин-линя, Чжу Чжи-синя, Хуан Сина.

Сун Цзяо-жэня, Цай Юань-пэя, Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао, Янь Фу и других. Автор, к сожалению, не выделял в специальные разделы материал, касающийся Чжу Чжи-синя, Ху Хань-мина, Ли Да-чжао и других мыслителей этого периода, хотя в книге можно найти раздел о Юань Ши-кае, место которого в истории общественной мысли довольно сомнительно.

В работе А. Г. Крымова обстоятельно показана полемика, развернувшаяся между конституционалистами и революционными демократами в 1905—1907 гг. по вопросам о национализме, будущей политической власти, государственном строе и народном благоденствии, то есть по тем основным проблемам, которые так или иначе должны были решить китайская революция.

Автор последовательно излагает взгляды представителей буржуазно-демократического течения общественной мысли Китая, анализирует их сильные и слабые стороны. Достаточно полно раскрыты идеи Сунь Ят-сена и Чжан Бин-линя, чего нельзя сказать об анализе взглядов Цзоу Жуна и Чэнь Тянь-хуа.

Очень интересны разделы книги, в которых рассказывается о проникновении идей западного социализма в Китай и полемике о социализме, которая активно велась в Китае в начале XX века. Эта полемика свидетельствует о том, что Китай до Октябрьской революции был мало знаком с научным социализмом К. Маркса и Ф. Энгельса. Значительную роль в распространении этих идей сыграли Сунь Ят-сен, Чжу Чжи-синь, Ху Хань-мин, а также китайские анархисты.

В книге А. Г. Крымова содержится значительный материал по истории раннего китайского анархизма.

Как известно, первые организации китайских анархистов возникли сначала в Париже (1907 г.) и Токио (1907 г.), где они имели свои печатные органы («Синь шицзи» и «Тянь и бао» соответственно), пропагандировавшие главным образом идеи анархического «социализма» и выступавшие против национализма и демократии.

Автор приходит к заключению, что «анархизм «Тянь и бао» и «Синь шицзи» представлял собой сложный синтез французского анархо-синдикализма, русского народничества, японского анархо-коммунизма, эклектически перемешанных с элементами древнейших китайских нигилистических учений Лао-цзы и Чжуан-цзы». После революции 1911 г. анархистские организации стали возникать уже в самом Китае, где они издавали и распространяли свою литературу, которая пользовалась значительным успехом.

А. Г. Крымов излагает основные взгляды ранних китайских анархистов — Ли Ши-цзэна, Чжан Цзи, Лю Ши-пэя, Хэ Чжэнь, Лю Ши-фу и других и знакомит нас с той критикой, которой революционные демокра-

ты подвергли анархизм на страницах «Миньбао».

В последней главе книги читатель находит содержательный материал о революционно-демократических взглядах Ли Да-чжао и Чэнь Ду-сю, позволяющий понять, каким образом происходил их переход к марксизму-ленинизму. «Популяризация идей Октябрьской революции передовой революционной китайской интеллигенцией, — пишет А. Г. Крымов, — пропаганда «русского пути» развития Китая подготовили почву для широкого распространения в Китае марксизма-ленинизма».

Безусловное достоинство работы А. Г. Крымова состоит в том, что в ней впервые в советской науке полно и подробно показывается история развития китайской общественно-политической мысли в поворотный период истории Китая, когда он оказался вовлеченным в колониальную систему империализма и когда шло перерастание буржуазного революционного движения в национальную демократическую революцию.

Он ввел в нашу науку большой и интересный материал по истории общественно-политической мысли Китая первых двух десятилетий XX века, прежде доступный лишь сравнительно небольшому числу ученых-китаеведов. Автор охотно и много цитирует китайских мыслителей и теоретиков того времени, обильно насыщая свой труд фактами.

Введение книги посвящено автором библиографии вопроса и источникам по истории китайской общественно-политической мысли нового времени, давших возможность подготовить книгу «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае 1900—1917». Однако автор ничего не сказал в нем (хотя бы кратко) о том, что представляла собой китайская общественная мысль предшествующего периода, и в частности XIX века, какой мыслительный материал она предоставила тем, кто создавал политическую идеологию Китая в начале этого столетия (а именно ее историю в первые семнадцать лет XX века излагает А. Г. Крымов). А об этом, очевидно, следовало сказать, поскольку в китайской общественной мысли господствовали конфуцианский этноцентризм и конфуцианско-легистский абсолютизм, которые так или иначе оказали свое воздействие на общественную мысль Китая начала XX века и, в частности, способствовали формированию шовинистических взглядов, причем не только у представителей либерального, но и буржуазно-демократического течений общественной мысли Китая того времени. Книга А. Г. Крымова — заметный вклад в советское китаеведение. Она будет способствовать дальнейшему углублению нашего понимания китайской общественной мысли и тех идеологических процессов, которые происходят в Китае сегодня.

Два экономических этапа — две политики

В. В. Дашков,
кандидат экономических наук

В конце 1971 г. на полках книжных магазинов Польши появилась работа Владислава Капского «Китайская Народная Республика. Очерки экономического развития. 1949—1969»¹.

Как отмечает во введении автор, цель работы — дать читателю основные сведения, касающиеся развития народного хозяйства этой страны с первых дней существования народной республики до 1969 г. включительно.

Автор рецензируемой книги привлекает широкий круг источников, включая научные исследования советских, китайских и западных ученых, рассматривает на этом материале процесс экономического развития Китая с середины XIX века до наших дней.

В первой главе, посвященной экономическому положению страны до образования Китайской Народной Республики, дается краткий экскурс в историю проникновения иностранного капитала в Китай, расчленения страны на сферы влияния империалистических государств и ее экономического закабаления. Характеризуя уровень развития Китая в период, предшествовавший победе революции, В. Капский пишет, что Китай «был полукOLONиальной страной с отсталой экономикой, остававшейся под влиянием пережитков феодальных отношений».

В последующих главах описывается положение, сложившееся в течение 20 лет в от-

дельных отраслях народного хозяйства КНР. Наконец в заключительной главе излагаются принципы хозяйственной политики китайского руководства после IX съезда КПК, а также некоторые проблемы, связанные с изменениями в экономике страны, которые начали возникать в то же время.

Автор отмечает, что периодизация событий, которые произошли с момента образования КНР, представляет определенную трудность. Не легким является и толкование многих политических и экономических мероприятий, предпринятых в Китае в последнее двадцатилетие. Период существования КНР автор делит на два этапа — до и после VIII пленума ЦК КПК, состоявшегося в Лушани в сентябре 1959 года.

Для первого этапа характерно осуществление ряда политических и социально-экономических мер, цель которых заключалась в создании в Китае основ социализма. Народная власть создала условия для достижения экономического и общественного прогресса. Национализация крупной промышленности и ликвидация помещичьей собственности на землю позволили значительно увеличить уже в первые годы существования КНР производство промышленной и сельскохозяйственной продукции. С помощью Советского Союза и других социалистических стран в Китае начался процесс индустриализации и модернизации отсталой экономики на основе многолетних, перспективных планов развития народного хозяйства. С каждым годом улучшалась жизнь народа. Особенно значительные успехи были достигнуты в области культуры и образования, а также в развитии социального обеспечения и здравоохранения. Этим достижениям сопутствовал рост авторитета Китайской Народной Республики на международной арене.

Второй этап — это период постепенного отхода от курса, намеченного Конституцией КНР (1954 г.) и решениями VIII съезда КПК (1956 г.). Это период, когда трезвая и разумная внешняя политика КНР уступила место политике вражды в отношении Советского Союза и других социалистических стран, националистической политике создания «Великого Китая».

В области экономики второй этап начался с реализации нового курса, известного под названием «большого скачка» (1958—1960 гг.).

«Большой скачок» был отражением шовинистических и гегемонистских тенденций,

¹ Władysław Kański. Chińska Republika Ludowa. Zarys rozwoju gospodarczego. 1949—1969, «Książka i Wiedza», Warszawa, 1971.

носителем которых являлась часть пекинского руководства. Эта группа китайских лидеров, по мнению польского ученого, стремилась построить в КНР социализм в соответствии с собственной «моделью», которая стала бы одновременно образцом и для других стран Азии, Африки и Латинской Америки. Однако, выдвигая с этой целью политику «большого скачка», она стала, как справедливо указывает В. Каньски, пренебрегать основными принципами строительства социализма и игнорировать помощь и опыт Советского Союза. Именно этими причинами автор объясняет провал «большого скачка» и возникновение экономических трудностей начала 60-х годов.

Несмотря на то что успехи китайского народа в восстановлении и дальнейшем развитии экономики были достигнуты в значительной степени благодаря помощи социалистических стран, и прежде всего СССР, руководство КНР возложило вину за трудности, возникшие в результате авантюристической внутриэкономической политики, на Советский Союз. С течением времени антисоветизм стал основным элементом китайской внешней и внутренней политики.

Касаясь развития отдельных отраслей народного хозяйства КНР, автор рецензируемой книги останавливается прежде всего на положении в сельском хозяйстве. Он отмечает, что в 1949 г. Китай был аграрной страной, для которой было характерным систематическое углубление диспропорций между быстро возрастающей численностью населения и ограниченной продуктивной площадью сельскохозяйственных угодий. По данным ФАО, приводимым в книге, в 1955 г. на душу населения в КНР приходилось 0,46 га сельскохозяйственных угодий, в то время как средний мировой показатель составлял 1,38 га. Пахотных же площадей в указанном году в КНР на душу населения приходилось только 0,15—0,17 га, что в 3 раза меньше, чем средний мировой показатель и в 7—8 раз меньше по сравнению с показателями для Советского Союза или Соединенных Штатов.

Усилия, направленные на расширение пахотных площадей в первые годы после освобождения, позволили в основном удерживать эти показатели на постоянном уровне. В дальнейшем в Китае стали отдавать себе отчет в том, что устойчивое увеличение производства сельскохозяйственной продукции может быть обеспечено при помощи интенсивного использования сельскохозяйственных угодий.

Однако среди руководства КНР возникли две концепции развития сельского хозяйства. Деятели, близкие к Мао Цзэ-дуну, считали, что следует прежде всего реализовать до конца программу по созданию «народных коммун», а потом уже заняться модернизацией этой отрасли экономики. В то же время Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин и их сторонники придерживались того мнения, что после претворения в жизнь земельной ре-

формы необходимо в первую очередь добиваться роста производства сельскохозяйственной продукции посредством постепенной полумеханизации и механизации полевых работ.

Факты, приводимые В. Каньским о состоянии сельского хозяйства КНР, свидетельствуют о том, что весь процесс развития этой отрасли экономики страны проходил в условиях борьбы этих двух концепций. При этом следует отметить, что если в восстановительный период и в течение первой пятилетки наблюдались определенные успехи в производстве сельскохозяйственной продукции, то в последующие годы сборы урожая начали падать.

После образования КНР развернулись широкие работы по восстановлению промышленного производства. Разработанный КПК перспективный план преобразования Китая из страны аграрной в страну индустриально-аграрную предусматривал, что создание «целостной промышленной системы» потребует примерно трех пятилеток. Под термином «целостная промышленная система» понималось широкое производство всех основных видов машин и оборудования, а также сырья и материалов, необходимых для дальнейшего социалистического строительства, для удовлетворения материальных и культурных потребностей народа. При этом руководители КНР подчеркивали, что достижение поставленной цели невозможно без помощи Советского Союза и других социалистических стран.

В. Каньски отмечает, что в течение периода восстановления (1950—1952 гг.) и первого пятилетнего плана (1953—1957 гг.) руководство КПК и правительство КНР основной упор делали на развитие тяжелой промышленности. В то же время, учитывая необходимость максимального удовлетворения возрастающих потребностей населения в потребительских товарах, в КНР предусматривались относительно высокие темпы развития и легкой промышленности. Много внимания уделялось ликвидации неравномерности размещения промышленности по территории страны.

Период первого пятилетнего плана характеризовался в Китае высокими темпами увеличения промышленного производства.

Однако в ходе подготовки второго пятилетнего плана (1958—1962 гг.) среди китайского руководства выявились существенные разногласия, касавшиеся совокупности всех проблем индустриализации КНР, так, например: об определении соответствующих пропорций между промышленностью и сельским хозяйством, между тяжелой и легкой отраслями промышленности, между промышленностью в прибрежных и глубинных районах, между гражданским и военным строительством, между современным промышленным строительством и строительством местной промышленности и т. д.

Ощутимый вред китайской экономике нанесла политика «большого скачка». Она задержала на несколько лет реализацию про-

граммы индустриализации страны, увеличивая диспропорции между развитием сырьевой базы и работающей на ее основе перерабатывающей промышленности. «Большой скачок» стал причиной того, что в 1957—19965 гг. среднегодовой прирост выпуска промышленной продукции снизился до 8—9 процентов.

В. Каньски обращает внимание на недостаточное развитие транспорта в Китае, где до-прежнему широко применяются средства, перевозящие пассажиров и грузы даже на людской тяге. В годы первой пятилетки на транспортное строительство в КНР было израсходовано около $\frac{1}{5}$ средств, предназначенных для капиталовложений во все народное хозяйство. В 1953—1957 гг. было построено примерно 5 тыс. км железных и около 120 тыс. км шоссейных дорог. Вторым пятилетним планом предусматривалось осуществление технической реконструкции всех видов транспорта, организация производства современных транспортных средств, переоборудование важнейших железнодорожных и автомобильных магистралей. Однако препятствием для реализации этих планов стали события 1958—1960 годов. Они почти полностью приостановили на несколько лет транспортное строительство в стране.

Завершая свою работу, В. Каньски утверждает, что, изучая китайскую прессу после IX съезда КПК, можно сделать вывод о том, что экономическая политика КНР в ближайшее время будет иметь много общих черт с политикой периода «большого скачка». Однако при почти полной аналогии лозунгов, провозглашавшихся в 1958 г. и выдвигаемых в настоящее время, их толкование абсолютно различно.

Политику, проводимую ныне Пекином, отмечает автор, характеризует осторожность при осуществлении тактических изменений, а также желание избежать крайностей волюнтаризма, столь характерных для периода «большого скачка». Не подлежит сомнению тот факт, подчеркивает автор, что это означает достижение компромисса в руководстве КНР между группировкой «радикалов» и сторонниками продолжения курса экономического строительства, начатого после IX пленума ЦК КПК в январе 1961 года. Проявление этого компромисса — отказ от реализации нового «большого скачка», равного по масштабам «скачку» 1958—1960 гг., а также сохранение ведущей роли сельского хозяйства в качестве основы народного хозяйства.

Под воздействием реальной действительности современному руководству КНР приходится либо отступать, либо прибегать к тактическому маневрированию, сохраняя в то же время в силе курс, подтвержденный IX съездом КПК.

Книга Владислава Каньского — полезный труд, дающий широкому кругу польских читателей, интересующихся проблематикой современного Китая, содержательный фактический материал о состоянии его экономики, о политике и практике китайского руководства в области развития народного хозяйства на протяжении двадцати лет существования КНР. Она является ценным вкладом в активную деятельность ученых братских стран по разоблачению антимарксистских «идей Мао Цзэ-дуна», касающихся принципов и методов социалистического строительства.

Новые книги по Востоку в 1973 году

В. Я. Вениаминов

Районы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии всегда вызывали большой интерес у советских читателей. Поэтому в новом плане главной редакции восточной литературы издательства «Наука» отведено большое место вопросам истории и экономики стран Дальнего Востока. Этот раздел и открывается сборником «Страны Дальнего Востока (история и экономика)». В нем рассматриваются актуальные проблемы социалистического строительства в ДРВ, КНДР, МНР, разоблачается американский неокOLONИализм, стремящийся под флагом так называемой «помощи» закрепить свое экономическое и политическое влияние в странах Восточной Азии. Ряд книг будет посвящен Китаю. В первую очередь надо отметить учебное пособие «История Китая (с древнейших времен до наших дней)», в которой излагается история китайского народа со времени возникновения цивилизации. Большое внимание уделено освещению экономических и общественных процессов, трансформации социально-экономических категорий. Авторы разоблачают великодержавные, шовинистические концепции истории Китая, распространенные в КНР.

На китайских источниках основаны материалы сборника «Аграрные отношения и крестьянские движения в Китае». Сборник охватывает период с I—III века н. э. до буржуазной революции 1911—1913 гг.

Тема новой книги М. И. Сладковского — «Краткая история ранних связей и торговых отношений народов СССР и Китая». Экономические отношения рассматриваются автором во взаимосвязи с развитием общих межгосударственных отношений и с учетом состояния экономики соседствующих народов на различных исторических этапах.

Будет издано несколько сборников статей. Один из них, «История и культура Китая», посвящен памяти акад. В. П. Васильева. В первой части собраны статьи, освещающие различные стороны научной и педагогической деятельности В. П. Васильева, во второй части — статьи, в которых анализируются социальная структура, идеи и институты старого Китая, показывается специфика китайской цивилизации, проводится сравнение между идеологическими системами Китая и иных цивилизаций. В другом сборнике статей, «Китай: общество и государство», исследуются узловые проблемы истории китайского общества и государства, его культуры и идеологии с древнейших времен до наших дней. В ряде статей авторы полемизируют с антинаучными построениями маонистской историографии.

План выпуска предусматривает также издание книг, посвященных политике маньчжурской династии Цин в отношении Южной и Северной Монголии в XVII в., государственному капитализму в КНР, аграрным отношениям и крестьянским движениям в Китае.

Среди книг, посвященных героическому народу борющегося Вьетнама, отметим монографию Л. А. Аносовой «Промышленность Демократической Республики Вьетнам (1954—1965 гг.)».

В новом году будет впервые в СССР осуществлено двухтомное издание «История Кореи с древнейших времен до наших дней». В книге на основе первоисточников и обширной литературы на корейском, японском и западных языках рассматриваются основные процессы социально-экономического и политического развития страны на разных этапах ее истории, достижения в области корейской культуры, показаны важнейшие антифеодальные выступления, борьба против захватчиков и национально-освободительное движение корейского народа. Большое внимание уделяется строительству социализма в КНДР, положению в Южной Корее, борьбе корейского народа за мирное объединение родины. Этой стране посвящена также книга М. Е. Трегубенко «Ленинский кооперативный план и опыт социалистического преобразования сельского хозяйства в КНДР».

В переводе с монгольского выйдет книга президента Академии наук МНР Б. Ширендыба «Статьи и речи». В основном они посвящены истории освободительного движения монгольского народа, истории развития народной революции, ее победы и образова-

ния МНР, а также успехам демократического и социалистического строительства за последние 50 лет.

Из книг о Японии надо в первую очередь отметить сборник статей «Экономика современной Японии». В него включены работы, характеризующие ведущие монополистические группы Японии, рынок рабочей силы Японии в условиях научно-технической революции, роль научных исследований. В ряде статей рассматриваются внешнеэкономические связи Японии, в частности новые явления в экспорте и импорте капитала, а также экономические взаимоотношения Японии и США. Монография В. Сутягиной посвящена характеристике крупнейшего монополистического концерна «Мицубиси». Аспекты внешней политики Японии послевоенного периода рассматриваются в исследовании К. А. Саркисова «Япония и ООН». В нем анализируется дипломатическая деятельность японского правительства в ООН и позиции Японии по ряду актуальных вопросов современного международного положения.

Книга П. П. Топеха «Рабочее движение в Японии (1945—1970)» обстоятельно исследует рабочее движение в послевоенной Японии. Здесь широко использованы оригинальные японские источники, почти неизвестные советскому читателю. Предусматривается выпустить работу З. Я. Ханина «Социальные группы японских париев (очерки истории до XVII в.)». Несомненно, с большим интересом читателями будет встречен ежегодник «Япония — 1973».

Редакция намечает, кроме того, издать серию книг по языкознанию, литературоведению стран Дальнего Востока и переводы произведений художественной литературы.

В работах, которые намечено выпустить в следующем году по тематике, касающейся стран Юго-Восточной Азии, отражены вопросы их исторического и экономического развития, национально-освободительной борьбы, проблемы идеологии, философии и культуры.

Больше всего работ по странам ЮВА посвящено Индии. Здесь имеются как сборники, так и монографии. Остановимся на некоторых из них. Так, в сборнике «Государственный сектор в Индии (проблемы эффективности)» авторы определяют уровень эффективности государственных предприятий и причины их низкой прибыльности в основных отраслях экономики. В другом сборнике, «Очерки экономической и социальной истории Индии», приведены новые данные по этногенезу народов Индостана, новые материалы относительно процесса образования классов, отражены вопросы о рабовладельческой формации в древности, об особенностях генезиса капитализма в условиях многоукладности и др.

Из монографий можно в первую очередь отметить работу П. В. Куцобина «Борьба классов и политических партий в Индии за

путь развития страны». В ней рассматриваются вопросы социально-политического развития Индии в 1947—1971 гг.: раскол в лагере бывших участников национально-освободительного движения, программы разных классов и партий, борьба противоборствующих сил. В работе Ю. П. Насенко «Джавхарлал Неру и внешняя политика Индии» анализируются борьба в Индии по проблемам внешней политики, формирование и становление в итоге этой борьбы внешнеполитического курса, вошедшего в историю под названием «курса Неру». В монографии А. И. Чичерова «Индия: ремесло и сельские промыслы (очерки формирования многоукладной экономики в XVI—начале XIX вв.)» анализируется проблема уровня социально-экономического развития страны накануне ее колониального порабощения Англией. Это далеко не полный перечень работ по Индии.

Будет опубликован ряд книг по Индонезии. В 1973 году исполнится 40 лет со дня восстания моряков на броненосце «Зевен провинсиен». Этой дате посвящена небольшая книга Н. Б. Белевского «Мятежный броненосец», в которой показывается, что восстание носило национально-освободительный характер и было частью антиколониальной борьбы. Впервые в СССР будет издана монография, в которой отражается последний период индонезийской истории — 1965—1971 гг. — «Индонезия после событий 1965 года» А. Ю. Юрьева. Автор анализирует бурные события в политической жизни Индонезии, последовавшие за выступлением группы армейских офицеров 30 сентября 1965 г., рассматривает экономическую политику и внешнеполитический курс нынешнего правительства Индонезии. Особое внимание уделено положению в коммунистическом движении этой страны. И наконец, вопросам экономики этой страны посвящена книга З. М. Михайловой «Иностраный капитал в современной Индонезии».

В новом плане предусмотрено издать некоторые работы о Пакистане. Из книги В. Н. Москаленко «Внешняя политика Пакистана» читатель узнает о внешнеполитическом курсе Пакистана в 60-х годах, об особенностях этой политики в период военного режима генерала Яхья Хана, о позиции Пакистана по важнейшим международным проблемам. Этой стране посвящены также очерки собственного корреспондента газеты «Известия» В. Н. Накарякова «Семидесятый меридиан», в которых рассказывается о городах, людях, исторических памятниках Пакистана, сложных событиях последних лет. Экономическое и социальное положение белуджского населения, борьба белуджей за свои национальные и демократические права отражены в книге В. В. Перова «Белуджи Пакистана (1947—1970)».

В плане предусмотрен выпуск книг по истории и экономике Бирмы, Вьетнама, Малайзии, Мальдивских островов, Сингапура, Таиланда, Филиппин и Цейлона.

Памяти товарища Дэн Чжун-ся

Исполнилось 75 лет со дня рождения одного из основателей и выдающихся руководителей КПК, признанного организатора и вождя китайского пролетариата, видного деятеля международного рабочего движения, члена Исполкома Профинтерна товарища Дэн Чжун-ся.

Советские люди чтут память замечательного революционера, интернационалиста. В Доме дружбы с народами зарубежных стран Институт Дальнего Востока АН СССР и Институт востоковедения АН СССР организовали вечер памяти Дэн Чжун-ся. С докладами выступили доктор экономических наук, профессор М. И. Сладковский и кандидат исторических наук Т. Н. Акатова, сообщение которой мы публикуем.

* * *

Дэн Чжун-ся родился в 1897 г. в провинции Хунань, в семье небогатого помещика. Юношей на литературном факультете Пекинского университета он сблизился с профессором Ли Да-чжао — первым китайским марксистом, и начал изучать марксизм-ленинизм. Дэн Чжун-ся был активнейшим участником всколыхнувшего страну мощного патриотического движения «4 мая» 1919 г., знаменательного тем, что впервые в истории в нем выступил как новая социальная сила в политической борьбе молодой рабочий класс Китая. Начавшееся в Китае стремительное нарастание революционной ситуации было неразрывно связано с глубоким и всесторонним влиянием Октябрьской революции.

В обстановке острой идеологической борьбы все большее распространение получали идеи марксизма-ленинизма. Но научное по-

знание марксизма-ленинизма и понимание опыта Октября весьма затруднялись и осложнялись в Китае чрезвычайной социально-экономической отсталостью страны, малочисленностью пролетариата, засильем феодальных догм и традиций.

В отличие от многих революционно-демократических деятелей Китая тех лет, считавших себя марксистами, но воспринявших марксизм односторонне, не преодолевших национальной ограниченности, Дэн Чжун-ся не только уверовал в могучую силу освободительных идей Октября, но и осознал классовую сущность научного социализма.

Еще студентом он начал изучать положение китайского пролетариата и развернул революционную пропаганду в рабочих массах. Родные были против этой деятельности Дэна, принуждали его избрать карьеру чиновника. Он порвал с семьей и стал профессиональным революционером. Постоянно подвергаясь смертельной опасности, он вел жизнь, полную лишений. О его стойкости, находчивости, беззаветной храбрости ходили легенды.

Весной 1920 г. Ли Да-чжао и Дэн Чжун-ся организовали в Пекине празднование Первого мая, впервые отмечавшегося в Китае.

В том же году при непосредственной помощи Коминтерна в Китае создаются первые марксистские кружки. Дэн Чжун-ся был одним из основателей коммунистической организации в Пекине и деятельно участвовал в подготовке I съезда КПК. Он вел большую организационную работу, готовил объединение отдельных коммунистических кружков в единую партию. В то же время он последовательно боролся против идейных противников марксизма. Так, в период создания КПК Дэн Чжун-ся и Ли Да-чжао решительно выступили против реформистов и анархистов из революционно-демократической организации «Шаоянь Чжунго» («Молодой Китай»), активно борющихся с марксистами за руководство молодежью. Одновременно Дэн Чжун-ся развернул работу по организации классового профдвижения в Китае. В январе 1921 г. на станции Чансиньдянь Пекин-Ханькоуской железной дороги им был организован первый в Китае революционный рабочий профсоюз. Затем им были созданы классовые профсоюзы в других городах и на железных дорогах Северного Китая. Для координации усилий в становлении пролетарского профдвижения коммунисты создали в 1921 г. Всекитайский секретариат профсоюзов. Дэн Чжун-ся был одним из его ру-

ководителей. I Всекитайский съезд профсоюзов в мае 1922 г. избрал Дэна ответственным секретарем этого секретариата.

С именем Дэн Чжун-ся связаны крупнейшие выступления китайского рабочего класса в период предреволюционного подъема 1919—1924 гг. и революции 1925—1927 годов. Он лично руководил в 1922 г. всеобщей забастовкой пятидесяти тысяч шахтеров Кайлуаньских угольных копей, принадлежавших английскому капиталу; всеобщей политической забастовкой на Пекин-Ханькоуской железной дороге в феврале 1923 г. и т. д.

После жестокого разгрома Пекин-Ханькоуской забастовки в рабочем движении в Китае наступил спад. Часть членов КПК начала сомневаться в революционных возможностях рабочего класса, в возрождении его сил. В это время Дэн Чжун-ся в статьях, публикациях в партийной печати, доказывал, что рабочий класс — самая надежная сила китайской революции, что КПК должна уделять основное внимание организации пролетариата, готовить его к новым боям. Анализируя практический опыт профсоюзности и забастовочной борьбы, он делал вывод о необходимости всемерного усиления КПК — «генерального штаба рабочего класса», вовлечения в партию рабочих¹.

Уже в этот начальный период развития коммунистического движения в Китае Дэн Чжун-ся становится активнейшим деятелем марксистско-ленинского, интернационалистского ядра КПК, стремящегося к тесной связи с международным революционным лагерем и его руководящими органами — Коммунистическим Интернационалом и Профинтерном. В январе 1923 г. ИККИ специально указал КПК на необходимость развития профдвижения с целью «подготовки базиса для сильной массовой коммунистической партии»². В мае 1923 г. ИККИ в директиве III съезду КПК указывал: «Укреплять компартию, превращая ее в массовую партию пролетариата, собирать силы рабочего класса в профсоюзах — первейшая обязанность коммунистов»³.

III съезд КПК (июнь 1923 г.) избрал Дэн Чжун-ся в члены ЦК КПК.

В том же году Дэн переезжает в Шанхай. Здесь он вместе с Цюй Цю-бо и другими деятелями КПК преподает в Шанхайском университете.

После организации единого национально-антиимпериалистического фронта, созданного по инициативе и при помощи Коминтерна, в Китае создались условия для быстрого созревания революционной ситуации. В этой обстановке Дэн всецело переключ-

ается на организацию шанхайского пролетариата — передового отряда рабочего класса страны. Под его руководством шанхайские рабочие создали боевые революционные профсоюзы и развернули стачечную борьбу, которая стала прологом мощного движения «30 мая» 1925 г., ознаменовавшего начало революции 1925—1927 годов. В самый канун революции, Первого мая 1925 г., под руководством компартии был создан II Всекитайский съезд профсоюзов. На нем была создана Всекитайская федерация профсоюзов, вошедшая в Профинтерн. Съезд избрал Дэн Чжун-ся генеральным секретарем ВФП.

Потрясающая весь Китай революция 1925—1927 гг. явилась крупнейшим событием революционной борьбы. В авангарде революционных сил выступил китайский пролетариат, руководимый Компартией. КПК и ВФП пользовались огромным вниманием и помощью международного пролетариата, и прежде всего Советского Союза. В эти годы китайский рабочий класс проявил величайший героизм и самопожертвование. Выросли и окрепли рабочие профсоюзы. Укрепилась, выросла и Компартия. К V съезду партии (апрель 1927 г.) численность ее достигла 57 967 членов, рабочие составили 53,8 процента ее состава. КПК превратилась в мощный политический фактор внутри страны, чрезвычайно возросли ее международные связи.

Дэн Чжун-ся находился в самой гуще революционных событий. Начало революции застало его в Кантоне, где он организовывал работу только что созданной ВФП. По заданию ЦК КПК он сразу же начал готовить в Кантоне и Гонконге забастовку солидарности с шанхайскими рабочими. Председателем гонконг-кантонского стачечного комитета стал матрос Су Чжао-чжэнь (ставший затем видным деятелем рабочего движения), его заместителем — Дэн Чжун-ся. Знаменитая гонконг-кантонская забастовка стала центральным событием не только китайской революции, но и международного рабочего движения. Она продолжалась почти два года и нанесла сильнейший удар английскому империализму — в то время главному врагу китайской революции. Эта забастовка расшатала экономику Гонконга — оплота английского владычества в Китае, подорвала экономические и политические позиции Англии в Китае и на Дальнем Востоке. В то же время она создала условия для экономического и политического укрепления первой в истории Китая территориальной базы революции, центром которой был Кантон. Забастовка охватила более 250 тысяч рабочих, она принесла рабочему классу и КПК ценнейший опыт борьбы и организации. Бастующие рабочие покинули английский Гонконг и обосновались в Кантоне. Действовавший в Кантоне стачечный комитет стал влиятельнейшей политической организацией. Функции его были весьма обширны. Он организовал не только общежития, столовые, больницы и школы для огромной массы бастующих, но

¹ Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае, М., 1952, стр. 131.

² «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая», М., 1934, стр. 112.

³ Там же, стр. 114.

и отдел пропаганды, осуществлявший издание книг, брошюр и воззваний, финансовый отдел, различные учреждения. Вооруженные пикеты стачкома имели право ареста штрейкбрехеров, нарушителей антианглийского бойкота и контрреволюционеров. Был и суд, решения которого признавались Кантонским правительством. Истории этой забастовки Дэн Чжун-ся посвятил несколько книг и много статей. Но самой ценной и интересной его работой является «Краткая история профсоюзного движения в Китае».

Интересна история создания этой книги. После поражения революции в 1927 г. Дэн возглавляет подпольные комитеты КПК в провинциях Цзянсу и Гуандун. В 1928 г. он был направлен в Москву как представитель ВФП в Профинтерне. V Конгресс Профинтерна избрал его членом Исполкома Профинтерна. Находясь в Москве, Дэн и написал свою замечательную книгу, в которой обобщил исторические материалы и свой опыт руководителей китайских рабочих.

В те годы у него на родине свирепствовал жестокий белый террор гоминьдана. Об издании книги в Китае не могло быть и речи. Чтобы сохранить этот ценный труд, впервые дававший марксистское исследование важнейших периодов рабочего движения в Китае, и ознакомить с ним китайских революционеров, издание этой книги было осуществлено в Москве в 1930 г. на китайском языке. В течение многих лет это московское издание было единственным. Затем книга была переиздана в Освобожденных районах. После 1949 г. она несколько раз переиздавалась в КНР. Второе китайское издание (1942 г.) было в 1952 г. переведено на русский язык. Так в Москве вновь была издана книга Дэна, и сегодня являющаяся ценным трудом по истории рабочего движения в Китае.

В годы становления культа Мао Цзэ-дуна текст книги Дэн Чжун-ся был фальсифицирован, его авторитет использовался для возвышения исторической роли Мао. В частности, в издании 1953 г. были внесены изменения, выкинут целый абзац, где обрисована сложившаяся в провинции Хунань своеобразная политическая обстановка, создавшая возможность развития рабочего движения. Вместо него вставлена фраза о том, что рабочее движение в Хунани развивалось якобы под руководством Мао Цзэ-дуна и именно в этом причина его успеха. Ничего подобного в подлинном тексте книги нет. Дэн Чжун-ся, приводя имена многих руководителей китайского рабочего движения, даже не упоминает имени Мао, как известно

не игравшего заметной роли в рабочем движении.

Материал книги обрывается на событиях 1926 года. Дэн не успел довести ее до 1929 г., как намеревался. В 1930 г. он вернулся в Китай и сразу окупился в работу революционного движения, наиболее ценная революция в Китае свирепствовала реакция, наносившая тяжелейшие удары рабочему классу и партийным кадрам. По некоторым приблизительным подсчетам в 1927—1935 годах в Китае погибло около 400 тысяч коммунистов⁴, и среди них многие выдающиеся руководители рабочего и коммунистического движения, наиболее ценные, самоотверженно боровшиеся партийные кадры, составлявшие марксистско-ленинское ядро партии, твердо стоявшие на позиции интернационализма и претворения в жизнь ленинского учения.

Особенно охотились реакционеры за Дэн Чжун-ся. По всем крупным городам были разосланы приказы об его аресте.

В 1933 г. его схватили в Шанхае. Чапкайшисты ликовали. Ни жестокие пытки, ни провокационные обещания не сломали мужественного борца. Он вынес все ужасы гоминьдановских застенков и с негодованием отверг все посулы. Его казнили в Нанкине. Перед смертью он написал письмо Коммунистической партии Китая.

В нем он писал о том, что, умирая за дело революции, призывает товарищей-коммунистов стойко продолжать борьбу до победы. Он твердо верил в победу и освобождение китайского народа. Ради этой победы, ради счастливой жизни китайских трудящихся и отдал свою жизнь. Вся жизнь, сама смерть товарища Дэн Чжун-ся — бессмертный подвиг.

В изданном в Китае в 1949 г. сборнике биографий погибших деятелей КПК биография Дэна кончается словами: «Продолжая непреклонную борьбу, начатую товарищем Дэн Чжун-ся, рабочий класс Китая победит. На истории борьбы рабочего класса Китая, с которой всей своей жизнью и кровью связан т. Дэн Чжун-ся, на его «Краткой истории профсоюзного движения в Китае» будут воспитываться миллионы бойцов, которые пойдут по проложенному им пути к победе»⁵.

Нынешние руководители КПК отошли от этих заветов. Книга Дэн Чжун-ся, правдиво показывающая историческую роль рабочего класса Китая, запрещена в КНР. Но историю нельзя переделать. Героические подвиги китайского пролетариата незабываемы.

⁴ «Коммунист», № 9, 1968, стр. 98.

⁵ «Биографии погибших деятелей КПК», Б. м., 1949, стр. 53 (на кит. яз.).

Библиотека советских китаеведов

Д. Н. Зильберг

Изучение истории, экономики и культуры китайского народа в нашей стране имеет многолетние и глубокие традиции. Россия дала миру таких выдающихся китаеведов, как Н. Я. Бичурин (Иакинф), П. И. Кафаров (Палладий), В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, В. М. Алексеев, и многих других, работы которых пользуются всемирной известностью. Особый размах изучение Китая получило после Октябрьской революции. Расширение исследовательской работы советских синологов, естественно, вызвало необходимость создания специальных библиотечных фондов и библиографических работ. В 1958 году при Институте китаеведения была организована специальная синологическая библиотека. Перед ней была поставлена задача собирать, обрабатывать и хранить литературу по Китаю на всех языках, и в первую очередь на китайском языке.

В настоящее время фонды синологической библиотеки Академии наук СССР строго специализированы и насчитывают почти 120 тысяч книг и журналов. Они предоставляются для работы сотрудникам Академии наук и других научных и общественных учреждений, нуждающимся в литературе по Китаю.

Свыше половины всего фонда составляют книги и журналы на китайском языке.

Среди них — издания древнейших памятников и классических сочинений, в том числе «Сыбу цункань» и «Сыбу бэйяо», буддийский канон «Трипитака», «Библиотека буддиста» и ряд других серий.

В библиотеке хранятся отчеты об археологических раскопках и публикации надписей на костях и бронзе, включая ряд редких и ценных источников. Кроме официальных, так называемых династийных историй Китая, библиотека располагает большим количеством как частных исследований китайских ученых, так и сводных работ («тунши» и «тунцзянь»), а также трудами русских и иностранных ученых. Коллекция книг по истории позднего феодализма содержит, помимо нескольких изданий династийной истории «Минши», 80 томов материалов к истории династии Мин — «Минши гао» и 133 тома «Минши лу». Эти материалы восходят к XIV—XVII векам. Среди них свод законов Минской династии — «Минлюй цзинцзе фули», — доклады и донесения императорам, материалы по социально-экономическим отношениям, народным движениям, внешней и внутренней политике, экономике, философии, литературе, множество монографий средневековых и современных авторов, журнальных статей, географических карт и т. п. Большой интерес в этой коллекции представляет составленная в 1930 году китайским Центральным научно-исследовательским институтом истории и языка серия «Мин Цин шиляо». Библио-

тека располагает ее изданиями 1930—1931, 1936 и 1951 годов.

В библиотеке хранятся многочисленные публикации о народных восстаниях, изданные в императорском Китае, отдельные сборники исторических документов, опубликованные в КНР в 50-е годы. Имеется также ряд оригиналов публикаций повстанцев, среди которых «Манифест двух руководителей Тайпинского восстания, Ян Сю-цина и Сяо Чао-хуэя» (1852 г.), «Тайпинский церемониал» (1851 г.), «Календарь Тайпинского государства» (1853 г.), «Тайпинское троесловие» и другие. К этому же разделу относятся «Циншигао», «Дунхуалу» и подобные им материалы типа хроник, которые представляют ценность для исследования истории Китая XVII—XX веков.

В фонде собраны многочисленные публикации договоров Китая с иностранными державами, статуты иностранных концессий, материалов переговоров, отчетов о деятельности таможен. Имеются также справочники по экономическим вопросам.

Еще более полно представлены в библиотеке источники и литература о событиях и социальных процессах в Китае XIX — начала XX века (восстание ихэтуань, интервенция девяти держав, боксерское восстание, Синьхайская революция, борьба против Юань Ши-кая и конституционное движение). Раздел новейшего времени представлен литературой о влиянии Октябрьской революции на Китай, а также о движении «4 мая» 1919 года.

Библиотека располагает большой коллекцией книг, партийных журналов и материалов съездов КПК и пленумов ее Центрального Комитета. В фондах библиотеки имеется литература, которая печаталась в гоминьдановском Китае, книги и журналы, изданные в Освобожденных районах и за границей, работы по истории и отдельным проблемам деятельности КПК как китайских, так и иностранных авторов. В этом

же разделе собрана литература по истории гоминьдана и борьбы чанкайшистского режима против КПК и Освобожденных районов. Широко представлена литература по истории революции 1924—1927 годов, антияпонской войне, борьбе против гоминьдановской реакции в 30—40-х годах.

Наряду с источниками, материалами и литературой по истории Китая в библиотеке имеется большой фонд философской литературы, в который входят сочинения древних китайских классиков и средневековые философские трактаты, а также произведения выдающихся мыслителей и общественных деятелей нового времени, в частности сочинения Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао, Тань Сы-туна, Сунь Ят-сена и их современников. Журналы того времени, издававшиеся в Китае и китайскими эмигрантами за рубежом, дают возможность исследовать состояние политической борьбы и общественной мысли накануне Синьхайской революции (1911 г.) в Китае. Библиотека располагает также довольно обширной коллекцией книг и журналов, относящихся к начальному периоду распространения марксизма в Китае, произведений классиков марксизма и марксистской литературы на китайском языке, изданных в Освобожденных районах.

Широко представлена в библиотеке китайская художественная литература, литературоведение и публицистика. Например, сочинения выдающегося китайского новеллиста XVII—XVIII веков Пу Су-липа (Ляо Чжай) имеются в двадцати изданиях — как на китайском языке, так и в переводах на европейские языки. Читатель может найти в библиотеке наиболее крупные произведения выдающихся писателей и поэтов древнего и современного Китая.

Мы имеем весьма значительное количество китайско-иностраных словарей, начиная от словарей, составленных первыми миссионера-

ми, до изданий, выпущенных в последние годы в разных странах мира: полный набор китайско-русских и русско-китайских словарей; толковые китайско-китайские словари — древнейший «Эръя» и другие; средневековые работы по исследованию и толкованию иероглифов; словарь «Канси цзыдянь», относящийся к началу нового времени; «Цыхай», «Цыюань» и «Гоюй цзыдянь», составленные после Синьхайской революции, и все словари, изданные после 1949 года. Коллекция насчитывает несколько тысяч томов и вместе с литературой по истории китайского языка, стилистике и грамматическим исследованиям является серьезной основой для лингвистических работ.

Ежегодное пополнение библиотеки — 3—4 тысячи книг, а выдача литературы читателям превышает 40 тысяч томов. На материалах ее фондов осуществляются сложные научные исследования и публикации, проводится работа по подготовке научных кадров.

В систему каталогов синологической библиотеки входят алфавит-

ные каталоги на китайском, японском, русском и западных языках, а также систематические каталоги на литературу по Китаю и общую литературу справочного характера. Каталоги отличаются дробностью систематических рубрик и тщательностью описания. В библиотеке осуществляется ежедневная информационная работа по оповещению научных сотрудников обо всех материалах по Китаю (статьях, книгах, рецензиях). Постоянно работают выставки новых поступлений; имеется картотека *disiderate* на иностранные книги по Китаю, картотека рецензий, русских и китайских статей. Библиографическая группа проводит большую работу по составлению библиографической части библиографического справочника — «Изучение Китая за рубежом», выпусков «США и Япония», библиографических указателей «Рабочее движение в Китае» и «Крестьянское движение в Китае», прикнижных библиографий, тематических библиографических списков, а также выдает устные библиографические справки.

XXIV Международный конгресс китаеведов в Амстердаме

В. А. Кривцов

С 1948 г. в Европе регулярно проводятся международные конгрессы китаеведов, их цель — способствовать дружественным отношениям и сотрудничеству между учеными и студентами, занимающимися изучением языка, литературы, истории, общественных институтов, философии, религии, искусства и археологии Китая, а также содействовать таким исследованиям в академических учреждениях и развивать их.

Конгрессы проводятся именно в Европе; тем самым дается возможность в первую очередь студенческой молодежи европейских стран принять в них участие. Официальные приглашения в неевропейские страны не направляются, за исключением Китая. Однако ученые-китаеведы из неевропейских стран в случае их пребывания в Европе могут принимать участие в работе конгресса.

В конгрессах, которые носят профессиональный характер, участвуют ученые, имеющие опыт работы в университетах, библиотеках, музеях и научно-исследовательских институтах, а также студенты, изучающие китайский язык и занимающиеся научно-исследовательской деятельностью. Поэтому конгрессы часто называют конгрессами молодых синологов. Обычно на них заслушиваются и обсуждаются сообщения по самой различной тематике, связанной, разумеется, с Китаем. Однако в центре их внимания могут быть и какие-то отдельные проблемы.

В сентябре 1972 г. в Нидерландах состоялся очередной, XXIV Международный конгресс китаеведов. Работа его проходила в местечке Лёвенхорст, неподалеку от Лейдена. Сюда съехались китаеведы из многих стран Европы (самое большое количество участников было из ФРГ, Франции, Нидерландов, Италии и Англии), а также из США, Японии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Таиланда. Китаеведение со-

циалистических стран было представлено на конгрессе учеными из СССР, ГДР, ЧССР, ВНР и ПНР. В общей сложности в работе конгресса принимали участие более 150 человек. Организаторы конгресса пригласили участвовать в нем и ученых КНР. Однако их на конгрессе не было. В его адрес поступили лишь поздравления от Китайского народного общества дружбы с заграницей и посольства КНР в Нидерландах.

В XXIV конгрессе участвовали многие известные европейские китаеведы — Хулеве, Цюрхер (Нидерланды), Рульман, Картье, Эрвудт (Франция), Гринпа, Элегире (Бельгия), Ван дер Лун, Лёви (Англия), В. Франке, Зёберлих (ФРГ), Карродини, Ланччоти (Италия) и многие другие.

Заседания проходили в спокойной, деловой обстановке. Были заслушаны и обсуждены несколько десятков докладов, посвященных главным образом проблемам китайской истории, языка и литературы. Большой интерес вызвали доклады Хулевы «Новое в проблеме «Си Юй-чжуань», Лёви «Великое начало» в 104 г. до н. э.», Рульмана «Комментарий Мао Цзянь-кана на «Сяньго-чжияньши», Цюрхера «Первое антихристианское движение: Нанкин, 1616» и многие другие.

На пленарных и секционных заседаниях были зачитаны три доклада советских ученых: А. А. Бокшанина — «О средневековой китайской стратегии и тактике на примере войны Цзиньшань», В. А. Кривцова — «Некоторые проблемы становления национального сознания китайского народа» и С. А. Серовой — «Сценическое искусство Чжоу Синьфана». Эти доклады были положительно встречены участниками конгресса. Вызвали интерес и доклады ученых-китаеведов из социалистических стран: Ф. Грюнера (ГДР) — «Об отношениях между традициями и инновациями в некоторых произведениях современной китайской литературы» и Р. Фельбера (ГДР) — «О реинтерпретации в Китае нового времени традиционной концепции «дату»», М. Галика (ЧССР) — «О творчестве Юй Да-фу», А. Долежаловой (ЧССР) — «О раннем периоде общества «Творчество» и другие.

Участники конгресса получили возможность ознакомиться в Лейдене с Институтом китаеведения, располагающим прекрасной библиотекой и национальным музеем этнографии, в котором имеются, в частности, коллекции предметов быта и искусства народов Китая и Японии.

Встречи на Филиппинах

В июне этого года по приглашению вновь созданного филиппино-советского общества дружбы специализированная группа ССОД СССР посетила Филиппины. (Группа также побывала в Таиланде и Сингапуре.) На второй день после приезда состоялась встреча с президентом страны Фердинандом Маркосом. Интересными были встречи и беседы со спикером парламента С. Виллареал, председателем сената Х. Пуйатом, с председателями парламентских комиссий по вопросам обороны и по иностранным делам, с членами конгресса и сената от правящей партии националистов и от оппозиционной либеральной партии.

В беседах государственные и политические деятели Филиппин подчеркивали стремление своей страны к развитию связей и контактов с Советским Союзом и другими социалистическими странами, выражали твердую уверенность, что советско-филиппинские отношения в скором времени будут нормализованы.

В Маниле мне как историку была предложена возможность ознакомиться с деятельностью Исторической комиссии Филиппин, правительственного органа, координирующего работу научных учреждений и ученых страны, связанных с изучением исторических проблем. Меня принял постоянный член этой комиссии профессор Теодор А. Агонсилло. Перу Агонсилло принадлежат крупные исследования и многочисленные статьи по истории Филиппин, опубликованные им в разные годы. Среди этих работ — краткая история филиппинского народа («History of the Philippino People»); «Восстание пародных масс» («The Revolt of the Masses»); «Малюльский кризис республики»

(«Malols the Crises of the Republic»); «Рокочные годы» («The Fateful Years») и другие.

Теодор А. Агонсилло подробно рассказал о деятельности Исторической комиссии, основанной в 1965 году. Председателем комиссии является президент Ф. Маркос. Профессор подчеркнул, что одна из задач комиссии — распространение в народе знаний по истории страны, публикация исторических исследований, организация тематических лекций, симпозиумов и конференций. Отмечая наиболее важные даты и события из истории Филиппин, комиссия привлекает к участию в этой работе ученых, общественных и политических деятелей, а также многочисленные организации как в центре, так и в провинции. Комиссия занимается публикацией учебников и работ по истории, нужных для подготовки учителей. Она предпринимает усилия, направленные на то, чтобы устранить имевшие место искажения в освещении некоторых важных фактов из истории страны. Проблемы, разрабатываемые нашими историками, сказал он, пока не выходят за пределы изучения истории филиппинского народа. Это объясняется прежде всего огромным интересом к прошлому страны, который, несомненно, имеет место в самых различных кругах филиппинской общности. Необходимо также учитывать влияние Соединенных Штатов Америки, которые всегда стремились ограничить связи и контакты Филиппин с другими, особенно с социалистическими, странами, воспрепятствовать распространению научных интересов филиппинских историков за пределы чисто национальной тематики. Вероятно, по этой причине, продолжал профессор Агонсилло, мне не удалось воспользоваться приглашением принять участие в работе XIII Международного конгресса историков, проходившего в Москве в 1970 году. Я не смог воспользоваться приглашением, заявил он.

Историческая комиссия ежегодно выпускает «Исторический бюллетень», в котором публикуются работы как филиппинских, так и иностранных историков, но исключительно по филиппинской тематике. Вручая экземпляр последнего выпуска этого бюллетеня (том XV — за январь—декабрь 1971 г.) вместе с некоторыми другими работами филиппинских авторов, профессор Агонсилло попросил ознакомиться с ними советских историков. Упомянутый бюллетень целиком посвящен вопросам истории города Манилы, 400-летие которого отмечалось в июне прошлого года.

В планах комиссии на ближайшие годы — подготовка монографических исследований по истории развития экономики страны, по истории Манилы и других филиппинских городов; обработка архивных документов, связанных с деятельностью президентов (от Рохаса до Макапагала), а также освещение в печати важнейших событий из истории страны, которые будут отмечаться в ближайшие годы.

Профессор Агонсилло считает, что, занимаясь изучением истории своей страны, филиппинские ученые очень слабо информированы о состоянии и развитии исторической науки в других странах (исключая, возможно, США и Испанию). И это относится прежде всего к истории государств социалистического содружества. Между тем интерес к изучению истории этих государств, и особенно истории Советского Союза, очень велик. Отношения между нашими странами улучшаются. Можно надеяться, что будут установлены непосредственные контакты между филиппинскими и советскими историками. Это диктуется самой жизнью, сказал он.

Профессор Агонсилло с интересом выслушал сообщение о последних работах советских историков, о некоторых важных проблемах истории СССР и зарубежных стран (особенно стран Азии), над которыми они работают. Агонсилло нашел очень интересной и актуальной тематику работ, опублико-

ванных в первом номере журнала «Проблемы Дальнего Востока», экземпляр которого был ему вручен, и выразил надежду, что сможет получать этот журнал на Филиппинах.

Теплый, сердечный прием, оказанный нам на Филиппинах, наши встречи и беседы с государственными и политическими деятелями страны, с учеными, с представителями интеллигенции и молодежи показали, что в самых различных кругах филиппинской общественности проявляется большой интерес к Советскому Союзу, к его науке и политике, растут симпатии к советскому народу. Вместе с тем наши собеседники говорили о том, что все еще имеются серьезные препятствия на пути улучшения отношений между нашими странами. Эти препятствия пронстекают главным образом из факта американского присутствия на Филиппинах, из стремления США оказывать влияние на политику страны в нужном для себя направлении.

Однако в настоящее время складывается благоприятная обстановка для установления непосредственных деловых контактов с филиппинскими учеными, для обмена литературой, для встреч и обмена мнениями по научным проблемам. В этом они проявляют большую заинтересованность.

А. П. Марков

СОБЫТИЯ, ЦИФРЫ, ФАКТЫ

Похороны Хэ Сян-нин. 1 сентября 1972 г. на 95-м году жизни скончалась Хэ Сян-нин — соратник Сунь Ят-сена, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП, председатель Революционного комитета гоминьдановского Китая и почетный председатель Национальной федерации женщин Китая.

Хэ Сян-нин была выдающейся революционеркой, принявшей активное участие в Синьхайской революции. На протяжении многих лет она работала вместе с великим китайским революционером-демократом Сунь Ят-сеном, боролась за установление республики в Китае, за превращение его в передовую, демократическую страну. Она последовательно поддерживала революционную программу доктора Сунь Ят-сена, выработанную на основе трех народных принципов, выступала за сотрудничество с Коммунистической партией Китая. Когда Чан Кай-ши, порвав союз с китайскими коммунистами, предал революцию, Хэ Сян-нин, верная делу Сунь Ят-сена, решительно выступила против реакционной политики Чан Кай-ши, вышла из состава реакционного гоминьдановского правительства. Во время борьбы Китая против японских захватчиков Хэ Сян-нин отдавала все силы укреплению единого антияпонского фронта, для того чтобы отстоять национальную независимость своей страны. После образования КНР Хэ Сян-нин активно включилась в строительство новой жизни. Верная принципу Сунь Ят-сена — союзу с Советской Россией, Хэ Сян-нин всегда была горячим сторонником дружбы с СССР, и не случайно, что после образования КНР ее избрали в правление Общества китайско-советской дружбы.

Прах Хэ Сян-нин был перевезен из Пекина в Нанкин, в тот город, где находится мавзолей Сунь Ят-сена и похоронен ее муж Ляо Чжун-кай, боевой соратник и друг Сунь Ят-сена. На траурном митинге в Пекине присутствовали ветераны китайской революции, которые были ошельмованы в ходе «культурной революции» и отстранены маонистами от активной общественно-политической деятельности.

Выселение молодежи из городов продолжается. Ежегодно летом из городов Китая выселяются сотни тысяч выпускников школ и вузов. Их насильно отправляют «в деревни, в горные и отдаленные районы». Тех, кто отказывается «добровольно» ехать,

маонистские власти загоняют в специальные школы «идей Мао Цзэ-дуна». Пройдя «курс обучения» здесь, юноши и девушки, по утверждению маонистской печати, «наперегонки, с радостью рвутся из города в деревню». «Политически незрелые» родители, не желающие навсегда расставаться со своими детьми, также вынуждены посещать пресловутые школы «идей Мао Цзэ-дуна». «В этом году, — как отмечало агентство Синьхуа, — в городах Пекине и Шанхае, в провинциях Хунань и Хэйлунцзян были созданы специальные совещания по обмену опытом». Эти совещания свидетельствуют, что местным маонистским властям нелегко было в 1972 г. «отправить в деревню» 400 тысяч человек, как об этом сообщает Синьхуа, получивших школьное образование в городе. Власти наталкиваются на все возрастающее сопротивление со стороны молодых людей и их родителей, хорошо понимающих истинный смысл политики маонистов по так называемому «воспитанию» выпускников школ и вузов. Они понимают, что демагогический призыв Мао Цзэ-дуна о том, что «образованной молодежи необходимо идти в деревню и учиться у крестьян — бедняков и низших середняков», преследует вполне определенные цели: избавиться от лишних ртов в городах, снять ответственность за ее трудоустройство. Маонисты лишают юношей и девушек возможности использовать полученные знания для созидательного и творческого труда, превращают их в неквалифицированную дешевую рабочую силу.

Уготовленная маонистами участь для китайской молодежи вызывает в ее среде растущее недовольство. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 85 процентов всех беженцев из КНР в Гонконг, как об этом сообщило Франс Пресс, составляют в последнее время студенты, высланные в деревни провинции Гуандун и Гуанси.

Секретное сообщение майора Кромли. В течение многих лет документы, свидетельствующие о проамериканских симпатиях Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая, хранились в сейфах госдепартамента, Белого дома, ЦРУ, ФБР и в других государственных учреждениях США, имеющих отношение к внешней политике. Два года назад, когда стал намечаться новый курс «китайской» политики Вашингтона, о них вдруг вспомнили. Многие из них были тут же опубликованы под сенсационными заголовками. Однако дело было не в сенсации. Вашингтон тем

самым пытался подготовить общественное мнение страны к намечающемуся «крутому повороту» в его «китайской» политике, показать, что американо-китайское сближение имеет под собой давнюю и реальную основу. К этой пропагандистской кампании были привлечены известные американские синологи, и прежде всего те, кто во время второй мировой войны находился в Яньани и лично встречался с Мао Цзэ-дунем и Чжоу Энь-лаем.

Общественность Америки задавала китаистам один и тот же вопрос: «Насколько Мао был искренен в прошлом, призывая к дружбе с американцами?»

В ответ приводились факты, документы, фотографии.

Изыскания американских китаеведов в этом направлении продолжают.

Недавно журнал «Форин афферс» опубликовал статью известного американского историка-китаеведа Барбары Тачман. В ней впервые приводится текст послания начальника американской миссии военных обозревателей в Яньани майора Кромли от 9 января 1945 года. В этом послании сообщалось: «Правительство Яньани желает направить в Америку группу неофициальных представителей для разъяснения заинтересованным американским официальным лицам и общественным деятелям нынешнего положения и проблем Китая. Ниже следует их неофициальное предложение: Мао и Чжоу, вместе или поодиночке, немедленно прибудут в Вашингтон для обмена мнениями, если президент Рузвельт выразит желание принять их в Белом доме в качестве руководителей главной партии Китая».

Документ этот, бесспорно, заслуживает внимания. Он является еще одним неоспоримым доказательством того, что Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай в конце второй мировой войны считали, что Советский Союз выйдет из нее ослабленным, а США станут главной

международной силой на Дальнем Востоке, поддержкой которой они и спешили заручиться. Барбара Тачман сообщает, что Чжоу Энь-лай попросил американских эмиссаров держать предложение о поездке в Вашингтон в секрете, если Рузвельт не соизволит принять их в Белом доме.

Сообщение это было задержано в Чунцине послом США в Китае Патриком Хэрли, и о послании Кромли, как отмечает Барбара Тачман, «не было сообщено ни президенту, ни государственному департаменту, ни министерству обороны».

Заметка без комментариев, со слов агентства Синьхуа. В репертуаре Пекинского кукольного театра в 1972 г. появились новые названия спектаклей. Об этом не без гордости сообщает агентство Синьхуа от 20 сентября 1972 года. «До великой пролетарской культурной революции,— пишет агентство,— в силу влияния ревизионистской линии персонажи кукольного театра были императоры, князья, генералы, сановники и кавалеры с барышнями, а также злые духи. В ходе культурной революции актеры-кукольники раскритиковали ревизионистскую линию в области литературы и искусства», применяя, конечно, «блестящие идеи Мао Цзэ-дуна», и создали «новые номера кукольного театра, приятные для слуха и радующие глаз народных масс». «К числу новых номеров,— продолжает агентство,— относятся танцы «Я люблю Тяньаньмэнь в Пекине» и «В Пекине есть Золотое Солнце», отображающие любовь детей к председателю Мао Цзэ-дуну...» Чтобы у читателей сложилось полное представление о «новом содержании» репертуара, агентство Синьхуа рассказало о «новшествах», применяемых работниками театра. Отныне куклы «могут свободно сжимать пальцы в кулак, брать мотыгу, винтовку, гранату и другие предметы», в общем, все то, чем привыкли манипулировать пекинские пропагандисты.

Михаил Васильевич Нестеров

Ушел из жизни Михаил Васильевич Нестеров — бессменный председатель правления Общества «СССР — Япония» со дня его создания в 1958 г., член КПСС с 1912 г., видный хозяйственный и общественный деятель, прекрасной души человек.

Все, кто близко знал или соприкасался с М. В. Нестеровым, на всю жизнь запомнили его как верного сына Коммунистической партии, деловитого, принципиального, сердечного товарища.

У М. В. Нестерова органично сливались воедино его большая работа хозяйственного руководителя и общественно-политического деятеля. Будучи в течение длительного времени на руководящей работе в системе внешней торговли, он одновременно возглавлял Общество «СССР — Япония», а также принимал живое участие в работе Всемирного Совета Мира, Советского комитета защиты мира и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Делом его долгой жизни стало практическое участие в развитии и укреплении экономических и культурных связей Советского Союза с зарубежными странами на благо мира и дружбы народов.

Особенно много времени и усилий М. В. Нестеров отдал установлению и всестороннему развитию добрососедских отношений с Японией. Он был инициатором и непосредственным руководителем многих важных мероприятий в этом направлении: взаимного устройства торгово-промышленных выставок, совместных конференций, обмена различными делегациями и т. д. М. В. Нестеров неоднократно посещал Японию по приглашению японских правительственных органов и обществ дружбы с СССР. Каждый визит М. В. Нестерова в эту страну благодаря его кипучей энергии и удивительному умению беседовать с людьми оставлял большой след в душе его японских партнеров.

На протяжении шестидесяти лет пребывания в рядах ленинской партии, даже в последний период своей жизни, когда М. В. Нестеров стал персональным пенсионером, он настойчиво продолжал отдавать свои силы плодотворной общественной деятельности. Еще в июне текущего года на третьей Всесоюзной конференции Общества «СССР — Япония» он был вновь единогласно избран председателем правления Общества.

За заслуги перед Родиной М. В. Нестеров был награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Зна-

мени и медалями. Знаком признательности и уважения городской деятельности М. В. Нестерова по укреплению советско-японских экономических и культурных связей явилось награждение М. В. Нестерова в июле сего года японским орденом Священного сокровища 1-й степени.

Светлая память о незабвенном Михаиле Васильевиче Нестерове навсегда сохранится в наших сердцах.

Правление Общества «СССР — Япония»

* * *

В связи с кончиной председателя правления Общества «СССР — Япония» Михаила Васильевича Нестерова в адрес правления Общества поступили из Японии многочисленные сочувственные отклики.

Телеграммы с выражением глубокого соболезнования получены от Общества «Япония — СССР», Общества японо-советской дружбы, Общества японо-советских связей, Японской ассоциации по культурным связям с зарубежными странами, Президиума Общества японо-советских экономических связей «Хабаровск», председателя профсоюзного объединения «Сохйо» Итикава, председателя японской Социалистической партии Т. Нарита, генерального секретаря партии «Комэйто» Д. Яно, министра иностранных дел Японии М. Охира, министра просвещения Японии Инаба, президента Национального совета губернаторов префектур Японии М. Кувахра, губернаторов японских префектур Акита, Осака, Иватэ, Хйого, Исикава, Симанэ, президента Ассоциации мэров городов Западного побережья Японии и мэра города Ниигата Ватанабэ, а также мэров других городов, многочисленных местных организаций дружбы с СССР, кооперативов, отдельных общественных деятелей и др.

Получена также телеграмма с соболезнованием от Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в СССР К. Ниидзэки.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука» выпустила во втором и третьем кварталах 1972 года следующие книги

ПО СТРАНАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:

Березный Л. А. Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. 221 стр. 1300 экз. Цена 90 к.

Меликсетов А. В. Бюрократический капитал в Китае (экономическая политика гоминьдана и развитие государственного капитализма в 1927—1937 гг.). 197 стр. 2200 экз. 76 к.

Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917 гг.). 367 стр. 3000 экз. 1 р. 57 к.

Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). 439 стр. 4700 экз. 1 р. 74 к.

Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия (20—30-е годы). 495 стр. 1700 экз. 2 р. 22 к.

Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев). 200 стр. 1100 экз. 1 р. 14 к.

Динкевич А. И. Очерки экономики современной Японии. 325 стр. 7000 экз. 1 р. 33 к.

Невский Н. А. Айнский фольклор. 125 стр. 2000 экз. 76 к.

Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. 176 стр. 1700 экз. 76 к.

Современный Китай. Социально-экономические проблемы. 264 стр. 10 000 экз. 95 к.

Похищение лотосов. Новеллы китайских писателей (20—30-е годы). 127 стр. 1500 экз. 34 к.

Роль традиции в истории и культуре Китая. 276 стр. 2900 экз. 1 р. 75 к.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. II (1686—1691 гг.). 834 стр. 1100 экз. 6 р. 42 к.

ПО СТРАНАМ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:

Иоанесян С. И. Лаос. Социально-экономическое развитие (конец XIX в. — 60-е годы XX в.). 183 стр. 1600 экз. 98 к.

Гамаюнов Л. С. Индия: исторические, культурные и социально-экономические связи. 279 стр. 2200 экз. 1 р. 62 к.

Гуру Нанак. К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста. (Сборник статей). 199 стр. 1800 экз. 1 р. 08 к.

Народная Республика Бангладеш. Справочник. 71 стр. 20 000 экз. 24 к.

Цейлон. Проблемы и перспективы экономики. 245 стр. 1800 экз. 1 р. 14 к.

Экономика современной Индии. Проблемы роста. (Сборник статей). 178 стр. 2500 экз. 90 к.

Кямилев Э. Х. Завоевание Индонезией независимости. 219 стр. 1900 экз. 91 к.

Содержание журнала за 1972 год

Материалы, посвященные 50-летию образования СССР

А. Ф. Галкин. Якутия — процветающий край. № 4
Д. М. Кукин. Советский Союз — дружество социалистических наций. № 4
К. М. Продайвода. Новая жизнь на бурятской земле. № 4
С. Н. Ростовский. О значении исторического опыта Советского Союза для стран «третьего мира». № 3

Статьи

Е. М. Жуков. Современные империалистические противоречия на Дальнем Востоке. № 2
Об актуальных задачах советского китаеведения. № 1
От редакции. № 1
Решения XXIV съезда КПСС, проблемы единства социалистических стран и укрепления мира на Дальнем Востоке. № 1

Экономика и политика

В. И. Акимов. Некоторые особенности современной промышленности КНР. № 2
С. А. Александров, Д. И. Сергеев. Борьба народов Индокитая против империалистической агрессии США на современном этапе. № 1
И. А. Галкин, С. И. Иванов. Верность интернациональному долгу. № 3
М. И. Дальнев. Кризис великодержавного маоистского курса. № 2
И. И. Ивков. Япония перед лицом серьезных испытаний. № 3
Г. Г. Кадымов. Индокитай во внешнеполитической стратегии империалистических государств. № 2
В. С. Котляров. Социально-политические перемены в Бирме. № 1

О. Л. Леонидов. Подрывная деятельность руководства КПК против международного коммунистического движения (1957—1972). № 3

В. П. Ломакин. Советское Приморье и его внешнеэкономические связи. № 1
А. П. Марков. Военные блоки в Азии и американо-китайские отношения. № 1
Г. В. Матвеев. Политические махинации Пекина на Индостанском полуострове. № 4
М. В. Мещеряков. Советско-корейское экономическое сотрудничество. № 4
Ю. И. Огнев. Путь к воссоединению Кореи и его противники. № 2
В. И. Орехов. Зерновая проблема в КНР. № 2

А. П. Памор. Место и роль армии в социально-политической жизни современного Китая. № 3

Л. В. Пахомова. Экспансия японских монополий в Индонезии. № 4
М. И. Сладковский. Китайско-японские отношения (уроки истории, современность). № 1

Б. А. Соборов. Маоистский миф о «сверхдержавах». № 4

В. Б. Спандарьян. Перспективы советско-японских экономических отношений. № 2

М. В. Фомичева. Некоторые особенности экономической политики Пекина в странах «третьего мира». № 1

А. К. Черный. Мы — за развитие добрососедских отношений. № 2

Н. П. Ширяев. Экономические отношения СССР и Японии. № 1

Идеология

М. Л. Алтайский. «Левый» оппортунизм — объективный пособник антикоммунизма. № 3

М. С. Джунусов. Марксистско-ленинское понимание соотношения интернационального и национального и его извращение маоистами. № 3

В. А. Кривцов. Об одном реакционном идейно-политическом анахронизме XX века. № 1

Б. В. Поспелов. Японский национализм. Его истоки и идейно-философское содержание. № 4

В. Я. Сидихменов. О «философской кампании» в КНР. № 2

История

К. Д. Антонов. Полвека борьбы. № 2

Е. Ю. Богущ. Выдающиеся произведения творческого марксизма-ленинизма. К 60-летию статей В. И. Ленина о Китае. № 4

В. И. Глунин. К 50-летию второго съезда Коммунистической партии Китая. № 3

К. Г. Кирлин. Китайская Народная Республика и Организация Объединенных Наций. № 1

А. А. Мурадян. «Историография» против истории. Современные американские истории о колониальной политике США в XIX веке. № 4

А. П. Окладников. Новое в археологии Дальнего Востока. № 3

А. С. Титов. О политических контактах Мао Цзэ-дуна с Эдгаром Сноу. № 2

С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен — первый президент Китайской республики. № 2

В. П. Фетов. Пэн Дэ-хуай, Лушаньский пленум и «культурная революция». № 3

А. Т. Якимов. Великий подвиг советского народа на Дальнем Востоке. № 4

Культура и просвещение

В. Ф. Волжанин. Из истории борьбы двух линий в литературе и искусстве КНР («Десять тезисов 1961 года»). № 1

В. В. Логунова. О некоторых тенденциях в развитии современной японской прозы. № 1

Е. В. Мальцева. Высшая школа в КНР: сомнительные эксперименты. № 3

А. И. Мамонов. Советская поэзия в Японии. № 2

В. М. Солнцев. Некоторые актуальные задачи изучения китайского языка. № 3

М. В. Софронов. Лингвистические проблемы в китайском обществе. № 1

Н. Е. Сретенская. Кризис школьного образования в КНР. № 4

М. В. Тарасова. Судьба китайского театра. № 2

С. А. Торопцев. Китайское кино сегодня. № 4

Н. Т. Федоренко. Задачи изучения китайской литературы. № 2

Н. Т. Федоренко. Бо Цзюй-и (к 1200-летию со дня рождения). № 3

Г. Б. Ярославцев. Поэзия Монголии — «свод вдохновенных слов». № 3

Критика и библиография

Л. Г. Бескровный. Русско-китайские отношения в XVII веке. № 2

В. Я. Вениаминов. Новые книги по Востоку в 1973 году. № 4

В. Б. Воронцов. Южная Корея и США. № 1

В. Б. Воронцов. Закулисная политика США на Дальнем Востоке. № 2

В. Б. Воронцов. Китайский фронт во второй мировой войне. № 3

В. В. Дашков. Два экономических этапа — две политики. № 4

А. М. Дубинский. Колониальная экспансия в Китае и ее современные апологеты. № 3

Д. М. Дубровский. Рихард Зорге — журналист и востоковед. № 1

А. Я. Калягин. У истоков советско-китайской дружбы. № 2

Петр Каторжинский. Новая книга о Китае в Польше. № 2

В. А. Кривцов. Реакционная сущность идеологии и политики маоизма. № 3

К. В. Кукушкин. К 45-летию Наньчанского восстания. Великоханьские шовинисты — враги мирового прогресса. № 3

И. Л. Львова. Древняя японская антология в русском переводе. № 2

В. В. Медведев. «Новые левые» в американском китаеведении. № 3

В. А. Неделин. Из истории китайской общественно-политической мысли нового времени. № 4

В. Н. Никифоров. Об Учанском восстании. № 3

В. Б. Орлов. Дж. Сервис. О некоторых проблемах истории американо-китайских отношений. № 1

К. М. Попов. Книга на злободневную тему. № 2

Н. Г. Сенин. Маоизм в теоретическом облачении. № 1

В. Т. Тихонов. Исследование о японском милитаризме. № 2

Публицистика

И. С. Голубев. Го Мо-жо: «Возрождение» из пепла. № 2

Блага Димитрова. «Подземное небо. Вьетнамский дневник, 72». № 4

А. Н. Желуховцев. Фельетоны Дэн То. № 2

Документы, публикации

Директива ЦК КПК о дипломатической работе. № 1

Дэн То. От трех до десяти тысяч (фельетоны). № 2

К сорок пятой годовщине Кантонской коммуны. № 4

Комментарии, научные заметки, сообщения

Т. Н. Акатова. Памяти товарища Дэн Чжун-ся. № 4

Д. Н. Зильберг. Библиотека советских
китаеведов. № 4

И. В. Кравцов. Новые веяния на Филип-
пинах. № 1

Н. Н. Костин. Национально-освободитель-
ное движение и вопросы борьбы против
современного антикоммунизма. № 1

В. А. Кривцов. XXIV Международный
конгресс китаеведов в Амстердаме. № 4

А. П. Марков. Встречи на Филиппинах.
№ 4

Р. А. Мировицкая. Всесоюзная конфе-
ренция китаеведов. № 1

В. И. Семанов. Советские литературо-
веды в ДРВ. № 1

В. Ф. Сорокин. На XXIII Междунаро-
дном конгрессе китаеведов. № 1

С. А. Торопцев. И теория, и практика
(О пятой научной конференции «Теорети-
ческие проблемы изучения литератур
Дальнего Востока»). № 1

Историко-экономический обзор

Р. А. Антонова. К 45-летию трагической
гибели Ли Да-чжао. № 2

В. Н. Матвеев. Остров Тайвань. № 2

События, цифры, факты

№ 1, 3, 4

М. В. Нестеров, Д. М. Дубровский.
Третья Всесоюзная конференция Общества
«СССР — Япония». № 3

Н. А. Панков. Общество советско-китай-
ской дружбы. № 3

Книжная полка

№ 2, № 4

Сдано в набор 7.X.1972 г. Подписано к печати 21.XI.1972 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 5. Печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 13,86.
Изд. № 15183. А08840. Заказ № 1967. Цена 50 коп. Тираж 11050.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Чеховский полиграфический комбинат «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов, Московской области